

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО»**

На правах рукописи

КУЛИКОВА

Яна Алексеевна

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор

Мартынов Алексей Владимирович

Нижний Новгород – 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-правовые основы использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе	24
§ 1. Понятие и виды цифровых технологий, используемых в административно-юрисдикционном процессе	24
§ 2. Законодательная основа использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе.....	54
§ 3. Современные цифровые технологии, применяемые в юридических процессах в России.....	68
Глава 2. Правовые механизмы использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях	86
§ 1. Роль, значение и функции цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях	86
§ 2. Применение цифровых технологий на различных стадиях производства по делам об административных правонарушениях	102
§ 3. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях	129
Глава 3. Перспективы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях	149
§ 1. Проблемные вопросы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях	149
§ 2. Перспективные направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях	165
Заключение.....	191
Библиографический список.....	199
Приложения.....	238

Введение

Актуальность темы исследования. Современный этап развития российского государства и права характеризуется беспрецедентной динамикой цифровой трансформации, которая охватывает ключевые сферы общественных отношений, включая фундаментальные государственные институты и правовые механизмы. Цифровизация государственного управления и правосудия не является просто технической модернизацией или внедрением новых инструментов для повышения эффективности: речь идёт о качественном переосмыслении архитектуры правовых процессов, пересмотре традиционных концепций, трансформации принципов процессуальной справедливости и разработке новых механизмов защиты прав граждан в условиях цифровой реальности.

Такой вектор цифровизации задан на уровне актов стратегического планирования. Так, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203¹ закрепляет стратегические приоритеты развития информационного общества, включая формирование информационного пространства, развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры, создание и применение российских информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ), а также механизмы межведомственного взаимодействия при реализации цифровой повестки.

В развитие этих ориентиров национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации»² предусматривает комплекс федеральных проектов, среди которых отдельно выделен федеральный проект «Цифровое государственное управление», прямо нацеленный на внедрение цифровых

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 01.03.2026).

технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг.

Следует также отметить Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490¹, который утвердил национальную стратегию развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) до 2030 года, включая задачи создания нормативной базы и стимулирования внедрения доверенных технологий ИИ в отраслях экономики и социальной сферы. Значимость данного документа для сферы правосудия и производства по делам об административных правонарушениях выражается в том, что применение алгоритмических средств анализа и обработки данных, автоматизированных систем фиксации и обработки сведений, а также иных цифровых решений неизбежно требует правового закрепления пределов их использования, процедур верификации результатов и гарантий защиты прав участников производства по делам об административных правонарушениях, включая соблюдение принципов допустимости доказательств и процессуальной справедливости.

Мероприятия по информатизации судебной деятельности закреплялись в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»², а также развиваются через Концепцию информатизации Верховного Суда РФ³ и Концепцию информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года⁴. Практическая направленность указанных документов выражается в закреплении курса на внедрение электронных форм осуществления судебной деятельности и процессуального взаимодействия с участниками, включая подачу и получение процессуальных документов в электронной форме, использование технологий дистанционного

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 15.06.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

³ Концепция информатизации Верховного Суда РФ (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379159/ (дата обращения: 01.03.2026).

⁴ Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 02.12.2019 № 785) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/ (дата обращения: 01.03.2026).

участия (веб-конференций), обеспечение открытости правосудия посредством официального опубликования судебных актов, ведение электронного документооборота и электронных материалов дела, а также создание механизмов информационного сопровождения процесса, позволяющих участникам отслеживать движение дела и реализовывать принадлежащие им процессуальные права.

Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации претерпевает существенную трансформацию. Ежегодно в России рассматривается значительное количество дел об административных правонарушениях. Так, за первое полугодие 2025 года судами общей юрисдикции было рассмотрено 2,9 миллиона дел об административных правонарушениях¹, при этом применение цифровых технологий в данной сфере становится все более масштабным.

Автоматизированные комплексы фиксации нарушений правил дорожного движения формируют значительный массив постановлений по делам об административных правонарушениях. По данным Министерства внутренних дел России (далее – МВД России), в 2025 году зарегистрировано 232 170 718 правонарушений в области дорожного движения, при этом около 93 % из них выявлены в автоматическом режиме с использованием комплексов фото- и видеофиксации². Системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц используются для идентификации правонарушителей, а электронные системы документооборота обеспечивают дистанционное взаимодействие участников производства с органами публичной власти.

Эти практики свидетельствуют о том, что цифровизация производства по делам об административных правонарушениях уже происходит, однако она носит фрагментарный характер и часто осуществляется без должного нормативного сопровождения.

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за первое полугодие 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291> (дата обращения: 01.02.2026).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Показатели статистики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fedstat.ru/indicators> (дата обращения: 10.03.2026).

Актуальность исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Несмотря на широкое употребление термина «цифровые технологии» в законодательстве, судебной практике и научной литературе, в административно-правовой доктрине сохраняется неоднородность подходов к его содержанию и соотношению со смежными категориями. При этом легальное определение данного понятия отсутствует, что приводит к разночтениям в правоприменении, затрудняет формирование единообразных требований к цифровым процедурам и снижает предсказуемость административно-правового регулирования.

Нормативное регулирование применения цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях остаётся несистемным и разрозненным. Применение цифровых инструментов регулируется совокупностью федеральных законов, подзаконных актов и ведомственных инструкций, которые часто содержат коллизии и пробелы.

Практическое применение цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях сталкивается с серьёзными проблемами, требующими системного решения. Неравномерность технического оснащения по регионам создаёт неравенство в доступе граждан к правосудию. Кроме того, недостаточная подготовка судей и должностных лиц в области информационных технологий препятствует надлежащей оценке электронных доказательств и применению цифровых инструментов. Проблемы с защитой персональных данных при использовании цифровых технологий, отсутствие единых стандартов обращения с электронными доказательствами, непрозрачность алгоритмов искусственного интеллекта создают риски нарушения прав граждан.

Степень научной разработанности темы исследования. Тема применения цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях получила значительное освещение в российской юридической литературе последних лет, однако остаётся недостаточно изученной в целом.

Значительный вклад в изучение этой проблематики внесли исследования, посвящённые цифровизации правосудия и государственного управления в целом. Работы таких авторов, как М.Б. Добробаба, А.Н. Долженко, А.В. Кашанин, Н.А. Назаров, И.В. Панова, М.С. Прокопов, А.А. Урасова, А.Ю. Чурикова, рассматривают общие вопросы применения информационных технологий в правовой сфере.

Существенное значение имеют также исследования, посвящённые правовым основам цифровой трансформации и вопросам правового регулирования применения информационных технологий. Эти проблемы нашли отражение в монографиях под редакцией Р.В. Амелина и С.Е. Чаннова¹, А.В. Мартынова², А.В. Минбалеева³, Т.А. Поляковой⁴, Л.К. Терещенко⁵, в работах Д.Н. Шурухновой⁶ и др.

Вопросы регламентации искусственного интеллекта рассматривались А.Р. Атабековым, П.М. Морхат, В.Б. Наумовым, А.А. Щитовой и др.

Проблематика правового регулирования использования информационных технологий, обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, в том числе в условиях цифрового взаимодействия, а также правовые основы развития сквозных цифровых, включая квантовые, технологий получили всестороннее освещение в научных работах следующих

¹ Эволюция права под воздействием цифровых технологий: монография / Р.В. Амелин, С.Е. Чаннов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 280 с.

² Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики»: результаты исследования: монография / А.В. Мартынов, М.В. Бундин, Е.В. Ширеева [и др.]. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. 251 с.

³ Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий: монография / А.В. Минбалеев [и др.]; под общ. ред. А.В. Минбалеева; Институт государства и права РАН. Саратов: Амирит, 2022. 338 с.; Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография / А.В. Минбалеев, А.В. Мартынов, Г.Г. Камалова [и др.]; под общ. ред. А.В. Минбалеева. М.: Проспект, 2023. 264 с.

⁴ Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев (отв. ред.); под общ. ред. А.Н. Савенкова. М.: Институт государства и права РАН, 2020. 340 с.

⁵ Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография / Л.К. Терещенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. 227 с.

⁶ Шурухнова Д.Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 310-313; Шурухнова Д.Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 278-280.

авторов: С.М. Зубарев¹, А.С. Зубкова², А.А. Карцхия³, М.В. Коновалов⁴, С.С. Кузнецова⁵, Ю.А. Маленков⁶, А.В. Мартынов⁷, Г.А. Морозова⁸, И.В. Петров⁹, Е.В. Попов¹⁰, И.В. Понкин¹¹, А.Ю. Соколов¹², А.А. Сорокин¹³ и др.

Проблемы электронных доказательств изучались М.В. Анисифоровой, М.В. Гореловым, А.В. Малыком, А.И. Минаевой, М.Б. Набатовым, Р.И. Оконенко, П.С. Пастуховым, П.Н. Сафоненковым, С.Г. Сафроновым, Д.С. Щекиной, однако эти исследования часто ориентированы на гражданское или уголовное судопроизводство, а не на производство по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных научных работ по различным аспектам цифровизации производства по делам об административных правонарушениях, комплексное исследование этой проблематики, охватывающее теоретические основы, нормативное регулирование и практическое применение, а также разработка системных

¹ Зубарев С.М., Сладкова А.В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 53-59.

² Зубкова А.С. Комплексное правовое регулирование в современной России: понятие, состояние, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. 170 с.

³ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... доктора юрид. наук. М., 2019. 394 с.

⁴ Коновалов М.В. Big Data. Особенности и роль в современном бизнесе // Технические науки: проблемы и перспективы: материалы VI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 июля 2018 года. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 8-10.

⁵ Кузнецова С.С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 134-149.

⁶ Маленков Ю.А. Возможности применения цифровых технологий в стратегическом планировании и прогнозировании устойчивого развития организаций // Молодой ученый. 2021. № 14 (356). С. 84-89.

⁷ Мартынов А.В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. №. 2. С. 175-186.

⁸ Морозова Г.А., Губайдуллина Э.Х. Цифровые технологии в административном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-2. С. 188-192.

⁹ Петров И.В. Актуальные вопросы цифровизации российского правосудия // Общество и право. 2024. Т. 12. № 1. С. 34-37.

¹⁰ Попов Е.В., Семячков К.А. Возможности и границы применения цифровых технологий в современном обществе // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 4. С. 1979-1992.

¹¹ Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 11 (99). С. 108-116.

¹² Соколов А.Ю. Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 118-124.

¹³ Сорокин А.А. Правовое регулирование налогообложения трансграничных операций в России и в странах ОЭСР: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 240 с.

предложений по совершенствованию законодательства до настоящего времени не проводились.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере применения цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, включая правовые, организационные, технологические и социальные аспекты этого процесса.

Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие применение цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях на всех его стадиях, правоприменительная практика судов и органов публичной власти по их применению, а также научные концепции, разработанные в отечественной и зарубежной юридической доктрине в области цифрового права и административного права.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение теоретико-правовых основ, нормативного регулирования и практического применения цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, выявление проблем и разработка научно-обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования этой сферы на основе анализа конституционных принципов, международных стандартов, действующего российского законодательства и судебной практики.

В соответствии с целью исследования решаются следующие **задачи**:

- 1) раскрыть понятие и сущность цифровых технологий в контексте административно-юрисдикционной деятельности;
- 2) исследовать действующее российское законодательство, регулирующее применение цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, выявить пробелы и коллизии в нормативно-правовом регулировании;
- 3) изучить и обобщить современные практики применения цифровых технологий в различных юридических процессах в России;

- 4) проанализировать роль, значение и функции цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях;
- 5) исследовать применение цифровых технологий на различных стадиях производства по делам об административных правонарушениях;
- 6) изучить применение цифровых технологий в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях;
- 7) выявить и проанализировать основные проблемные вопросы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях;
- 8) определить перспективные направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях.

Методологическая основа исследования базируется на принципах объективности, научности, комплексности и системности. В ходе исследования использовалась совокупность общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов научного познания.

Системный анализ использовался для изучения цифровых технологий как целостной системы, состоящей из взаимосвязанных компонентов (техническое обеспечение, программное обеспечение, организационные процедуры, правовое регулирование), и анализа влияния этой системы на различные аспекты производства по делам об административных правонарушениях.

Функциональный анализ применялся при исследовании функций, которые выполняют различные цифровые технологии в административно-юрисдикционном процессе, включая регулятивную, превентивную, обеспечительную, информационно-аналитическую и модернизирующую функции.

Аналитический метод применялся для выявления причин возникновения проблем в сфере цифровизации, анализа факторов, препятствующих полноценному внедрению цифровых инструментов, и определения путей их преодоления.

Сравнительный подход применялся на доктринальном уровне путем сопоставления научных позиций отечественных и зарубежных исследователей по вопросам правового регулирования использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях.

Историко-правовой метод применялся при исследовании эволюции нормативного регулирования применения цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, начиная с первых попыток внедрения автоматизированной фиксации нарушений правил дорожного движения и завершая принятием современного законодательства об электронном документообороте.

Риск-ориентированный подход использовался при анализе проблем, связанных с внедрением цифровых технологий, с целью выявления потенциальных рисков для прав и свобод граждан и разработки механизмов их минимизации.

Дескриптивный метод применялся при описании современного состояния цифровизации производства по делам об административных правонарушениях, судебной практики применения цифровых технологий и практических проблем, возникающих при их внедрении.

Формально-юридический метод применялся при анализе конституционных норм, федеральных законов, подзаконных актов и ведомственных инструкций, регулирующих применение цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях. Этот метод позволил выявить пробелы, коллизии и недостатки в действующем законодательстве, а также определить направления его совершенствования.

Теоретическую основу исследования составили научные труды ученых, посвященные проблемам цифровой трансформации производства по делам об административных правонарушениях, внедрения электронных протоколов, электронных доказательств, автоматизированных информационных систем и иных цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях.

Наиболее значимыми для исследуемой проблематики являются научные труды следующих авторов: В.Л. Абашкин, С.Н. Братановский, И.А. Галаган, В.В. Денисенко, М.В. Добробаба, А.Н. Долженко, А.С. Дугенец, Е.В. Евсикова, О.В. Гречкина, А.Б. Зеленцов, А.И. Каплунов, Д.В. Карпухин, А.В. Карпушкин, А.В. Кашанин, К.В. Ковалишина, Н.М. Конин, П.И. Кононов, А.В. Мартынов, М.А. Мирошниченко, Н.Л. Пешин, Н.И. Побежимова, М.П. Поляков, О.С. Рогачева, Б.В. Россинский, З.А. Саидов, П.Н. Сафоненков, А.Ю. Соколов, Ю.Н. Стариллов, А.И. Стахов, А.А. Стребкова, Л.К. Терещенко, Ю.А. Тихомиров, А.А. Троицкая, В.П. Уманская, А.П. Шергин, В.В. Черников, С.Е. Чаннов, О.А. Ястребов и др.

Правовые основы использования информационных технологий, цифровых платформ, электронных реестров, облачных вычислений, интернета вещей и иных цифровых решений в сфере публичного управления и правоприменения исследованы в трудах А.Р. Жарикова, А.Б. Зеленцова, С.М. Зубарева, С.Г. Сафронова, А.В. Сладковой, А.А. Карцхии, А.В. Мартынова, А.В. Минбалеева, А.Ю. Чуриковой, С.Е. Чаннова, Л.К. Терещенко, В.Б. Наумова, Т.А. Поляковой и др.

Вопросы применения искусственного интеллекта, автоматизированных систем принятия решений, алгоритмического управления и цифровых помощников в деятельности органов государственной власти и правосудия получили развитие в научных исследованиях А.С. Брычеева, В.Н. Лексина, Е.Е. Кабановой, И.В. Понкина, А.А. Филиппович, В.Б. Наумова, Т.А. Поляковой, С.Е. Чаннова, а также в зарубежных работах: Г.С. Блэра, К. Кукьера, Т.М. Эгеди, К. Якобса, В. Майер-Шёнбергер, Т. Язара и др.

Нормативно-правовую основу исследования составляют отечественные и международные нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере разработки, внедрения и использования информационных технологий и систем в производстве по делам об административных правонарушениях Российской Федерации и зарубежных государств. В работе проанализированы государственные и предварительные

национальные стандарты, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, а также приказы и иные официальные акты федеральных органов исполнительной власти.

Эмпирическую основу составили официальные статистические данные о результатах рассмотрения судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, размещенные Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, а также материалы правоприменительной практики за 2011–2025 гг., включающие решения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции, областных и районных судов общей юрисдикции, а также арбитражных судов. Особое значение для исследования имели судебные акты, в которых получили отражение вопросы использования, процессуального оформления, проверки и оценки электронных доказательств.

Научная новизна исследования состоит в том, что представленная диссертация является комплексным исследованием, в котором цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях рассматриваются как самостоятельный фактор трансформации административно-юрисдикционного процесса. В работе цифровизация анализируется не только как процесс внедрения цифровых технологий в административно-юрисдикционную деятельность, но и как правовое явление, оказывающее влияние на содержание процессуальных гарантий, процесс доказывания, порядок взаимодействия участников производства и исполнение решений по делам об административных правонарушениях.

В научном исследовании особое внимание уделяется теоретико-правовому осмыслению цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, выявлению проблем их нормативного закрепления и практического применения, а также разработке направлений совершенствования административно-деликтного законодательства в условиях цифровой трансформации публичного управления.

В результате проведенного научного исследования:

- сформулированы авторские определения цифровых технологий, сквозных цифровых технологий и электронных доказательств применительно к производству по делам об административных правонарушениях;
- раскрыты сущность, значение, роль и функции цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, что позволило обосновать их системное влияние на развитие административно-юрисдикционного процесса;
- выявлены особенности применения цифровых технологий на различных стадиях производства по делам об административных правонарушениях, а также показано их двойственное значение как средства повышения эффективности и одновременно как инструмента обеспечения законности, прозрачности и процессуальных гарантий;
- обоснована необходимость совершенствования правового регулирования электронного документооборота, электронной аутентификации и использования электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях;
- определены основные проблемы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях: нормативно-правовые, технические, организационно-управленческие и кадровые проблемы;
- определены перспективные направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях: такие направления связаны с использованием алгоритмической автоматизации и технологий искусственного интеллекта;
- предложено рассматривать алгоритмическую автоматизацию как технологический механизм реализации заранее predetermined процедурных последствий, возникающих в силу решения правоприменителя. Такой механизм обеспечивает прозрачность, проверяемость, единообразие исполнения, что полностью соответствует принципам и задачам законодательства об административных правонарушениях;

– доказано, что наиболее обоснованной моделью внедрения искусственного интеллекта в производство по делам об административных правонарушениях является его использование в качестве инструмента интеллектуальной поддержки, а не автономного субъекта разрешения дела по существу;

– предложен подход к распределению ответственности за применение технологий искусственного интеллекта в административно-юрисдикционной деятельности между разработчиком соответствующей системы, органом или должностным лицом, использующим такую систему, и оператором цифровой инфраструктуры.

Основные положения, выносимые на защиту, которые являются новыми или обладающими элементами новизны:

1. Обосновано положение о том, что цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях следует рассматривать не как вспомогательный инструмент, а как фактор трансформации административно-правовых и административно-процессуальных отношений, в рамках которых модернизируются административные процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях, появляются новые виды доказательств, корректируются сроки совершения процессуальных действий и составления процессуальных документов, обеспечиваются доступность и коммуникация участников административного процесса.

2. Использование цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях обуславливает возникновение у участников данного производства новых процессуальных прав и обязанностей, связанных с получением информации о применении цифровых технологий, доступом к материалам дела в цифровой форме, представлением и проверкой электронных доказательств, защитой персональных данных, обжалованием решений, принятых на основании результатов применения цифровых технологий, а также с реализацией иных процессуальных прав и исполнением

иных процессуальных обязанностей, обусловленных использованием таких технологий. В связи с этим возникает необходимость в унификации (стандартизации) порядка применения цифровых технологий и надлежащем правовом регулировании соответствующих отношений в целях создания условий для внедрения новых перспективных «сквозных» цифровых технологий.

3. Обосновано, что необходимо сформировать понятийный аппарат для использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, систематизировать процедуры использования цифровых технологий, закрепить гарантии для участников производства по делам об административных правонарушениях при использовании цифровых технологий. Предлагаются следующие теоретические дефиниции:

1) под цифровыми технологиями в производстве по делам об административных правонарушениях следует понимать применяемые в цифровой форме информационные технологии, реализуемые посредством программных и технических средств и обеспечивающие создание, фиксацию, сбор, передачу, хранение, обработку, исследование и использование юридически значимой информации на стадиях производства по делу об административном правонарушении;

2) процедуры использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях необходимо рассматривать как нормативно урегулированную последовательность юридически значимых действий участников производства, совершаемых посредством применения цифровых технологий, направленных на фиксацию, передачу, хранение и использование информации на всех стадиях производства;

3) административно-правовые гарантии участников производства по делам об административных правонарушениях при использовании цифровых технологий включают право на получение информации о применении цифровых технологий в отношении лица, право на доступ к материалам дела в

цифровой форме, возможность проверки электронных доказательств на предмет их достоверности и допустимости, право на защиту персональных данных, а также право на обжалование решений, основанных на результатах применения цифровых технологий.

4. Доказывается взаимосвязь внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях и в другие виды судопроизводств (административное, арбитражное, гражданское, уголовное). Это связано с тем, что суды, рассматривающие дела об административных правонарушениях и другие судебные дела, как правило, используют одни и те же цифровые технологии. Поэтому использование цифровых технологий может иметь ограниченный характер, связанный как с отсутствием необходимой правовой базы, так и с недостаточным техническим обеспечением судов. Вместе с тем, учитывая неоднородный характер производства по делам об административных правонарушениях (судебный и внесудебный характер рассмотрения дел), цифровизация административного производства может происходить другими темпами и с помощью других цифровых технологий, имеющих опережающий характер по сравнению с иными видами процессуальной деятельности.

5. Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях характеризуются различным правовым значением в судебном и внесудебном порядке привлечения лица к административной ответственности.

В судебном порядке такие технологии преимущественно обеспечивают прозрачность, доступность процессуальных гарантий, тогда как во внесудебном порядке данные технологии в основном направлены на автоматизацию определенных процессуальных действий и повышение оперативности информационного взаимодействия. Правовое значение цифровых технологий раскрывается через совокупность институциональной, коммуникационной, гарантийной, интеграционной и модернизирующей ролей, отражающих формирование новых правовых институтов, обеспечение взаимодействия

участников, укрепление доверия к результатам процесса, создание единого цифрового пространства и трансформацию модели административно-деликтного производства. Указанные роли находят выражение в выполняемых функциях, включающих передачу данных, обработку информации, хранение информации и обеспечение информационной безопасности.

6. Установлено, что применение цифровых технологий на стадиях возбуждения, рассмотрения, обжалования и исполнения постановления по делу об административном правонарушении находится в стадии активного развития, что одновременно открывает новые возможности и порождает определенные процессуальные риски, связанные с законностью использования материалов автоматической фиксации правонарушений, извлечением, хранением и проверкой информации, существующей в цифровом виде, процессуальным извещением, оговоркой о технической возможности, неодинаковой технической оснащенностью органов власти, надежностью и бесперебойностью информационных систем, ошибками и несвоевременным обновлением сведений в реестрах при исполнении отдельных видов административных наказаний.

7. Сформулирован подход, согласно которому под электронными доказательствами следует понимать фактическую информацию, представленную в форме цифровых данных, воспринимаемую и принимаемую с использованием специального программного обеспечения, на основании которой судья, орган власти или должностное лицо устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства по делу при условии установления источника происхождения данных и подтверждения неизменности их содержания с момента получения до момента исследования и оценки соответствующего доказательства. При этом необходимо различать сведения, полученные с помощью специальных технических средств, которые приобретают доказательственное значение в качестве показаний специальных технических средств, и цифровые данные,

содержащиеся в электронных документах, файлах, информационных системах и на цифровых носителях, которые вводятся в процесс через режим «иных документов», либо как вещественные доказательства. При этом доказана необходимость самостоятельного процессуального подхода к исследованию и оценке электронных доказательств, включающего идентификацию цифрового объекта, проверку условий получения и сохранности, фиксацию цифровых идентификаторов в процессуальных документах, определение случаев обязательного привлечения специалиста (эксперта), а также нормативное закрепление требований к хранению и архивированию электронных доказательств и обеспечению полноценного ознакомления с ними участников производства.

8. Выявлена и систематизирована совокупность проблем внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях, охватывающая нормативно-правовые, технические, организационно-управленческие и кадровые направления.

Обоснован подход, согласно которому для преодоления существующих проблем требуется развитие правовой регламентации цифровых технологий как в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ), так и посредством принятия специального подзаконного нормативного акта, закрепляющего минимальные технические требования и стандарты безопасности, единые подходы к оценке электронных доказательств, правила межведомственного цифрового взаимодействия и основы кадрового обеспечения, подготовки и аттестации соответствующих специалистов.

9. Обосновано, что перспективные направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях связаны с внедрением технологий алгоритмической автоматизации и искусственного интеллекта. Предлагается идея двухуровневой модели регулирования алгоритмической автоматизации: на уровне КоАП РФ должна быть закреплена разрешительная норма, которая раскроет общие положения, тогда как на

подзаконном уровне необходимо урегулировать технические и организационные аспекты применения такой технологии.

Предложена дифференциация уровней применения алгоритмической автоматизации и искусственного интеллекта в производстве по делам об административных правонарушениях: технический уровень, связанный с фиксацией, поиском, сортировкой и обработкой информации; аналитический уровень, предполагающий выявление признаков правонарушения и формирование вспомогательных выводов; рекомендательный уровень, при котором система может предлагать проект процессуального решения; недопустимый уровень, при котором система самостоятельно принимает юридически значимое решение о виновности лица, назначении административного наказания либо ограничении процессуальных прав участников производства.

Установлено, что искусственный интеллект не обладает собственной правосубъектностью и должен рассматриваться как инструмент интеллектуальной поддержки. Доказана необходимость специальной регламентации данной технологии, в том числе вопросов распределения ответственности при использовании систем искусственного интеллекта между разработчиком, оператором информационной инфраструктуры и органом (должностным лицом), принимающим итоговое решение.

Обоснована необходимость закрепления обязанности фиксации каждого случая использования технологий искусственного интеллекта должностным лицом в виде протокола, содержащего сведения об архитектуре, алгоритмической логике и механизме формирования результата.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании целостного научного представления о правовом регулировании использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях как самостоятельном направлении развития административно-юрисдикционного процесса. В работе уточняется понятийный аппарат и раскрывается содержание цифровых технологий

применительно к производству по делам об административных правонарушениях, предлагается их научно-обоснованная классификация. Сформулированные выводы развивают положения науки административного права и административно-процессуальной доктрины, конкретизируют подходы теории доказательств к оценке электронных данных. Теоретические положения и выводы исследования могут быть использованы для дальнейших научных изысканий по проблематике цифровизации административной юрисдикции, при подготовке учебно-методических материалов и научных комментариев к нормам КоАП РФ.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства, которые могут быть использованы при подготовке новых редакций КоАП РФ, при разработке подзаконных актов и ведомственных инструкций, при организации переподготовки судей и должностных лиц. Предложения, содержащиеся в работе, могут быть полезны для органов исполнительной власти, судебной системы, правозащитных организаций и научных учреждений при разработке и реализации программ цифровизации производства по делам об административных правонарушениях.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается обзором и анализом научных источников по вопросам правового регулирования использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях, использованием статистических, информационных и методических данных по теме исследования, применением общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов, в том числе формально-юридического метода.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась и была одобрена на заседании кафедры административного и финансового права юридического факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный

исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского».

Достоверность результатов проведенного исследования определяется используемыми методами научного познания, анализом большого объема отечественной и зарубежной научной литературы, российских, международных и зарубежных нормативных актов, а также практики их применения.

Основные научные результаты диссертационного исследования отражены в 12 научных статьях автора, 6 из которых опубликованы в журналах «Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского», «Административное и муниципальное право», «Вестник юридических исследований», «Евразийский юридический журнал», входящих в перечень ведущих научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Кроме того, основные выводы диссертационного исследования были представлены в период с 2022 по 2026 годы на научных и научно-практических мероприятиях различного уровня, в том числе на VIII–X ежегодных Всероссийских научно-практических конференциях «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства» (г. Нижний Новгород, 29–30 июня 2023 г., 4–5 июля 2024 г., 4–6 июля 2025 г.), IV Международной научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (г. Нижний Новгород, 22–24 сентября 2023 г.), X Московском международном юридическом форуме (г. Москва, 6–8 апреля 2023 г.), XXIII и XXVI Международных научно-практических конференциях «Кутафинские чтения» (г. Москва, 25 ноября 2022 г., 28 ноября 2024 г.), VI межрегиональном и VIII областном (III межрегиональном) правозащитных экологических форумах («Волга – территория экологии», г. Иваново, 23 сентября 2022 г.; «Экология городских агломераций», г. Иваново, 10 октября 2024 г.), XVI ежегодной Всероссийской научной сессии аспирантов и молодых ученых (г. Вологда, 29 ноября 2022 г., диплом I степени за лучший доклад в номинации «Аспиранты»),

Всероссийской научно-практической конференции «Судебная власть в России (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации)» (г. Нижний Новгород, 8 ноября 2022 г.), Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Суд и правосудие: прошлое, настоящее, будущее» (г. Иваново, 26 января 2023 г.), Всероссийских (национальных) научно-практических конференциях «Российская Федерация – правопреемник и правопродолжатель Союза ССР: принципы, практика, перспективы (к 100-летию образования СССР)» (г. Иваново, 16–17 декабря 2022 г.) и «Конституционное развитие России в изменяющемся мире (к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации)» (г. Иваново, 15–16 декабря 2023 г.), Международных научно-практических конференциях «Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации» (г. Иваново, 10–28 апреля 2023 г., 10–28 апреля 2024 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Российский федерализм: состояние и перспективы развития (к годовщине принятия Конституции Российской Федерации)» (г. Иваново, 5–6 декабря 2024 г.), IX Всероссийском юридическом форуме (г. Москва, 24 сентября 2025 г.), а также Всероссийской научно-практической конференции «Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в конституционализации отраслевого законодательства и правоприменительной практики» (г. Иваново, 12–13 декабря 2025 г.).

Структура диссертации определена ее темой, целью и задачами. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, включающих восемь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

Глава 1. Теоретико-правовые основы использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе

§ 1. Понятие и виды цифровых технологий, используемых в административно-юрисдикционном процессе

В условиях глобальной цифровизации, охватывающей все сферы общественной жизни, включая деятельность органов публичной власти, происходит трансформация не только практики правоприменения, но и теоретических представлений о сущности и содержании ключевых правовых категорий. В этих условиях цифровизация административно-юрисдикционного процесса обуславливает необходимость переосмысления традиционных подходов к его пониманию, а также к определению его структуры, функций и границ. В этой связи особую значимость приобретает анализ существующих доктринальных подходов к определению данного понятия, поскольку от его теоретического осмысления напрямую зависит корректность правового регулирования цифровых процедур и обеспечение гарантий прав участников производства.

Стоит отметить, что в настоящее время в доктрине права существует множество дефиниций термина «административно-юрисдикционный процесс».

Б.В. Россинский пишет, что «административно-юрисдикционный процесс как урегулированный нормами административного права порядок применения административного принуждения. Данный вид процесса именуется также административно-охранительным процессом»¹. То есть определение раскрывает понятие через функциональный критерий – применение административного принуждения. В данном случае термин охватывает не

¹ Административное право: учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 666.

только производство по делам об административных правонарушениях, но и иные охранительные режимы.

Ю.Н. Старилов связывает административно-юрисдикционный процесс с правозащитной функцией публичного права¹. Представляется обоснованным согласиться, что процессуальные гарантии должны распространяться также и на охранительные процедуры.

А.И. Каплунов отмечает проблему синонимизации термина «административная юрисдикция» с термином «административно-юрисдикционный процесс»². Автор предлагает «административно-юрисдикционные» производства именовать «административно-охранительными», так как предметом административного процесса как формы юрисдикционной деятельности является материальное охранительное правоотношение административного спора, тогда как термин «административная юрисдикция» следует использовать для характеристики полномочий и порядка деятельности соответствующих властных субъектов.

А.Б. Зеленцов и О.А. Ястребов критикуют существующую в науке дихотомию и указывают на следующее: «излишне и некорректно противопоставлять административное судопроизводство и административно-юрисдикционный процесс, поскольку юрисдикция в исконном значении есть не что иное, как судопроизводство»³. Стоит отметить, что термин «административная юрисдикция» охватывает также и внесудебную деятельность органов власти. Следовательно, представляется целесообразным не отказываться от данного термина, а уточнить его через деление на судебную и внесудебную административную юрисдикцию.

Такой подход корреспондирует выводам В.А. Зюзина и С.А. Порываева, отмечающих, что в настоящее время в Российской Федерации сформировалась

¹ Старилов Ю.Н. Административная юстиция: проблемы теории. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. С. 41.

² Каплунов А.И., Дрозд А.О. О предмете административной юрисдикции и понятии административно-юрисдикционной деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 31.

³ Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Современные модели административно-процессуального регулирования: опыт сравнительно-правового исследования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. №. 3. С. 123.

система судебных и внесудебных споров, основанная на конституционных положениях и выполняющая административно-защитную функцию¹.

Так, А.П. Шергин полагает, что административно-юрисдикционный процесс является одним из видов юридического процесса, который относится к числу правоприменительных и предполагает «реализацию правовых норм посредством нормативно-определенной деятельности уполномоченных органов государства по применению правовых установлений»².

Представляется, что вышеприведенный подход носит достаточно широкий характер, так как в нем отсутствует указание на отраслевую принадлежность рассматриваемого процесса. В дефиниции необходимо отразить, что данный вид правоприменительного юридического процесса существует именно в сфере административного права.

По своей сути определение А.П. Шергина описывает любой правоприменительный процесс, так как не содержит в себе существенных признаков применительно к административно-юрисдикционному процессу.

Стоит согласиться с И.А. Галаганом, который отметил, что административно-юрисдикционный процесс является процессуальной формой реализации материальных норм об административной ответственности³. То есть административно-юрисдикционный процесс представляет собой разновидность более широкого явления – административного процесса, который в научной литературе обычно трактуется двояко: в «широком» и «узком» смысле.

В широком смысле административный процесс охватывает всю регламентированную административно-процессуальными нормами деятельность исполнительных органов и иных носителей публичной власти по

¹ Зюзин В.А., Порываев С.А. Формирование в России системы судебных и внесудебных административных споров // Российское правосудие. 2024. № 6. С. 33.

² Шергин А.П. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2015. №. 8. С. 141.

³ Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 41.

реализации управленческих функций (издание индивидуальных актов, лицензирование, регистрация, контроль и надзор и т.п.).

В узком же смысле речь идёт об административной юрисдикции, то есть о рассмотрении дел, возникающих из правонарушений, публичных споров и иных конфликтных ситуаций, требующих оценки фактических обстоятельств и применения мер государственного принуждения¹.

В этой связи представляется возможным сформулировать следующее определение: административно-юрисдикционный процесс – это регламентированная нормами административного права правоприменительная деятельность органов публичной власти по рассмотрению дел об административных правонарушениях, разрешению публично-правовых конфликтов и вынесению по ним решений о применении мер административной ответственности, иных мер административного принуждения либо о разрешении спора.

Структурно административно-юрисдикционный процесс в научной литературе традиционно рассматривается как совокупность взаимосвязанных стадий, каждая из которых имеет собственные задачи, содержание и правовые последствия. В рамках классической модели можно выделить следующие основные этапы:

1) возбуждение производства по делу об административном правонарушении (приём и регистрация заявления, составление протокола об административном правонарушении, вынесение определения о возбуждении дела и т.п.);

2) подготовка дела к рассмотрению (сбор и закрепление доказательств, истребование дополнительных материалов, уведомление лиц, участвующих в деле, решение вопросов о назначении экспертизы и др.);

¹ Стребкова А.А. Административный процесс как юридическая категория: понятие и сущность // Юрист-Правоведь. 2007. №. 4. С. 13.

3) рассмотрение дела по существу (выслушивание объяснений, исследование доказательств, заслушивание свидетелей, проведение иных процессуальных действий);

4) вынесение и оформление процессуального акта (постановления, решения, определения), в котором формулируется правовая оценка обстоятельств дела и определяется объём прав и обязанностей участников;

5) пересмотр решения в апелляционном, кассационном или ином порядке (обжалование в вышестоящий орган или суд, проверка законности и обоснованности ранее принятого акта);

6) исполнение вынесенного решения (применение мер принудительного воздействия, взыскание административного штрафа, обеспечение исполнения предписаний, внесение записей в государственные реестры и др.)¹.

Наличие гарантий процессуального характера (право на защиту, право представлять доказательства и заявлять ходатайства, право обжаловать решения и действия должностных лиц и т.п.) позволяет рассматривать административно-юрисдикционный процесс как важнейший элемент механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в сфере публичного управления. Административная юрисдикция выступает своеобразным «фильтром», не допускающим произвольного вмешательства государства в частную сферу и требующим от органов публичной власти строгого соблюдения установленных законом процедур².

Административно-юрисдикционный процесс также не остается в стороне от цифровизации. Цифровые технологии постепенно внедряются в данный юридический процесс и изменяют порядок фиксации правонарушений, оформления процессуальных документов, а также само взаимодействие между участниками процесса.

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

² Головкин В.В. Административно-юрисдикционная деятельность: вопросы понятия и содержания // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 106.

Стоит признать, что в настоящее время цифровизация стала устойчивой реальностью социальных и экономических отношений, что отмечается многими исследователями¹. Логичным следствием выступает цифровая трансформация публичного управления. В государственной сфере по всему миру наблюдается активное внедрение цифровых технологий, однако степень, темпы и характер их внедрения варьируются от страны к стране.

Российская Федерация за последние годы добилась определенного прогресса в данном направлении, и явным показателем является то, что к 2024 г. не менее 95% социально значимых государственных услуг переведены в электронную форму (через портал «Госуслуги»)². Также отмечается, что число пользователей портала «Госуслуги» достигло показателя в 100 миллионов человек, каждый день данным порталом пользуется около 15 миллионов человек³. Все это свидетельствует о высоком уровне охвата населения цифровыми средствами, что, несомненно, является большим достижением.

Заместитель председателя правительства Д.Ю. Григоренко сообщил, что по итогам 2025 г. 99,9% запланированных мероприятий по цифровизации было выполнено, а кассовое исполнение проектов составило 99,95%.

На портале «Госуслуги» в 2025 г. добавили 36 федеральных «жизненных ситуаций», а 37 услуг перевели в онлайн-формат. Помимо прочего, ИТ-компаниям выдали гранты на 108 проектов с общей суммой 1,2 млрд рублей. Параллельно через «индустриальные центры компетенций» во «второй волне» отобрали 49 проектов, и 17 из них получили грантовое финансирование. Завершение разработки данных проектов планируется до конца 2027 г.⁴.

Понимание сути цифровых технологий представляет собой фундаментальную отправную точку для анализа их внедрения в правовые механизмы. От точности и полноты дефиниции зависит не только корректность

¹ Зубкова А.С. Комплексное правовое регулирование в современной России: понятие, состояние, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. С. 89.

² Цифровое государственное управление [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3RUHna> (дата обращения: 01.01.2026).

³ Свыше 100 млн человек используют «Госуслуги» [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24866355> (дата обращения: 03.01.2026).

⁴ Подведены итоги проектов в сфере цифровой трансформации за 2025 год [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3RUJRP> (дата обращения: 01.01.2026).

теоретического осмысления, но и возможность практического применения цифровых технологий в административно-юрисдикционной сфере. Отмечается, что, несмотря на широкое использование термина «цифровизация» в научном, нормативном и политическом дискурсах, его содержание остается размытым, а понятийный аппарат — неустоявшимся¹. При этом сам термин широко используется на разных уровнях — от стратегических документов до судебной практики, — однако его трактовки нередко различаются. Такая неопределенность в понимании цифровизации закономерно ставит вопрос о содержании категории «цифровые технологии», поскольку именно посредством их использования реализуются соответствующие процессы преобразования общественных отношений. Несмотря на то что понятие «цифровые технологии» в последние годы весьма активно используется в российском законодательстве, в его нормах отсутствует общепринятое определение указанного понятия, что создает проблемы в правоприменительной практике². Тем не менее в некоторых нормативных актах все же можно найти характеристику цифровых технологий.

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» отмечается, что цифровизация должна способствовать повышению качества государственного управления без нарушения прав граждан³.

Правительство Российской Федерации в постановлении № 551 от 03.05.2019 дает определение «сквозных» цифровых технологий, т.е. цифровых технологий, лежащих в основе цифровой трансформации. Согласно трактовке, представленной Правительством Российской Федерации, названные технологии следует характеризовать как часть технологического процесса производства

¹ Денисенко В.В., Майоров В.И. О понятийном аппарате цифровизации государственного управления // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 58.

² Прокопов М.С. О понятии «цифровые технологии надзора за безопасностью дорожного движения» // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 3.

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

товаров, выполнения работ и оказания услуг, которая представляет собой комплекс процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, обеспечивающих в ходе хозяйственной деятельности по производству (поставке) товаров, оказанию услуг и выполнению работ:

- 1) рост значимых характеристик технологического процесса;
- 2) рост значимых характеристик производимых товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг;
- 3) снижение издержек¹.

Иное определение дается в Приказе Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) от 31.07.2024 № 332, в котором затрагивается вопрос внедрения и использования «сквозных» цифровых технологий. В Приказе указанные технологии определяются как перспективные горизонтальные технологии, имеющие кроссотраслевой характер применения, которые обеспечивают создание инновационных продуктов и сервисов и существенно влияют на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков².

Причем влияние цифровизации на развитие экономики отмечается многими исследователями. К примеру, А.А. Сорокин пишет, что «современная экономика переходит на новую стадию развития, становясь цифровой (the digital economy), в связи с трансформационным процессом, вызванным внедрением информационно-коммуникационных технологий...»³.

Среди видов «сквозных» цифровых технологий Росстат называет такие технологии, как искусственный интеллект (далее – ИИ), робототехника и сенсорики, интернет вещей, перспективные мобильные сети связи, технологии

¹ Постановление Правительства РФ от 03.05.2019 № 551 «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 19. Ст. 2307.

² Приказ Росстата от 31.07.2024 № 332 (ред. от 20.02.2026) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки и инноваций» [Электронный ресурс] // URL: <https://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2026).

³ Сорокин А.А. Правовое регулирование налогообложения трансграничных операций в России и в странах ОЭСР: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 141.

виртуальной реальности (далее – VR) и дополненной реальности (далее – AR), технологии распределенных реестров; квантовые технологии.

В научно-исследовательской среде также отсутствует единая трактовка понятия «цифровые технологии», что дополнительно осложняет его правовое закрепление и применение на практике.

Так, по мнению Е.В. Попова и К.А. Семячкова, цифровые технологии рассматриваются как трансформационные средства обработки данных и взаимодействия, использующие цифровые коммуникации и влияющие на модели управления¹. Иную характеристику дает Ю.А. Маленков, который считает, что цифровые технологии представляют собой технологические решения, создающие благоприятные условия для роста уровня жизни человека².

Некоторые исследователи дают более узкое определение, акцентируя внимание на определенной сфере применения. Так, к примеру, С.М. Зубарев и А.В. Сладкова в своей статье раскрывают понятие цифровых технологий контроля в сфере государственного управления: это информационно-технологические процессы, охватывающие контрольную деятельность уполномоченных государственных органов, институтов гражданского общества и граждан, которая призвана создать условия для законного и конструктивного функционирования субъектов исполнительной власти³.

А.А. Карцхия в своей докторской диссертации называет следующие цифровые технологии: искусственный интеллект и машинное обучение, интернет вещей, Блокчейн, VR и AR, Big Data, облачные компьютерные сервисы и вычисления, умные комплексы и устройства, цифровые двойники,

¹ Попов Е.В., Семячков К.А. Возможности и границы применения цифровых технологий в современном обществе // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 4. С. 1979.

² Маленков Ю.А. Возможности применения цифровых технологий в стратегическом планировании и прогнозировании устойчивого развития организаций // Молодой ученый. 2021. № 14 (356). С. 84.

³ Зубарев С.М., Сладкова А.В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 55.

социальные сети, современные биоинженерные технологии, системы кибербезопасности, агрегаторы и иные связанные с ними технологии¹.

Оценивая вышеприведенные подходы российских исследователей, стоит отметить, что определение С.А. Попова является наиболее удачным, так как верно отмечается трансформационный эффект и коммуникативная природа технологий, однако в то же время подход является достаточно широким, и тем самым не позволяет произвести демаркацию между цифровыми технологиями и другими явлениями.

Подход С.М. Зубарева и А.В. Сладковой связывает цифровые технологии с конкретными управленческими задачами, однако технологическое «ядро» не раскрывается.

Подход А.А. Карцхии выражается в перечислении цифровых технологий, однако существенные признаки не называются. Недостатком такого определения является и то, что цифровые технологии находятся в постоянной эволюции: они видоизменяются, перестают использоваться или же возникают новые. Следовательно, недопустимо раскрывать данное явление простым перечислением.

Корректное определение цифровых технологий должно содержать как технологическое ядро, то есть описывать технические признаки, так и нормативную релевантность, то есть описание юридически значимых функций, которые выполняют данные технологии в процессе использования.

В зарубежной научной доктрине можно встретить более простые подходы к дефиниции цифровых технологий. К примеру, турецкий исследователь Тургут Язар под этим термином предлагает понимать технологии, позволяющие создавать электронные механизмы, в которых числовые данные преобразуются в полезную и понятную информацию с целью упрощения жизни пользователей².

¹ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дисс. ... доктора юрид. наук. Москва, 2019. С. 3.

² Yazar T., Yalçın, İ., Dijital Teknoloji ve Fotoğraf Sanatı // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018. Vol. 11. № 60. P. 614.

В целом вышеприведенное определение содержит в себе основной признак цифровых технологий, а именно наличие числовых данных в содержании технологий, а также саму цель, которая носит социальный аспект.

В обзоре Всемирного банка от 2016 г. «Цифровые дивиденды»¹ цифровые технологии определяются как интернет, мобильные телефоны и все прочие средства сбора, хранения, анализа информации и обмена ею в цифровой форме. Схожее определение можно встретить в докладе британских исследователей, где цифровые технологии определяются следующим образом: «электронные инструменты, устройства, системы и ресурсы, которые генерируют, хранят или обрабатывают данные, например, социальные сети и мобильные телефоны».

Такие определения подчеркивают центральную роль данных: цифровые технологии – это прежде всего технологии, предназначенные для работы с информацией в цифровом формате, что также является корректным².

Г. С. Блэр дает следующее определение цифровым технологиям: «отрасль научных или инженерных знаний, занимающаяся созданием и практическим использованием цифровых или компьютерных устройств, методов, систем и т.д.»³. Такая дефиниция раскрывает явление через предмет области знания. Иными словами, цифровая технология трактуется не как конкретный «инструмент» для решения той или иной задачи, а как комплекс знаний в научной инженерии, связанный с разработкой и применением цифровых и компьютерных средств.

Несомненным достоинством такого подхода служит его всеобъемлющий характер: определение охватывает обширный спектр деятельности – от этапа разработки до практического внедрения цифровых устройств, методов и систем. Однако у такой расширенной трактовки цифровых технологий есть и

¹ Обзор Всемирного банка от 2016 «Цифровые дивиденды» [Электронный ресурс] // URL: [https://documents1.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf](https://documents1.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview%20RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf) (дата обращения: 01.01.2026).

² Research report «Children of the 2020s: first survey of families at age 9 months» [Электронный ресурс] // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/65b11dbb160765000d18f7fb/Cot20s_age_9_months_research_report.pdf (дата обращения: 01.01.2026).

³ Blair G. S. et al. The role of digital technologies in responding to the grand challenges of the natural environment: the Windermere Accord [Электронный ресурс] // URL: [https://www.cell.com/patterns/fulltext/S2666-3899\(20\)30204-X](https://www.cell.com/patterns/fulltext/S2666-3899(20)30204-X) (дата обращения: 01.01.2026).

недостатки: из-за размытости границ под неё можно подвести любую деятельность в сфере ИТ. К тому же, акцент смещён на «branch of knowledge» – то есть на область знаний, а не на содержательное описание самой технологии.

Впрочем, далее в исследовании автор конкретизирует предложенное определение через перечисление ключевых направлений цифровых технологий.

Важно не сводить суть цифровых технологий к простой «оцифровке» информации. Определяющее значение в этом вопросе отводится архитектурным свойствам цифровых технологий. Зарубежные исследователи связывают природу цифровых технологий с двумя ключевыми характеристиками: программируемостью и гомогенизацией данных («data homogenization»). Программируемость позволяет отделить логику работы устройства от его физического воплощения и выполнять разные функции на одной и той же аппаратной основе. Гомогенизация данных, в свою очередь, означает приведение любых типов информации к единому цифровому формату. Благодаря этим свойствам цифровые компоненты можно многократно переносить, повторно использовать и комбинировать в новых продуктах и процессах¹.

В основном же зарубежные подходы к определению цифровых технологий больше ориентированы на конкретную технологическую инфраструктуру. Отечественные же подходы, напротив, расширяют данное понятие за счёт включения как управленческих, так и организационных компонентов. Такое расширение может быть полезным для анализа, однако отсутствие четких границ размывает предмет регулирования. Следовательно, как уже было отмечено ранее, определение должно содержать в себе как технические, так и юридически значимые элементы.

Таким образом, анализ нормативных актов и научных источников свидетельствует о множественности подходов к определению цифровых технологий.

¹ Yoo Y., Henfridsson O., Lyytinen K. Research Commentary – The New Organizing Logic of Digital Innovation: An Agenda for Information Systems Research // Information Systems Research. 2010. Vol. 21. № 4. P. 726.

На основе вышеприведенных подходов можно выявить следующие признаки, которые характерны для цифровых технологий:

1. имеют информационно-технологическую природу, так как связаны с созданием, сбором, хранением, обработкой, передачей и использованием информации в двоичной форме;
2. обладают программно-инфраструктурным характером – то есть это не только отдельные программные решения, но и сама техническая инфраструктура.

Вместе с тем цифровые технологии, используемые в производстве по делам об административных правонарушениях, наравне с вышеназванными признаками обладают также дополнительными признаками:

1. имеют административно-юрисдикционную направленность;
2. обладают гарантийным значением – их применение влияет на реализацию прав участников производства.

В этой связи под цифровыми технологиями стоит понимать совокупность программных решений, а также саму техническую инфраструктуру, которая обеспечивает сбор, создание, передачу, хранение и использование информации в цифровом виде.

Тогда как под цифровыми технологиями, используемыми в административно-юрисдикционном процессе, стоит понимать совокупность программных решений и саму техническую инфраструктуру, которая обеспечивает создание, сбор, передачу, хранение, обработку и использование информации в цифровом виде, а также реализацию юридически значимых процедур фиксации, процессуального взаимодействия и исполнения решений.

Формирование унифицированного, юридически значимого определения цифровых технологий является необходимым условием успешной цифровизации государственного управления¹.

¹ Куликова Я.А. Проблемные вопросы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». 2025. №. 1. С. 84.

Понимание сущности цифровых технологий должно сопровождаться анализом их конкретных форм, через которые осуществляется цифровая трансформация. Это позволит перейти от абстрактных теоретических конструкций к практическому осмыслению инструментов, реально применяемых в управленческой, правоприменительной и социально-экономической практике.

В этом контексте особое значение приобретают так называемые «сквозные» цифровые технологии – универсальные технологические решения, которые обладают высоким потенциалом масштабируемости, межотраслевого применения и глубокой интеграции в базовые процессы функционирования государства, экономики и общества. Сквозные технологии не ограничиваются локальными задачами, а формируют инфраструктуру цифровой среды, способную радикально преобразовывать существующие модели взаимодействия между субъектами права и управления.

К характерным признакам сквозных цифровых технологий можно отнести:

- широкую применимость в различных сферах (экономика, здравоохранение, государственное управление, образование и др.);
- способность формировать новые рынки, управленческие модели и каналы коммуникации;
- потенциал к автоматизации, повышению прозрачности и принятию решений на основе данных;
- влияние на институциональные механизмы, в том числе в административно-юрисдикционной сфере.

На сегодняшний день можно выделить следующие виды «сквозных» цифровых технологий:

1) Искусственный интеллект.

Данная технология несет в себе комплекс технологических решений, который предоставляет возможность имитировать когнитивные функции

человека и получать соизмеримые с результатами интеллектуальной деятельности человека результаты выполнения поставленных задач.

Следует отметить, что ИИ может принимать как виртуальную, так и киберфизическую форму. Как отмечает А.В. Мартынов, в ближайшее время невозможно будет сформулировать единое понятие искусственного интеллекта. Тем более вряд ли можно назвать целесообразным включение в определение искусственного интеллекта всех его признаков и качественных характеристик, которых значительное число¹. В этом смысле формула определения искусственного интеллекта, закрепленная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 № 490², является наиболее оптимальной.

2) Робототехника.

Обозначенная технология заключается в проектировании, производстве и применении роботов (т.е. в значительной степени автономных программируемых исполнительных механизмов, предназначенных для выполнения перемещения, манипулирования или позиционирования) и робототехнических устройств³.

В настоящее время робототехника за рубежом активно используется для выявления признаков административных правонарушений и фиксации доказательств. Так, в Гонконге Департамент охраны окружающей среды (Environmental Protection Department) активно использует дроны для обнаружения признаков незаконного размещения строительных отходов. Так, в отчете данного департамента за 2022 г. отмечено следующее: «Департамент охраны окружающей среды также задействовал малые беспилотные

¹ Мартынов А.В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. №. 2. С. 179.

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ ГОСТ Р 60.0.0.4-2023 Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения [Электронный ресурс] // URL: https://allgosts.ru/25/040/gost_r_60.0.0.4-2023 (дата обращения: 24.03.2025).

летательные аппараты (БПЛА, также известные как дроны) для улучшения инспекции объектов как на новых, так и на текущих проектах»¹.

3) Сенсорика.

В данном случае речь идет о комплексной цифровой технологии, состоящей из методов измерения физических величин, а также методов обработки сенсорной информации².

Примеров использования сенсорных технологий достаточно много. Так, в Южной Корее для контроля соблюдения водоохранного законодательства на операторов объектов, осуществляющих сброс сточных вод, возлагается обязанность устанавливать измерительные приборы и подключать их к системе дистанционного мониторинга (ст. 38-2 Water environment conservation act)³. Передаваемые данные могут быть использованы для проведения административной проверки соблюдения нормативов сброса.

4) Нейротехнологии.

Это технологии, призванные использовать высшую нервную деятельность, понять работу человеческого мозга, то, как выстраиваются его мыслительные процессы⁴.

Нейротехнологии на данный момент находятся на активной стадии как научного, так и регуляторного осмысления. В некоторых странах уже принимаются определенные шаги по формированию правового каркаса в данном направлении. Так, в 2021 г. в ст. 19 Конституции Чили⁵ было отражено, что «научно-техническое развитие должно служить человечеству и осуществляться с уважением к жизни, физическому и психическому здоровью. Закон должен регулировать требования, условия и ограничения его

¹ Environment Hong Kong 2022 [Электронный ресурс] // URL: https://www.epd.gov.hk/epd/misc/ehk22/en/pdf1/web/Environment_Hong_Kong_2022_EN.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорики» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335564/ (дата обращения: 14.04.2025).

³ Water environment conservation act [Электронный ресурс] // URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=46344&type=sogan&key=16 (дата обращения: 23.04.2025).

⁴ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.04.2025).

⁵ Constitution of Chile [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=242302&idVersion=2021-10-25> (дата обращения: 14.04.2025).

использования у людей, и особенно защищать деятельность головного мозга и информацию, получаемую от него».

5) VR и AR.

VR – это группа технологий, которая дает возможность с помощью специализированных устройств погрузить человека в виртуальный мир, при этом обеспечивая субъекту эффект присутствия в таком мире¹.

На современном этапе технологии виртуальной реальности (VR) применяются в Великобритании в административном процессе в широком смысле. Заявитель крупного инфраструктурного проекта в рамках режима Nationally Significant Infrastructure Projects должен проводить консультации с органами власти, должностными лицами и местным сообществом на регулярной основе. Так, в рамках отчета по проекту North Falls Offshore Wind Farm было установлено, что такие консультации проводились с использованием VR-шлемов для визуализации будущего объекта².

В свою очередь, AR, в отличие от VR, только дополняют реальный мир виртуальными деталями, обеспечивая в режиме реального времени интеграцию информации (в формате компьютерной графики, аудиоформате и т.д.) с объектами реального мира.

В Сингапуре сотрудники Singapore Civil Defence Force (пожарно-спасательная служба) обладают очками с AR-технологией, которые выполняют две функции³. Первая функция заключается в проверке оборудования. Данные очки помогают быстро осматривать и анализировать оборудование благодаря инструкциям и командам на экране. В результате полученные данные с очков отправляются в централизованную информационную систему для мониторинга. Такие данные могут быть использованы как основание для возбуждения

¹ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335566 (дата обращения: 14.04.2025).

² Consultation Report «North Falls Offshore Wind Farm» [Электронный ресурс] // URL: https://nsip-documents.planninginspectorate.gov.uk/published-documents/EN010119-000165-4.1_Consultation%20Report.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

³ Singapore launches Southeast Asia's first AR smart glasses and AI visual recognition technologies to empower the nation's civil defence with 5G [Электронный ресурс] // URL: <https://www.imda.gov.sg/resources/press-releases-factsheets-and-speeches/press-releases/2023/sg-launches-ar-smart-glasses-and-ai-visual> (дата обращения: 24.04.2026).

производства по делу об административном правонарушении. Другая функция технологий проявляется в удаленной помощи при осмотре места пожара.

6) «Интернет вещей».

Данная технология представляет собой динамическую глобальную сетевую инфраструктуру с возможностями самоконфигурирования, где физические объекты («вещи»), подключаясь к интернету, могут обмениваться данными с другими устройствами или системами с помощью различных электронных устройств, в том числе интегрированных с ними сенсоров и датчиков, обеспечивающих сбор и обработку информации в реальном времени¹.

В качестве примера использования интернета вещей можно привести умные тахографы, которые активно применяются как в России, так и в Европейском союзе. Так, ст. 20 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»² требует, чтобы все грузовые автомобили были оснащены тахографами. Такая технология фиксирует юридически значимые данные о движении автомобиля и режиме труда водителя. В результате данные с тахографа могут быть использованы для возбуждения производства по делу об административном правонарушении, к примеру, по ст. 11.23 КоАП РФ.

7) Системы распределенного реестра.

Система распределенного реестра представляет собой новый подход к созданию распределенных баз данных (к каждой из которых доступ обеспечивается с помощью единого интерфейса), где единый центр управления отсутствует и каждый узел независимо от других узлов составляет и записывает обновления реестра³.

8) Облачные вычисления (Cloud Computing).

¹ Жариков А.Р. Перспективы развития и правовое регулирование индустриального интернета вещей в России // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2018. № 2 (68). С. 106.

² Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

³ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335565/ (дата обращения: 24.09.2024).

Облачные вычисления представляют собой модель обеспечения удобного сетевого доступа по требованию к общему пулу конфигурируемых вычислительных ресурсов (сетям передачи данных, серверам, хранилищам, приложениям и сервисам), которые могут быть быстро предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами или обращениями к поставщику¹.

Такая модель позволяет существенно повысить гибкость, масштабируемость и доступность вычислительных мощностей, что особенно актуально при реализации задач в рамках цифровой трансформации государственного управления, включая обработку больших объемов данных, хранение доказательств и реализацию удалённого взаимодействия участников производства по делам об административных правонарушениях.

В зарубежном административном процессе облачные технологии используются как инфраструктурная основа для электронного документооборота. К примеру, в США, согласно разделу 8, параграфу 1003.31(a) Code of Federal Regulations², все документы в рамках иммиграционного дела подаются через приложение EOIR, которое фактически является облачным.

9) Обработка больших данных (Big Data).

А. Сенько рассматривает Big Data как большие массивы данных, содержащие информацию, которая подлежит извлечению, но требует быстрой интерактивной обработки. В данном случае речь идет о массиве данных, который невозможно учесть, обработать и проанализировать обычными способами³.

М.В. Коновалов отмечает, что дословно Big Data означает большие данные. Более развернутое определение может быть сформулировано так: Big Data – это серия подходов и методов обработки большого объема и

¹ Рубашенков А.М., Бобров А.В. Облачные вычисления // Academy. 2018. № 2. С. 33.

² Code of Federal Regulations [Электронный ресурс] // URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/cfr/2025/title8> (дата обращения: 01.01.2026).

³ Сенько А. Работа с Big Data в облаках. Обработка и хранение данных с примерами из Microsoft Azure. СПб.: Питер, 2019. С. 88.

значительного многообразия данных, которые тяжело обработать обычными способами. Целью обработки больших данных является получение новой информации. При этом данные могут быть как обработанными (структурированными), так и разрозненными (неструктурированными)¹.

В. Майер-Шенбергер определяет большие данные (Big Data) как совокупность данных и операций по их обработке, осуществление которых возможно исключительно в условиях значительного масштаба².

Таким образом, под Big Data понимают технологию, цель которой – обработка больших объемов данных. С ее помощью можно провести анализ большого объема данных, результаты которого будут релевантны для разработки решений по улучшению деятельности организации³.

В то же время стоит отметить подход, при котором большие данные воспринимаются не как цифровые технологии, а как метод анализа данных. К примеру, А.С. Луканов пишет, что большие данные – это различные инструменты, подходы и методы современных информационных технологий, которые используются для обработки данных и для их дальнейшего использования⁴.

П.Д. Иванов и А.Г. Лопуховский в совместной статье также отмечают, что Big Data прежде всего связаны не с новой технологией, а с изменением принципа подхода к анализу данных⁵.

10) Квантовые технологии.

В настоящее время на сайте Министерства цифрового развития опубликована дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии

¹ Коновалов М.В. Big Data. Особенности и роль в современном бизнесе // Технические науки: проблемы и перспективы: материалы VI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 июля 2018 года. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 9.

² Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution that Will Transform How We Live, Work, and Think [Электронный ресурс] // URL: https://books.google.com/books/about/Big_Data.html?id=uy4lh-WEhhIC (дата обращения: 01.01.2026).

³ Иост Д.А., Ким И.В., Шевченко С.А., Кузьмина Е.В. Big Data как инструмент обеспечения эффективных управленческих решений организации в области планирования и прогнозирования // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5-1 (111). С. 192.

⁴ Луканов А.С. Современные информационные технологии как инструмент правовой системы государства // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 9–12.

⁵ Иванов П.Д., Лопуховский А.Г. Технологии BigData и различные методы представления больших данных // Инженерный журнал: наука и инновации. 2014. №. 9 (33). С. 1–10.

«квантовые технологии»¹, то есть речь идет про программный документ, который в своем наименовании уже относит квантовые технологии к числу сквозных технологий. Под «квантовыми технологиями» понимаются такие технологии, которые способны управлять сложными квантовыми системами на уровне отдельных частиц, например, атомов и фотонов.

11) Технологии беспроводной связи. Определение данных технологий можно найти в тексте Приказа Минкомсвязи России от 23.04.2020 № 195², где под ними понимается подкласс информационных технологий, служащий для передачи информации между двумя и более точками на расстоянии без проводной связи. К данной технологии также относятся технологии спутниковой связи, сетевые технологии 5G и 6G и защищенной телекоммуникации.

По своей сути технологии беспроводной связи являются основой для реализации дистанционных форм участия в административно-юрисдикционном процессе, включая видео-конференц-связь и веб-конференцию. Кроме того, данные технологии создают условия для оперативного извещения участников производства и расширения электронного документооборота.

12) Цифровые двойники (Digital Twins).

Цифровые двойники – это виртуальные модели физических объектов, процессов или систем, синхронизирующие своё состояние с оригиналом в реальном времени и применяемые для мониторинга, анализа и управления. В контексте административно-юрисдикционной деятельности они представляют ценность для моделирования инфраструктуры, управления рисками, а также обеспечения контроля и прогнозирования процессов.

В ГОСТ Р 57700.37-2021 под «цифровым двойником» изделия понимается система, состоящая из цифровой модели изделия и двусторонних

¹ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «квантовые технологии» [Электронный ресурс] // URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019kvantyi.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).

² Приказ Минкомсвязи России от 23.04.2020 № 195 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366350/ (дата обращения: 23.04.2025).

информационных связей с изделием (при наличии изделия) и (или) его составными частями¹.

«Цифровой двойник» – цифровая копия физических активов, процессов, людей, мест, систем и устройств, объединяющая ИИ, машинное обучение и аналитику в реальном времени в имитационную модель, обновляемую вслед за изменениями физического объекта². Использование цифрового двойника дает возможность быстро реагировать на изменяющиеся обстоятельства и непредвиденные условия, принимать решения, основанные на надежных и актуальных данных, оптимизировать процесс принятия решений между людьми и машинами.

А.В. Мартынов также относит цифровые двойники к перспективным методам «цифрового» государственного контроля и надзора³.

А.В. Минбалеев указывает, что понятие «цифровой двойник» чаще всего рассматривается как общее понятие для цифрового персонажа и цифрового профиля, однако данная технология порождает массу вопросов с точки зрения признания тех или иных действий, совершаемых ими как действий определенных лиц⁴.

Цифровые двойники уже активно применяются в строительной сфере Сингапура. Так, Building and Construction Authority (Управление по строительству) использует систему 360 Capture: на основе 360-градусных фото и видео создают цифровой двойник строительной площадки и проводят дистанционные инспекции, по итогу принимая решение о выдаче разрешения. Данная информация прямо подтверждается органом власти на своем официальном сайте: «виртуальные инспекции могут проводиться с

¹ ГОСТ Р 57700.37–2021. Цифровые двойники изделий. Общие положения [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180928/> (дата обращения: 14.02.2025).

² Суша А.Д. Цифровой двойник как инструмент управления промышленными предприятиями // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 2-2 (88). С. 184.

³ Перспективные направления правового регулирования использования современных информационных технологий в контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти: библиотека лучших российских и зарубежных практик: монография / А.В. Мартынов, М.В. Бундин, М.Д. Прилуков, Е.Н. Смирнова, Е.В. Ширеева; под науч. Ред. А.В. Мартынова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 198.

⁴ Механизмы и модели регулирования цифровых технологий / А.В. Минбалеев, А.В. Мартынов, Г.Г. Камалова. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. С. 17.

использованием 360-градусной съемки. ВСА рассмотрит представленные данные удаленно и предоставит комментарии в течение 3 рабочих дней»¹.

Для оценки фактической распространенности сквозных цифровых технологий целесообразно опираться на эмпирические данные. В качестве источника можно привести данные статистического сборника от НИУ ВШЭ «Цифровая экономика: 2024»². Так, анализ данных свидетельствует, что в 2022 г. в России среди организаций наиболее распространены технологии по сбору, обработке и анализу больших данных, а также облачные технологии, тогда как технологии искусственного интеллекта, робототехника и цифровые двойники используются существенно реже (Приложение 1).

Разнообразие используемых технологий свидетельствует о необходимости их систематизации. Классификация «сквозных» цифровых технологий позволяет не только упростить их анализ, но и определить подходы к правовому регулированию, стандартизации, а также практическому внедрению в административно-юрисдикционную деятельность.

Разные технологии отличаются по функциям, архитектуре, уровню зрелости и степени воздействия на правовые процессы, поэтому целесообразно выделить несколько групп по доминирующему функциональному признаку.

На этой основе можно выделить следующие классификационные группы сквозных цифровых технологий, значимых для административной сферы (Приложение 2).

1. Аналитико-прогностические технологии – обеспечивают сбор, хранение, интерпретацию и прогнозирование информации, что критично при анализе доказательств и выработке решений (Искусственный интеллект, Big Data, цифровые двойники).

2. Инфраструктурно-вычислительные технологии – формируют основу цифровой среды, через которую осуществляется доступ к данным, обработка

¹ Building and Construction Authority [Электронный ресурс] // URL: <https://www1.bca.gov.sg/safety-and-standards/applications-and-licenses/application-for-top-csc/> (дата обращения: 23.04.2026).

² Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. С. 51.

информации и обмен ею (Облачные вычисления, системы распределенного реестра).

3. Визуально-интерактивные технологии – ориентированы на расширение восприятия и взаимодействие субъекта с цифровыми объектами, включая моделирование и дистанционное управление (VR/AR, нейротехнологии, сенсорики).

4. Исполнительные технологии – такие технологии обеспечивают выполнение определенных действий без участия человека (робототехника).

5. Коммуникационные и организационные платформы – информационные системы, предназначенные для взаимодействия между субъектами права (цифровые платформы).

6. Технологии обеспечения безопасности – технологии, которые обеспечивают защиту информации, идентификацию субъектов (системы кибербезопасности, технологии на основе биометрии и т.д.).

Цифровизация активно внедряется в административный процесс (в широком смысле этого слова), и наиболее наглядно это демонстрирует национальная программа «Цифровая экономика», а точнее Федеральный проект «Цифровое государственное управление».

Так, п. 1.3. проекта свидетельствует, что предоставление массовых социальных государственных услуг обеспечено в цифровой форме; в п. 1.19 указывается на обеспечение функционирования и развитие информационных систем, направленных на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде; в п. 1.33 указывается, что обеспечено информационно-аналитическое и экспертно-аналитическое сопровождение в сфере контрольной и надзорной деятельности и т.д.

Несмотря на наличие определенных шагов в сфере цифровизации, исследователи все же отмечают определенную консервативность в данном направлении. Обусловлено это не только отставанием в техническом развитии, но и необходимостью разработки такой стратегии внедрения цифровых

технологий, которая будет учитывать как позитивные, так и негативные аспекты цифровизации.

В этой связи А.В. Куракин, Д.В. Карпухин и З.А. Саидов справедливо указывают, что фактор цифровых технологий обуславливает необходимость поиска новых путей правового регулирования и модификации действующего административно-деликтного законодательства¹.

Переходя к вопросу применения цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе, следует отметить, что сфера административно-юрисдикционной деятельности нуждается в глобальной цифровизации. Особенно остро проблема технологического отставания затрагивает относящееся к исследуемому процессу производство по делам об административных правонарушениях².

Стоит сказать, что еще в 2019 г. была разработана и опубликована Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³, где в п. 5.3.4 указывалось на необходимость решения вопроса применения современных технологий, позволяющих лицам, участвующим в производстве направлять в уполномоченный орган заявления, ходатайства, иные документы, связанные с рассмотрением дела, в электронном виде, заполнять формы документов, размещенные на официальном сайте органа административной юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «интернет», представлять в такой орган сведения в виде электронных документов, изготовленных ими либо иными лицами, органами, организациями и т.п.⁴

Таким образом, очевиден тот факт, что в ближайшие годы государством должна быть проведена серьезная работа по цифровизации административно-

¹ Куракин А.В., Карпухин Д.В., Саидов З.А. Проблемы модификации административно-деликтного права: фактор цифровых технологий // Административное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 20.

² Соколов А.Ю. Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 119.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

⁴ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640/> (дата обращения: 18.09.2024).

юрисдикционного процесса, и она в целом уже ведется в рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление».

Тем не менее, говорить о том, что цифровые технологии совсем не используются в административно-юрисдикционном процессе, нельзя, и об этом наглядно свидетельствует судебная практика.

Конституционный Суд РФ в одном из своих решений прямо отражает, что государство, осуществляя нормативное регулирование, вправе учесть современный уровень развития технических средств выявления запрещенных деяний¹.

В Определении Конституционного суда РФ от 29.05.2018 № 1140-О было отмечено, что норма, допускающая аудио- и видеозаписи как доказательства, предполагает установление того, когда, кем и в каких условиях осуществлялась запись². То есть электронное доказательство является допустимым при условии раскрытия его происхождения и контекста получения (создания) – такое положение явно направлено на проверяемость и снижение риска фальсификации.

В п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 13.12.2012 № 35 закрепляется, что «доступ к информации о деятельности судов обеспечивается посредством ее размещения в сети интернет» – то есть Верховный Суд РФ связывает цифровизацию с обеспечением открытости и доступности правосудия³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2019 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 2.6.1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А.И. Думилина и А.Б. Шарова» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 4. Ст. 360.

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1140-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 76 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=542586#VKguZTVoBrHBVoLV1> (дата обращения: 14.04.2025).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2013.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57¹ даны разъяснения по применению законодательства об использовании документов в электронном виде, что обеспечило единообразный подход судов к электронной форме обращений, их идентификации и правилам придания юридически значимого статуса электронным документам.

Из постановления ВС РФ от 01.06.2023 № 53-АД23-3-К8² следует, что цифровая фиксация правонарушения сама по себе не освобождает правоприменителя от проверки надежности источника данных. Суд должен удостовериться в режиме работы устройства и корректности получения информации, иначе доказательственная ценность цифрового материала подлежит сомнению.

Как показывает практика, большинство случаев применения цифровых технологий связано с фиксацией административного правонарушения (согласно положениям ст. 28.1 КоАП РФ, фиксация административного правонарушения служит поводом к возбуждению дела об административном правонарушении).

Так, в 2018 году гражданка Попова была оштрафована за одиночный пикет возле здания Госдумы. Совершение правонарушения было зафиксировано системой видеонаблюдения, построенной на базе государственной информационной системы «Единый центр хранения и обработки данных Москвы», которая, в числе прочего, может использовать технологию распознавания лиц³.

Согласно Решению Арбитражного суда Московской области от 18.08.2023 по делу № А41-17944/2023 при помощи специального технического средства «Автоматизированный комплекс с использованием интеллектуальной нейросети видеофиксации нарушений с предустановленным программным обеспечением», имеющего функции фото- и киносъемки, видеозаписи, было

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

² Постановление Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 53-АД23-3-К8 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01062023-n-53-ad23-3-k8/> (дата обращения: 20.09.2024).

³ Суд в Москве признал законной систему распознавания лиц [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/news/216384/> (дата обращения: 20.09.2024).

выявлено нарушение организацией порядка и условий содержания территории (игнорирование обязанностей по уборке снега, наледей и т.д.). Совершившая правонарушение организация была привлечена к административной ответственности¹.

В постановлении Верховного Суда РФ от 02.04.2025 № 48-АД25-1-К7 было отмечено, что водитель транспортного средства совершил проезд на запрещающий сигнал светофора, и данное нарушение было выявлено «специальным техническим средством, работающим в автоматическом режиме Digital Patrol»².

В другом деле суд указал, что водитель превысил допустимую скорость движения, что было зафиксировано техническим средством «СКАТ-ПП», причем суд указал заводской номер данного устройства и срок действия поверки³. Это крайне важно, потому что указание конкретного технического средства, его заводского номера и срока действия поверки подтверждает допустимость и достоверность результата измерения как доказательства.

В период ограничительных мер 2020 года позиция высших судебных органов была выражена особенно прямо: цифровые технологии названы практическим механизмом обеспечения функционирования правосудия. В совместном постановлении Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808⁴ было рекомендовано подавать документы через электронные интернет-приемные судов (либо по почте) при одновременном приостановлении личного приема. Такая конструкция показывает, что цифровые сервисы рассматриваются как необходимый

¹ Решение Арбитражного суда Московской области от 18.08.2023 № А41-17944/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/580366020/> (дата обращения: 20.09.2024).

² Постановление Верховного Суда РФ от 02.04.2025 № 48-АД25-1-К7 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02042025-n-48-ad25-1-k7/> (дата обращения: 04.03.2025).

³ Постановление Верховного Суда РФ от 24.09.2025 № 14-АД25-18-К1 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.v2b.ru/documents/postanovlenie-verhovnogo-suda-rf-ot-24-09-2025-14-ad25-18-k1/> (дата обращения: 04.03.2025).

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (утратил силу). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/ (дата обращения: 14.07.2025).

инструмент поддержания доступа к суду в условиях, когда очное взаимодействие объективно затруднено.

В совместном постановлении Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 цифровые технологии рассматриваются как способ обеспечения своевременного приема, обработки и регистрации документов (п. 2).¹

Анализ судебных актов показывает, что высшие судебные инстанции последовательно поддерживают внедрение цифровых форм участия и электронного взаимодействия как инструмента обеспечения доступа к правосудию и эффективности процесса. Однако практическая реализация этих подходов невозможна без единых процедурных правил. В этой связи на уровне Конституционного Суда РФ в инструкции по делопроизводству находят свое отражение правила, регламентирующие работу с электронными документами². На уровне судов общей юрисдикции принимается специальный регламент, который детализирует порядок подачи электронных документов, требования к форме и подтверждению их юридической силы³.

Аспекты цифровизации находят свое отражение также и в стратегических документах Верховного Суда РФ. В разделе 3 Концепции информатизации Верховного Суда РФ, утвержденной приказом Председателя ВС РФ от 15.02.2021 № 9-П, фиксируется переход от бумажной коммуникации к модели, в которой электронная форма совершения и закрепления результатов процессуальной деятельности должна стать основной. Следовательно, данное положение свидетельствует о том, что цифровые технологии – это уже не

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/ (дата обращения: 14.07.2025).

² Инструкция по делопроизводству в Конституционном Суде Российской Федерации (утв. приказом Председателя Конституционного суда РФ от 14.03.2024 № 09) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472147/ (дата обращения: 14.07.2025).

³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 28.10.2025) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379159/ (дата обращения: 14.07.2025).

вспомогательные средства, они являются инструментами повышения качества отечественного судопроизводства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровые технологии трансформируют характер административных процедур, в связи с чем возникает необходимость выработки унифицированного определения данного понятия для обеспечения дальнейшей цифровизации.

Анализ доктрины права свидетельствует об отсутствии единообразного подхода по поводу данной дефиниции, что приводит к трудностям в применении цифровых технологий. Особенно это чувствуется в административно-юрисдикционной сфере, где высокая формализованность процедур вступает в противоречие с гибкой природой цифровых решений. Вместе с тем отмечается устойчивая тенденция к институционализации цифровых инструментов: от признания их правовой значимости – к их поэтапной интеграции в процессуальные формы и механизмы.

Под цифровыми технологиями, используемыми в административно-юрисдикционном процессе, стоит понимать совокупность программных решений и саму техническую инфраструктуру, которая обеспечивает создание, сбор, передачу, хранение, обработку и использование информации в цифровом виде, а также реализацию юридически значимых процедур фиксации, процессуального взаимодействия и исполнения решений.

Под «сквозными» цифровыми технологиями в контексте государственного управления целесообразно понимать горизонтальные (кросс-отраслевые) цифровые решения, которые могут быть внедрены в любые сферы и выступают именно как технологическая основа трансформации большого комплекса процессов в административно-юрисдикционном процессе.

Сквозные цифровые технологии можно классифицировать по функциональному признаку: аналитико-прогностические технологии, инфраструктурно-вычислительные технологии, визуально-интерактивные технологии, исполнительные технологии, коммуникационные и организационные платформы, технологии обеспечения безопасности.

Такая классификация полезна тем, что она позволяет правильно сформировать правовые механизмы регулирования и стандартизации для каждой группы с учетом ее специфики, а также выстраивать модель взаимодействия между участниками административно-юрисдикционного процесса на основе конкретных технологических решений.

§ 2. Законодательная основа использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе

Административно-юрисдикционный процесс характеризуется повышенной формализованностью, что обусловлено его правоприменительной природой и значимостью принимаемых решений: в отличие от многих управленческих процедур, допускающих административное усмотрение, рассмотрение дел об административных правонарушениях и публично-правовых спорах жёстко регламентировано законом, поскольку результатом такого процесса нередко становится применение к лицу мер государственного принуждения, затрагивающих его имущественные, трудовые, репутационные и иные права.

Как отмечается в научной литературе, процессы информатизации и цифровизации интенсифицированы во многих сферах жизнедеятельности российского общества и государства, что помимо положительного влияния создает существенные угрозы распространения противоправной практики, связанной с применением современных информационных и цифровых технологий¹. Фрагментарность регулирования усугубляет эти риски, поскольку отсутствие единого нормативного акта приводит к пробелам в квалификации правонарушений и назначении соразмерного наказания в производстве по

¹ Дугенец А.С., Канунникова Н.Г. Актуальные проблемы противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 4. С. 23.

делам об административных правонарушениях, где данные из автоматизированных систем составляют значительную часть доказательной базы.

Законодательная основа использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе – это многоуровневая система, которая динамично развивается¹.

Несомненно, такое правовое регулирование опирается в первую очередь на положения Конституции РФ.² Так, ст. 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а статья 19 закрепляет равенство всех перед законом и судом. Именно в условиях цифровизации обеспечивается полное воплощение данных положений за счет расширения доступа к правосудию посредством цифровых сервисов, а также путем выравнивания процессуальных возможностей.

В то же время внедрение новых технологий не должно нарушать принцип законности и обоснованности принимаемых решений. А.Ю. Чурикова обоснованно пишет, что требуется разработка специальных механизмов защиты от рисков, связанных с автоматизированным принятием решений (без участия человека), таких как ошибки алгоритмов или утечки данных³.

Помимо прочего, стоит отметить положения ст. 29 Конституции РФ, в которой закреплены гарантии свободы слова и мысли. В условиях цифровизации реализация данной гарантии происходит в иной среде: в пространстве онлайн-коммуникации, с использованием цифровых сервисов и т.д. Следовательно, при обеспечении правовой защиты свободы слова и мысли необходимо учитывать влияние цифровизации, так как в настоящее время выражение мнений происходит зачастую в онлайн-сфере. Однако приобретает особую актуальность вопрос о пределах такого регулирования: необходимо не

¹ Мирошниченко М.А. Цифровая трансформация: российские приоритеты формирования цифровой экономики. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 112.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ Чурикова А.Ю. Глава 8. Правовые основы цифровизации публичного управления. Электронное государство // Информационное право: учебник / под ред. С.Е. Чаннова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 138.

допустить ситуацию, когда происходит чрезмерная интервенция в общественные отношения и правовая регламентация превращается в скрытую цензуру¹.

Переходя к анализу законодательства, следует отметить наличие как общих, так и специальных нормативных правовых актов. Бесспорно, основополагающее значение в данном вопросе имеет Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»², который устанавливает правовые основы использования информации и информационных технологий.

С данным законом тесно связан Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»³, который обеспечивает юридическую силу электронных документов, что имеет ключевое значение для функционирования электронного документооборота в административно-юрисдикционном процессе.

Стоит также отметить Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает требования к сбору, хранению, обработке и защите персональных данных:⁴ в условиях цифровизации персональные данные все чаще подлежат обработке. Более того, возникают новые способы обработки, которые требуют особого внимания.

В то же время, Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁵ заложил основу для электронного взаимодействия граждан и организаций с органами власти, включая подачу заявлений и жалоб через Единый портал

¹ Шульц В.Л. Анализ проблем трансформации систем законодательного регулирования и правоприменения в условиях цифровизации и методов оценки эффективности принимаемых решений // Национальная безопасность. 2019. №. 4. С. 22.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

³ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

⁵ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), что стало одним из первых шагов к цифровизации административных процедур.

Несмотря на наличие определенных законов, свидетельствующих о цифровизации, все же стоит признать фрагментарность правового регулирования и отсутствие единой концепции регулирования таких технологий. Указанные обстоятельства негативно сказываются на законотворческом процессе, что неизбежно отражается в том числе и в административно-юрисдикционной деятельности.

Центральное место в системе нормативно-правового регулирования все же занимает КоАП РФ. Несмотря на то, что длительное время КоАП РФ оставался относительно консервативным в отношении цифровизации, последние изменения свидетельствуют о нарастающей тенденции к его адаптации.

Так, изначально при вступлении КоАП РФ в силу с 01.07.2002 г. производство по делам об административных правонарушениях основывалось именно на бумажном документообороте, однако уже на тот период времени предусматривалась возможность использования специальных технических средств для выявления нарушений. К примеру, в ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ указывалось на возможность использования показаний специальных технических средств в качестве доказательств. В ст. 26.8 КоАП РФ содержалась легальная дефиниция специальных технических средств: «измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку».

Положения ст. 27.12 КоАП РФ регламентировали проведение освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, и такое освидетельствование происходило через так называемый «алкотестер».

Быстрое развитие технических средств: видеокамер, средств фотофиксации, электронных систем учета – в начале 2000-х гг. создало

предпосылки для дальнейшей цифровизации производства по делам об административных правонарушениях.

В частности, Федеральным законом от 24.07.2007 № 210-ФЗ «О внесении изменений в КоАП РФ»¹ закрепляется возможность автоматической фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения. В КоАП РФ вводится статья 2.6.1, регулирующая вопросы ответственности собственников транспортных средств в случае фиксации правонарушения специальными техническими средствами. Кроме того, соответствующие изменения вносятся в главу 28 КоАП РФ, в частности в часть 3 статьи 28.6, согласно которой постановление о назначении административного штрафа выносится без составления протокола, если правонарушение зафиксировано специальными техническими средствами. Таким образом, цифровизация способствует упрощению процедуры привлечения лица к административной ответственности.

Как отмечает Н.В. Ландерсон, применение средств автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения оказывает положительное влияние на дисциплину участников дорожного движения, способствует снижению числа правонарушений и повышению уровня безопасности².

В последующие годы сфера автоматической фиксации правонарушений только продолжила расширяться. Так, Федеральным законом от 21.04.2011 № 69-ФЗ³ действие ст. 2.6.1 КоАП было распространено на новые области. В частности, специальные технические средства стали фиксировать правонарушения в области благоустройства территорий (при парковке транспортного средства на зелёной зоне и т.д.).

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4007.

² Ландерсон Н.В. О некоторых проблемах применения специальных технических средств фото- и видеофиксации в области безопасности дорожного движения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 3 (53). С. 12.

³ Федеральный закон от 21.04.2011 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 17. Ст. 2310.

Федеральным законом от 27.06.2011 № 162-ФЗ¹ внесены изменения в порядок исполнения постановлений о назначении административного наказания. Соответствующие изменения были внесены в текст ст. 32.2 КоАП. Была создана специальная инфраструктура для электронного учета оплаты административных штрафов: кредитные организации и Почта России обязаны были направлять сведения об уплате штрафа в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (далее – ГИС ГМП). Если в этой системе отсутствует информация об оплате штрафа в течение установленного постановлением срока, то штраф признается неоплаченным и направляется судебному приставу-исполнителю для принудительного исполнения.

Далее Федеральным законом от 28.07.2012 № 133-ФЗ² в КоАП РФ была введена ст. 2.6.2, которая позволила фиксировать правонарушения в области благоустройства территорий с использованием технических средств.

Следующим шагом цифровизации стало расширение процессуальных возможностей использования информации, полученной с применением технических средств фиксации. Так, Федеральным законом от 26.04.2016 № 114-ФЗ³ была изменена ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ. Следует отметить, что информация, полученная с помощью технических средств фиксации, ранее, с 2007 г., фактически использовалась в качестве доказательства, однако формально таковой не признавалась, и лишь внесённые в 2016 г. изменения окончательно закрепили за указанными сведениями статус доказательства.

Так, норма ст. 26.7 КоАП РФ закрепляет, что документы признаются доказательствами по делу об административном правонарушении, если они могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной

¹ Федеральный закон от 27.06.2011 № 162-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3873.

² Федеральный закон от 28.07.2012 № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4322.

³ Федеральный закон от 26.04.2016 № 114-ФЗ «О внесении изменения в статью 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 18. Ст. 2490.

форме. К документам относятся материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, информационных баз и банков данных и иные носители информации.

Практическая значимость данной нормы проявляется в категориях дел, в которых достаточно часто применяются цифровые средства фиксации информации. В частности, речь идет о сфере дорожного движения.

В то же время КоАП РФ долгое время не содержал в себе достаточных процессуальных правил, которые бы единообразно описывали порядок электронного документооборота и дистанционного участия участников производства по делам об административных правонарушениях.

В качестве примера можно привести дело Савеловского районного суда г. Москвы, который отказал в удовлетворении административных исковых требований к Главному управлению МВД по г. Москве и Департаменту информационных технологий (далее - ДИТ) города по вопросу законности применения городской системы видеонаблюдения с технологией распознавания лиц. Суд установил, что используемая технология не позволяет идентифицировать личность, поскольку в Едином центре хранения и обработки данных (ЕЦХД) отсутствуют персональные и биометрические данные. Видеоизображения не являются биометрическими, а алгоритм не передаёт в ДИТ ни ФИО, ни другие персональные сведения, что, по мнению суда, снимает необходимость письменного согласия субъекта данных¹.

Такие споры часто возникали в делах по статье 20.2 КоАП РФ (нарушения при проведении публичных мероприятий), где видео из социальных сетей использовалось как доказательство, но без четких критериев аутентичности, что приводило к отмене решений в апелляционной инстанции.

В начале 2020-х гг. акцент законодателя смещается в сторону развития электронной коммуникации. Федеральный закон от 29.12.2020 № 471-ФЗ² внес

¹ Решение Савёловского районного суда г. Москвы от 03.10.2019 № 02а 0577/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc> (дата обращения: 16.03.2024).

² Федеральный закон от 29.12.2020 № 471-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс

существенные изменения в КоАП РФ, создав правовую основу для электронного документооборота на стадиях возбуждения дела и обжалования. В частности, была закреплена возможность подачи жалоб в электронной форме по делам, в которых правонарушения зафиксированы специальными техническими средствами, а также предусмотрена возможность направления копии решения по такой жалобе через Единый портал государственных услуг в форме электронного документа. Соответствующие изменения затронули содержание следующих статей КоАП РФ: 25.1, 28.2, 29.11, 29.12, 30.2.

Существенный шаг к процессуальной «оцифровке» производства был сделан Федеральным законом от 07.04.2025 № 59-ФЗ¹, вступившим в силу с 01 июля 2025 года. Данный закон закрепил основы электронного документооборота, а также ввел механизм дистанционного участия при совершении отдельных процессуальных действий. В новой редакции ст. 28.2 КоАП РФ было установлено разрешение на использование системы видеоконференц-связи для составления протоколов и проведения опросов свидетелей. Такое нововведение особенно полезно для регионов с удаленными территориями, так как снижает затраты на логистику и ускоряет процесс от нескольких дней до часов.

В пояснительной записке к законопроекту было указано, что «внедрение электронного производства и документооборота по делам об административных правонарушениях соответствует современным тенденциям развития процессуального законодательства»².

Несмотря на свой прогрессивный характер, что было подмечено многими исследователями в соответствующий период³, некоторые авторы также подвергали этот закон определенной критике.

Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1. Ст. 10.

¹ Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 15. Ст. 2100.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 31.10.2024 № ММ-П4-36688 [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/758177-8> (дата обращения: 03.03.2026).

³ Пестова Т.П. Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях: реальность и перспективы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т. 2. №. 4 (109). С. 30.

И.И. Литвин обращает внимание на то, что нормы КоАП РФ, вводящие дистанционное участие с использованием видео-конференц-связи, пока не сопровождаются достаточной процедурной детализацией. В частности, в законе прямо не закреплено, в каких случаях суд, орган либо учреждение, на которое возложено обеспечение видео-конференц-связи, вправе отказать в ее организации по причинам объективной организационной или технической невозможности¹.

Е.Л. Власова также отмечает, что нововведения повышают доступность и эффективность рассмотрения дел, но зависят от инфраструктурной готовности и соблюдения гарантий безопасности².

В то же время стоит отметить, что переход к автоматической фиксации правонарушений породил иной комплекс проблем, связанных с достоверностью и проверяемостью данных, которые фиксируются специальными техническими средствами. Как известно, положения ст. 26.8 КоАП РФ предполагают, что используемые технические средства фиксации правонарушений проходят сертификацию и метрологическую проверку и таким образом законодатель пытается обеспечить презумпцию технической надежности показаний, полученных техническим способом.

Однако, как верно пишут В.И. Майоров, А.Д. Дымберов и П.В. Молчанов, сама сертификация и проверка не снимают ряд правовых рисков, так как каждое измерение уникально, в нем могут присутствовать помехи и погрешности, а итоговый вывод зависит от интерпретации программного обеспечения, в котором также возможны ошибки³.

Похожие опасения выражают Л.И. Мурзина и Д.А. Зелепугин. Исследователи указывают, что «никакое измерение не может быть выполнено абсолютно точно, поэтому искомая величина в процессе измерения имеет

¹ Литвин И.И. Закон об электронном документообороте и дистанционном участии в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. №. 2 (46). С. 64.

² Власова Е.Л. Цифровизация российского судопроизводства: реалии и перспективы совершенствования // Human Progress. 2025. Т. 11. №. 6. С. 28.

³ Майоров В.И., Дымберов А.Д., Молчанов П.В. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 71.

некоторую погрешность (ошибку)», а потому такую погрешность необходимо учитывать для правильной оценки содеянного и вынесения справедливого решения¹.

Следовательно, для проверки выводов нужны именно исходные материалы и понятные правила анализа и проверки таких материалов. В противном случае присутствует явная асимметрия возможностей в споре с органом власти при фиксации административного правонарушения.

Для устранения выявленных пробелов и повышения правовой определённости предлагается закрепить на уровне подзаконных нормативных правовых актов (постановлений Правительства РФ, приказов Минцифры России, МВД России и Росстандарта) следующие положения:

1. Необходимо на нормативном уровне закрепить процедуру контроля пригодности используемых технических средств фиксации доказательств, включая регулярный аудит их технического состояния и корректности функционирования программного обеспечения, осуществляющего обработку и формирование соответствующих показателей. Результаты такого аудита подлежат обязательному размещению в едином открытом реестре Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Указанный подход соответствует предложениям о необходимости совершенствования использования технических средств фото- и видеофиксации на основе правового регулирования.

2. Необходимо закрепить обязательный состав идентифицирующих сведений. Все фото- и видеоматериалы, используемые в качестве доказательств, должны сопровождаться полным набором метаданных: GPS-координатами, датой и временем фиксации, идентификатор устройства, хэш-сумма файла. Как указывается исследователями, автоматизированные системы контроля дают возможность существенно облегчить анализ и квалификацию

¹ Мурзина Л.И., Зелепугин Д.А. Средства автоматической фиксации административных правонарушений как источник доказательств в административном процессе // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. №. 2 (14). С. 76.

правонарушений¹, но требуют строгих стандартов хранения данных для предотвращения подделок.

Реализация указанных предложений позволит исключить правовую неопределённость в вопросах допустимости и надёжности электронных доказательств; обеспечить их техническую и юридическую достоверность; снизить количество судебных споров, связанных с оспариванием результатов автоматической фиксации; укрепить доверие участников процесса к цифровым технологиям, повышая эффективность административно-юрисдикционной деятельности.

Помимо КоАП РФ, регулирование использования цифровых технологий в административно-юрисдикционной деятельности осуществляется и на подзаконном уровне.

На уровне Указов Президента РФ задается общий вектор развития и регламентации правоотношений, связанных с использованием цифровых технологий. В качестве примера можно привести Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203², в ходе которого была утверждена Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, где цифровые технологии рассматриваются как базовый инструмент повышения качества госуправления и предоставления услуг.

В качестве другого примера можно привести Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309, который установил, что цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы является одной из национальных целей развития государства на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

На уровне постановлений Правительства РФ закрепляется сама основа электронного взаимодействия, без наличия которой электронные инструменты в КоАП РФ не смогут существовать.

¹ Сычев Е.А., Андрухов В.А. Применение средств видеофиксации административных правонарушений в Краснодарском крае // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 237.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

Так, базовым актом является Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861¹ – данный нормативный правовой акт регламентирует федеральные государственные информационные системы для предоставления услуг или же осуществления тех или иных функций в электронном виде.

Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977² также имеет немаловажное значение, так как данный акт установил основы функционирования Единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА).

ЕСИА по своей сути является способом установления доверия в рамках публичной информационной инфраструктуры, т.е. тем способом, посредством которого происходит достоверное установление субъекта, а потому совершаемые данным субъектом действия в цифровой среде имеют юридическую определенность. Иными словами, направленное обращение с использованием ЕСИА говорит о том, что такое обращение исходит от конкретного лица.

Значимость данного акта проявляется в том, что электронная коммуникация в рамках административно-юрисдикционного процесса требует нормативно закрепленного инструмента установления личности, в противном случае электронная коммуникация будет существовать де-факто, но не де-юре. Вышеприведенный нормативный акт создает необходимый фундамент для существования и развития электронных процедур.

Стоит также отметить Постановление Правительства РФ от 25.01.2013 № 33³ – данный акт регламентирует использование простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг. Как уже было отмечено нами ранее, крайне важно достоверно установить лицо, которое

¹ Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 44. Ст. 6274.

² Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977 «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (часть V). Ст. 7284.

³ Постановление Правительства РФ от 25.01.2013 № 33 «Об использовании простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 5. Ст. 377.

совершает то или иное действие, а также подтвердить принадлежность электронного волеизъявления конкретному участнику производства. Именно данные аспекты регламентирует Постановление Правительства РФ от 25.01.2013 № 33 при использовании простой электронной подписи.

Значительную роль в развитии законодательной базы играют также ведомственные нормативные акты, разрабатываемые Министерством внутренних дел, Федеральной налоговой службой и другими органами, наделенными административно-юрисдикционными полномочиями. Эти акты детализируют порядок применения систем фото- и видеофиксации административных правонарушений, использования электронных баз данных, внедрения электронного документооборота в рамках конкретных ведомственных процессов.

Так, Приказ МВД России от 02.05.2023 № 264¹ утвердил порядок осуществления надзора за соблюдением требований законодательства о безопасности дорожного движения. В пункте 28 акта устанавливается, что наблюдение за дорожным движением осуществляется как визуально, так и с использованием технических средств. Особо стоит отметить пункт 30, где прямо разрешается использовать информацию, полученную с применением средств авиации, в том числе беспилотных летательных аппаратов. В пункте 77 закрепляется, что технические средства могут также применяться при идентификации транспортного средства, документов, государственных регистрационных знаков.

Отдельного внимания заслуживают акты ФССП России, так как в настоящее время стадия исполнения административных наказаний предполагает активное использование электронного взаимодействия. Так, приказ ФССП России от 31.05.2022 № 350² устанавливает требования к

¹ Приказ МВД России от 02.05.2023 № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306300035> (дата обращения: 03.02.2025).

² Приказ Федеральной службы судебных приставов от 31.05.2022 № 350 «Об установлении требований к формату постановления судебного пристава-исполнителя или иного должностного лица службы судебных приставов, постановления Федеральной службы судебных приставов, вынесенных в форме электронного

формату постановления судебного пристава-исполнителя, вынесенного в электронной форме. Конкретные требования перечисляются в Приложении к приказу: такой файл должен использовать набор символов (кодировку) UTF-8 для кириллических алфавитов, соответствовать формату на языке разметки XML и т.д.

Стоит отметить роль государственных стандартов, которые закладывают технический фундамент функционирования информационных технологий. К примеру, ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 предоставляет рекомендации по идентификации, сбору и хранению электронных доказательств, подчеркивая цепочку хранения для обеспечения их допустимости в суде и предотвращения подделок, с детальными протоколами по метаданным¹. ГОСТ Р 57144-2016 содержит технические требования к автоматическим системам фиксации нарушений в дорожном движении².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательная основа использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе формировалась постепенно и в настоящее время находится на стадии активного развития.

Изначально цифровизация преимущественно выражалась в использовании автоматических средств для фиксации правонарушений. Впоследствии информация в цифровом виде стала признаваться в качестве доказательства. Наряду с этим стал применяться электронный документооборот, возникли дистанционные формы участия в производстве, электронные способы извещения и т.д. В то же время значительная часть правового регулирования данных технологий зависит от подзаконных актов и самой технической готовности органов власти. Следовательно, образуется

документа» [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206080013> (дата обращения: 23.04.2025).

¹ ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме. М: Стандартинформ, 2014. 40 с.

² ГОСТ Р 57144-2016. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования. М: Стандартинформ, 2016. 20 с.

разрыв между процессуальными возможностями и практической обеспеченностью такими возможностями.

Особую проблему представляет собой проверяемость цифровой информации, которая была получена с помощью технических средств. Сертификация и метрологическая поверка не устраняют риски погрешности, программных ошибок и т.д. Следовательно, правовая регламентация отношений должна включать в себя закрепление правовых гарантий проверяемости информации. К примеру, речь должна идти о закреплении обязанности сохранения исходных данных, фиксации метаданных, времени и места фиксации и т.д.

В этой связи дальнейшее развитие законодательной основы использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе должно быть направлено на совершенствование действующего правового регулирования, а также на его унификацию с целью обеспечения единообразия правоприменительной практики.

§ 3. Современные цифровые технологии, применяемые в юридических процессах в России

Необходимо признать, что юридический процесс представляет собой весьма важную категорию в праве. Так, к примеру, В.Д. Сорокин под этим термином предлагает понимать форму реализации государственной власти, выраженную в последовательных действиях управомоченных органов с целью достижения юридически значимого результата¹.

Также отметим позицию И.В. Пановой, которая полагает, что юридический процесс – это «нормативно установленная форма упорядочения

¹ Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 45.

юридической деятельности (действий) и правовых документов, которые включают в себя судебные процессы (судопроизводства) и правовые процедуры»¹.

Подход И.В. Пановой является достаточно широким, а потому его разделяют множество исследователей. При этом он представляется действительно верным, поскольку под исследуемым термином следует понимать не только разрешение споров, но и любую правоприменительную процедуру.

Узкое понимание также встречается в научной доктрине², и оно сводится исключительно к судебному разбирательству. Данный подход более конкретен, однако он игнорирует множество внесудебных форм правоприменения, что является большим недостатком.

Юридический процесс дифференцируется на отдельные виды в зависимости от характера регулируемой деятельности и особенностей соответствующей процессуальной формы. К числу таких видов традиционно относят гражданский, арбитражный, уголовный, конституционный и административный процессы. С учетом предмета настоящего исследования представляется необходимым обратиться к анализу административного процесса.

В настоящее время в доктрине административного права сложились научные школы, по-разному трактующие понятие административного процесса.

Представителями Воронежской научной школы административного права, возглавляемой профессором Ю.Н. Стариловым, административный процесс традиционно рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле под административным процессом понимается процессуальная деятельность в сфере управления, в сфере функционирования исполнительной власти. В узком смысле к административному процессу относят

¹ Панова И.В. Юридический процесс: монография. Москва: Юр. Норма, ИИЦ ИНФРА-М, 2017. С. 22.

² Исаев Э.Е. Юридический процесс как предмет исследования современной теории отечественного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. №. 2 (52). С. 13.

регламентированную законом деятельность по рассмотрению административных споров, а также деятельность по применению мер административного принуждения¹.

Представители Санкт-Петербургской школы административного права (В. Д. Сорокин, Ю.Е. Аврутин, А.И. Каплунов, В.Ю. Ухов и др.) рассматривают административный процесс как урегулированную административно-процессуальным законодательством деятельность субъектов публичного управления по рассмотрению индивидуальных дел в сфере государственного управления, а также деятельность суда по рассмотрению административных дел и экономических споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Основатель Уральской школы административного права Д.Н. Бахрах видит структуру административного процесса следующим образом:

- административно-правотворческий процесс;
- административно-правонаделительный процесс;
- административно-юрисдикционный процесс.

А.В. Мартынов, М.Д. Прилуков и Е.В. Ширеева полагают, что административный процесс «это и есть порядок разрешения и рассмотрения административных дел, о которых говорится в ст. 126 Конституции. При этом рассмотрение этих дел может происходить как в судебном, так и во внесудебном порядке. Главное отличие производства по делам об административных правонарушениях от других управленческих действий заключается в наличии четко определенных стадий прохождения дела»².

Так, Г.И. Петров указывает, что административный процесс в узком смысле означает процесс деятельности органов государственного управления, который направлен на рассмотрение индивидуальных конфликтных дел³.

¹ Общее административное право: учебник: в 2 ч. Ч. 2: Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ) / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 145-149.

² Административный процесс России: учебно-методическое пособие / А.В. Мартынов, М.Д. Прилуков, Е.В. Ширеева. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 28.

³ Петров Г.И. О кодификации советского административного права // Советское государство и право. 1962. № 5. С. 29.

А.Е. Лунева полагает, что административный процесс – это порядок правоприменительной деятельности, который осуществляется органами управления государства¹. Несомненно, у данного подхода есть большой плюс, и он заключается в том, что подчеркивается юридическая «оформленность» управленческой деятельности. Однако есть и недостатки такого подхода, заключающиеся в недостаточной степени раскрытия сущности административного процесса: ради какой цели осуществляются такие процессы, какая характеристика таких правоотношений, ключевые отличия процесса от материально-правовой деятельности и т.д.

Схожее определение можно встретить у В.Д. Сорокина: по его мнению, административный процесс – это порядок разрешения индивидуальных дел в сфере публичного управления исполнительно-распорядительными органами и другими субъектами². Отличительными чертами такого подхода является предметность и связь с публичным управлением.

Стоит согласиться с В.Д. Сорокиным в том, что процесс – это всегда конкретное дело со своими индивидуальными особенностями. Однако границы такой деятельности не совсем четко определены, а точнее не определены субъекты. Автор использует формулировку «и другие субъекты», следовательно, к таковым можно отнести кого угодно. Однако необходимо понимать, что в современных условиях государство нередко делегирует выполнение тех или иных публичных функций другим субъектам, и в этой связи необходимо лишь конкретизировать характеристику «других субъектов»: указать, что такие субъекты наделены публичными полномочиями и действуют исключительно в публично-правовой форме.

Заслуживает внимания системный подход к судебной составляющей административного процесса. А.И. Стахов предлагает «систему судебного административного процесса понимать как совокупность отдельных видов административного судопроизводства. Такой подход имеет значение и

¹ Лунева А.Е. Вопросы административного процесса // Правоведение. 1962. № 2. С. 43.

² Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. Москва: Юридическая литература, 1972. С. 128.

применительно к цифровизации юридического процесса, поскольку одинаковые цифровые технологии могут приобретать различное процессуальное значение в зависимости от вида административного дела, субъектного состава и формы его рассмотрения¹.

Таким образом, анализ существующих научных подходов позволяет сделать вывод о том, что в современной доктрине административного права отсутствует единое понимание административного процесса. Представители различных научных школ по-разному определяют его содержание, объем и основные признаки.

Цифровизация административного процесса не должна рассматриваться как исключительно частная характеристика данного вида производства, поскольку она отражает более общую, сквозную тенденцию развития юридического процесса в целом².

Интеграция цифровых технологий в юридические процессы сопряжена с многогранными проблемами, затрагивающими правовую, технологическую, этическую и социальную сферы. Для успешного преодоления этих проблем необходим комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, стандартизацию, усиление кибербезопасности и повышение цифровой грамотности населения, что позволит реализовать потенциал технологий, не нарушая фундаментальные принципы правосудия.

В диссертации Д.А. Авдеева подчеркивается, что цифровизация частной жизни требует баланса между инновациями и защитой конституционных прав граждан³. Аналогично в коллективной монографии о праве и цифровых технологиях отмечается, что цифровые инструменты влияют на институты государства, требуя новых моделей интеграции⁴.

¹ Стахов А.И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 144.

² Морозова Г.А., Губайдуллина Э.Х. Цифровые технологии в административном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №. 4-2. С. 190.

³ Авдеев Д.А. Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 5.

⁴ Константинов П.Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса: монография. М.: Статут, 2020. С. 8.

Цифровые инструменты начинают выполнять роль инфраструктурной основы юридического процесса, обеспечивая переход от бумажной модели к электронному взаимодействию. Именно в этой связи и возникает электронный документооборот. Под электронным документооборотом предлагается понимать не конкретную технологию, а коммуникационную цифровую среду, посредством которой реализуются многие административные процедуры, предоставляются государственные и муниципальные услуги, а также происходит само взаимодействие органов публичной власти как между собой, так и с частными лицами.

При этом в науке часто встречается ошибочный подход, который трактует электронный документооборот как самостоятельную цифровую технологию. В качестве примера можно привести позицию Д.В. Шibaева¹, который пишет о применении «технологии электронного документооборота», аналогичное словосочетание используется и в монографии под редакцией Е.В. Бурдиной и др.²

Тем не менее, А.Ю. Чурикова делает вывод, что успешное внедрение электронного документооборота, вероятно, возможно только при полном отказе от бумажных носителей, поскольку нынешняя практика их сосуществования порождает дублирование работы и снижает эффективность всей системы³.

Как было верно подмечено А.А. Урасовой, электронный документооборот минимизирует риски потери данных, а также направлен на обеспечение прозрачности⁴.

В гражданском процессе электронный документооборот закреплён как равноправная форма реализации права на судебную защиту наряду

¹ Шibaев Д.В. Электронный документооборот в органах государственной власти Российской Федерации как одно из направлений обеспечения конституционного права граждан на информацию // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 164.

² Электронное правосудие: Монография / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М.: РГУП, 2021. С. 109.

³ Чурикова А.Ю. Проблемы цифровизации российского уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 213.

⁴ Урасова А.А. Цифровая трансформация регионального пространства в контексте изменения стратегических приоритетов. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. С. 53.

с традиционным бумажным документооборотом. Так, в ч. 1 ст. 131 ГПК РФ¹ закреплено, что иск может быть подан «на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». То есть электронный канал подачи не является исключением или факультативной опцией по усмотрению суда, а признается равноправной процессуальной формой обращения, встраивающейся в общую модель судопроизводства. Практически электронный документооборот в судах общей юрисдикции обеспечивается системой ГАС «Правосудие»².

Сопоставление указанной модели с административно-юрисдикционным процессом показывает, что в производстве по делам об административных правонарушениях электронный документооборот также получил нормативное закрепление, однако его правовая конструкция отличается. Так, в ст. 24.8 КоАП РФ предусматривается возможность использования электронного документооборота лишь при наличии технической возможности у органа или суда, рассматривающего дело. Тем самым законодатель закрепляет электронную форму взаимодействия как допустимую, но не универсальную форму процессуальной коммуникации.

Существующая в ст. 24.8 КоАП РФ конструкция свидетельствует о том, что электронный документооборот в административно-юрисдикционном процессе имеет более ограниченный характер по сравнению с гражданским судопроизводством. Если в рамках ГПК РФ электронная подача документов институционально встроена в систему судебного взаимодействия и обеспечивается функционированием единой цифровой инфраструктуры судебной системы, то в производстве по делам об административных правонарушениях использование электронных документов во многом зависит от технической оснащённости конкретного органа административной юрисдикции. Более того, стоит отметить, что значительная часть цифровых

¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. №. 45. С. 475.

технологий в данной сфере исторически развивалась вокруг отдельных процедур, прежде всего автоматизированной фиксации правонарушений и упрощённого движения материалов¹.

При сравнении применения технологий ВКС и веб-конференций анализ положений ст. 155.1-155.2 ГПК РФ и ст. 29.14-29.16 КоАП РФ свидетельствует, что в рассматриваемом аспекте регулирование дистанционного участия участников процесса является во многом сходным. В обоих процессуальных режимах законодатель предусматривает использование видео-конференц-связи и веб-конференции, связывая их применение с подачей соответствующего ходатайства и наличием технической возможности, то есть существенные различия в конструкции указанных норм отсутствуют. Особенность регулирования в КоАП РФ проявляется лишь в том, что соответствующие положения применяются не только к судам, но и к органам и должностным лицам.

В арбитражном процессе электронный документооборот получил наиболее завершённое институциональное оформление. Его прикладным ядром выступает система электронной подачи документов «Мой арбитр», обеспечивающая направление в арбитражный суд исковых заявлений, отзывов, ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов в электронном виде, а также получение участниками процесса судебных извещений и судебных актов в цифровой форме.

Возможность представления процессуальных документов в электронном виде закреплена в ч. 1 ст. 41 АПК РФ², согласно которой лица, участвующие в деле, вправе направлять документы в арбитражный суд в электронной форме, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью. Дополнительно ч. 7 ст. 125 АПК РФ предусматривает, что исковое

¹ Шатковская Т.В., Гончаров Е.И. Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 134.

² Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.06.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

заявление может быть подано в суд как на бумажном носителе, так и в электронном виде.

Таким образом, арбитражное судопроизводство демонстрирует наиболее высокий уровень технологической и организационной проработанности электронного документооборота. Функционирование системы «Мой арбитр» обеспечивает единый стандартизированный канал электронного взаимодействия с судом, что позволяет участникам процесса реализовывать свои процессуальные права в цифровой форме.

Арбитражный процесс усиливает электронный контур также развитием дистанционного участия (ВКС и веб-конференция), что регламентируется ст. 153.1-153.2 АПК РФ и по концептуальной модели полностью совпадает с гражданским и административно-юрисдикционным процессом.

В уголовном процессе электронный документооборот внедряется осторожнее, чем в арбитражном и гражданском процессе, что объясняется высокой ценой процессуальной ошибки, которая может повлечь существенное нарушение прав человека. Так, электронный документооборот в уголовном процессе регламентируется положениями ст. 474.1 УПК РФ¹. При сравнении данных положений со ст. 24.8 КоАП РФ следует отметить, что в обоих случаях законодатель допускает использование электронного документооборота как альтернативы традиционной бумажной форме процессуального взаимодействия и лишь при наличии на то технической возможности.

Однако присутствуют и существенные отличия. Одним из таковых является то, что в соответствии со ст. 474.1 УПК РФ процессуальные документы, направляемые в суд в электронной форме, должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью. Такое требование направлено на обеспечение достоверности электронного документа, подтверждение личности отправителя и исключение возможности изменения содержания документа после его подписания. Тем самым уголовно-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст.4921.

процессуальное законодательство изначально связывает использование электронного документооборота с повышенными требованиями к аутентичности и защищенности передаваемой информации.

В административно-юрисдикционном процессе законодатель применяет более дифференцированную модель. С одной стороны, в ч. 1 ст. 28.8 КоАП РФ допускается направление материалов дела об административном правонарушении в электронном виде, не устанавливая в самой норме императивного требования о применении усиленной квалифицированной электронной подписи, что отражает ориентацию на оперативность и массовый характер дел. С другой стороны, ч. 3 ст. 24.8 КоАП РФ прямо закрепляет разные режимы подписания электронных процессуальных документов: при подаче заявления, ходатайства, жалобы, протеста и иных документов через Единый портал либо информационную систему, определенную Верховным Судом Российской Федерации или Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, допускается простая электронная подпись, если КоАП РФ не установлено требование об усиленной квалифицированной электронной подписи, тогда как при подаче через системы электронного документооборота участников производства такие документы должны быть подписаны усиленной электронной подписью.

То есть в уголовном процессе электронный документооборот связан с единым жестким стандартом усиленной квалифицированной электронной подписи, тогда как в административно-юрисдикционном процессе, напротив, допустимо сочетание простой и усиленной подписи в зависимости от канала подачи документа.

Необходимо также сравнить дистанционное участие в уголовном и административно-юрисдикционном процессе. Так, в уголовном процессе полностью отсутствует институт веб-конференции, то есть законодатель ограничился моделью ВКС, предполагающей подключение участника из специально оборудованных помещений суда, следственного изолятора, либо

иною учреждения, что позволяет обеспечить надлежащую идентификацию личности и контроль условий участия в судебном заседании.

В уголовном судопроизводстве возможность дистанционного участия участников процесса закреплена в ряде норм УПК РФ, прежде всего в ст. 241.1 УПК РФ, предусматривающей участие лица в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи. Однако некоторые аспекты применения ВКС присутствуют и в других нормах УПК РФ. Так, в соответствии со ст. 278.1 УПК РФ допускается допрос свидетеля с использованием систем видео-конференц-связи, а нормы гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ предусматривают возможность использования данной технологии при рассмотрении уголовных дел в апелляционной и кассационной инстанциях.

Существующий подход в УПК РФ в научной среде объясняют спецификой уголовного судопроизводства и необходимостью соблюдения повышенных процессуальных гарантий. Так, В.П. Божьев пишет, что «использование современных технических средств при осуществлении правосудия не должно приводить к ограничению процессуальных прав участников уголовного судопроизводства и ослаблению принципа непосредственности судебного разбирательства»¹. Схожую позицию высказывает Л.А. Лупинская, подчеркивая необходимость осторожного внедрения дистанционных технологий в уголовный процесс: «применение технических средств дистанционного участия в судебном заседании допустимо лишь при условии, что оно не снижает уровень процессуальных гарантий сторон и не препятствует непосредственному исследованию доказательств судом»².

Можно сделать вывод, что по сравнению с уголовным процессом в административно-юрисдикционном процессе законодатель использует более широкую модель дистанционного участия.

¹ Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник. М.: Юрайт, 2022. С. 61.

² Лупинская Л.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 487.

В Конституционном судопроизводстве основные положения о цифровизации находят свое отражение в Федеральном конституционном законе от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹. Так, в ст. 37 данного нормативного акта устанавливается, что обращение в Конституционный Суд РФ может быть направлено в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте либо в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Также устанавливается, что при таком способе «переписка с заявителем может осуществляться в электронном виде» в порядке, определяемом Регламентом Конституционного суда РФ².

То есть и конституционное, и административно-юрисдикционное производство ориентируются на государственные информационные системы как на юридически значимую среду подачи и получения процессуальных документов. Различие же состоит в том, что Конституционный Суд РФ использует свою собственную информационную систему, тогда как КоАП РФ закладывает многоканальную модель.

Ключевое отличие проявляется в режиме электронной подписи и допустимых способах идентификации. Как уже было отмечено нами ранее, в КоАП РФ закреплена «двухуровневая» модель электронной подписи, тогда как в конституционном судопроизводстве действует более строгий стандарт: Регламент Конституционного Суда РФ в § 22.2 прямо устанавливает, что обращение и каждый прилагаемый документ подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью. Причем на данную особенность обращают внимание многие исследователи, особенно подчеркивая ее в качестве отличительного признака³.

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Регламент Конституционного Суда РФ (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6) (ред. от 29.05.2025) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 1.

³ Нагорный И.Е. Институт представительства в конституционном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 119.

В конституционном судопроизводстве требования к обращениям, подаваемым в электронном виде, закреплены непосредственно в § 22.3 Регламента. В данной норме установлено, что обращение и приложения представляются в форматах doc или docx, RTF, PDF, JPG, PNG с сохранением аутентичных признаков подлинности, включая графические подписи, печати, штампы, номера и даты; содержание может быть текстовым и/или графическим, а при направлении сканированных изображений они должны быть выполнены в черно-белом либо сером цвете с разрешением не менее 200 dpi; дополнительно допускается подача материалов в архивных форматах RAR, ZIP или 7z. Тем самым Регламент задает минимально достаточный набор технических требований и прямо увязывает электронный формат с требованиями к содержанию обращений и приложений, установленными ФКЗ о Конституционном Суде.

В административно-юрисдикционном процессе требования к «технической форме» электронных материалов вынесены на подзаконный уровень и конкретизированы в Положении, утвержденном постановлением Правительства РФ от 30.06.2025 № 980¹. В части электронных образов документов Положение предписывает сканирование бумажных документов в масштабе 1:1 с качеством не менее 200–300 dpi, обеспечивающим сохранение реквизитов и аутентичных признаков подлинности; допускаемые форматы электронного образа включают PDF, JPEG (JPG), PNG, TIFF.

Отличие регулирования принципиально состоит не только в перечне форматов, но и в юридической природе источника и степени детализации. В Конституционном Суде технические требования встроены в Регламент как акт судебной власти и выражают «саморегулирование» процессуальной формы, при сравнительно компактном наборе параметров. В административно-

¹ Постановление Правительства РФ от 30.06.2025 № 980 «Об утверждении Положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде и требованиях к их формату, типового положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде посредством регионального портала государственных и муниципальных услуг, а также о рекомендациях к формату таких документов» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 27. Ст. 3752.

юрисдикционном процессе, напротив, технические требования вынесены в постановление Правительства РФ и детализированы как единые правила, рассчитанные на массовость и множественность субъектов административной юрисдикции.

Таким образом, было отмечено, что гражданский, арбитражный, уголовный, конституционный и административно-юрисдикционный процессы по-разному регулируют электронную подачу документов и требования к электронной подписи. Однако можно выделить одну общую проблему, и она заключается в том, что подача и прием документа через электронный канал зависит от работы информационной системы и от технических параметров самого файла¹. Иными словами, коммуникация с органом власти организуется через цифрового «посредника», который либо принимает документ, либо отклоняет его. Из данного положения и вытекают определенные риски, которые могут негативно сказываться на вопросах реализации прав граждан и организаций.

Так, возможны технические сбои (недоступность сервиса, ошибки загрузки, зависания, сбои авторизации). Помимо прочего, документы могут быть не приняты системой по техническим причинам (неподходящий формат, превышение объёма, недостаточное качество скан-образа, ошибка подписи)².

Более того, остаётся неясным, какой момент считать юридически значимым для соблюдения срока: когда лицо нажало «отправить», когда документ поступил в информационную систему, или когда он зарегистрирован в канцелярии. В итоге возможна ситуация, когда лицо действовало своевременно, но из-за работы системы документ фактически не принят, срок истёк, а доказать сам факт своевременной попытки подачи и причину отказа бывает сложно по сравнению с подачей бумажного документа. Следовательно, подача документа в электронном виде в таких случаях объективно становится

¹ Степкин С.П. Проблемы правовой регламентации и особенности подачи обращений в форме электронного документа // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. №. 7 (140). С. 51.

² Лисина Н.С. Кто там: проблема идентификации гражданина при реализации права на обращение // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №. 1. С. 210.

менее защищённой. То есть если с подачей бумажных документов все достаточно понятно и просто (лицо передает два экземпляра заявления в канцелярию, одно принимается, а на другом ставится отметка о получении заявления и таким образом есть доказательства совершения соответствующего действия), в отношении же подачи заявления в электронном виде отсутствует понимание, как можно это доказать.

Таким образом, отсутствует ответ на вопрос о том, что считать юридически значимым методом подачи заявления: момент нажатия «отправить», момент поступления заявления в орган, момент регистрации должностным лицом такого заявления. Не менее важен и другой аспект рассматриваемой проблемы: определение момента направления электронного документа органом власти (момент нажатия «отправить», момент размещения документа в информационной системе, момент ознакомления с таким документом).

Следовательно, необходимы понятные процессуальные гарантии, которые фиксируют факт обращения, подтверждают факт направления и получения электронного документа и распределяют риск технических сбоев. При подаче или направлении документа должно автоматически выдаваться подтверждение о том, что отправка или прием были успешно совершены, в противном случае должно быть подтверждение технического сбоя с указанием даты и времени. Так, если информационная система выдала отказ в отправке документа ввиду технического сбоя, то такой документ не может считаться поданным или отправленным, однако наличие подтверждение технического сбоя свидетельствует, что лицо предприняло попытку подачи. В этой связи должен действовать механизм устранения технических недостатков или восстановления срока подачи документа. В том же случае, если документ был отправлен, однако в силу технического сбоя адресат не смог его открыть, то такой документ признается неполученным, а значит сроки на обжалование, исполнение и иные последствия приостанавливаются до тех пор, пока не будет подтвержден факт доступности документа адресату.

Также необходимо предусмотреть режим «исправления технических недостатков». Иными словами, если документы не были приняты из-за проблем с форматом, размером, качеством, то заявителю должен быть предоставлен срок по исправлению таких недочетов, к примеру, 3 рабочих дня. Если же исправления будут внесены, то исходная дата отправки документов сохраняется.

Также необходимо разрешить вопрос, кто отвечает за невозможность отправки заявления: гражданин, так как не успел или не смог «отправить» или же оператор, так как система не работала.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Цифровизация различных видов юридического процесса развивается неравномерно, однако уже позволяет выявить те процессуальные решения, которые могут быть заимствованы для совершенствования производства по делам об административных правонарушениях. Наиболее значимым представляется опыт гражданского и арбитражного судопроизводства, в рамках которого электронная подача документов получила более устойчивое нормативное оформление и фактически рассматривается как полноценная форма реализации права на обращение наряду с бумажной, тогда как в КоАП РФ возможность подачи электронных документов связывается с наличием технической возможности у конкретного суда, органа или должностного лица. В этой связи предлагается внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 24.8 КоАП РФ и закрепить электронную подачу документов не как факультативный способ, а как самостоятельный.

Было отмечено, что административно-юрисдикционный процесс характеризуется более гибким режимом электронной подписи, тогда как уголовный процесс исходит из необходимости подписания электронных документов усиленной квалифицированной электронной подписью. Полное заимствование такого подхода для КоАП РФ вряд ли оправданно, однако сама идея установления повышенных требований к подписанию наиболее значимых

процессуальных документов заслуживает определенного внимания. В этой связи представляется целесообразным предусмотреть в ст. 24.8 КоАП РФ, что вне зависимости от способа подачи электронного документа в виде жалобы на постановления, протесты прокурора, а также обращения, связанные с пересмотром вступивших в законную силу актов, должна присутствовать усиленная квалифицированная электронная подпись.

В условиях цифровизации общими для различных видов юридического процесса становятся проблемы, связанные с определением юридически значимого момента отправки электронного документа, фиксацией факта его поступления в информационную систему, а также установлением последствий технического отказа в приеме обращения. Указанные трудности проявляются не только в административно-юрисдикционном процессе, но и в уголовном, гражданском, арбитражном и конституционном процессе, поскольку во всех случаях реализация права на обращение оказывается поставленной в зависимость от функционирования цифровой инфраструктуры. Это означает, что дальнейшее развитие электронного документооборота требует не только расширения технических возможностей, но и нормативного закрепления специальных процессуальных гарантий. Так, если информационная система выдала отказ в отправке документа ввиду технического сбоя, то такой документ не может считаться поданным или отправленным, однако наличие подтверждения технического сбоя свидетельствует, что лицо предприняло попытку подачи. В этой связи должен действовать механизм устранения технических недостатков или восстановления срока подачи документа. В том же случае, если документ был отправлен, однако в силу технического сбоя адресат не смог его открыть, такой документ признается неполученным, а значит, сроки на обжалование, исполнение и иные последствия приостанавливаются до тех пор, пока не будет подтвержден факт доступности документа адресату.

Итак, цифровизация юридических процессов в России развивается по общей логике перехода к электронным каналам взаимодействия и

дистанционным формам коммуникации, однако административно-юрисдикционный процесс сохраняет выраженную специфику, связанную с множественностью субъектов и неодинаковым уровнем инфраструктуры участников. В связи с этим его электронная среда оказывается менее унифицированной, чем в арбитражном и конституционном процессе, но более гибкой по сравнению с уголовным процессом.

Глава 2. Правовые механизмы использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях

§ 1. Роль, значение и функции цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях

Современное развитие государства и права невозможно рассматривать без учёта процессов цифровизации, которые затрагивают все сферы правоприменительной деятельности, включая производство по делам об административных правонарушениях. Если ранее производство по делам об административных правонарушениях воспринималось как традиционная бумажная процедура, то в последние годы все более заметную роль играют цифровые технологии. В этой связи цифровизация не только ускоряет процедуру рассмотрения дел, но и формирует дополнительные гарантии защиты прав и свобод участников производства по делам об административных правонарушениях. Как верно отметил К.К. Жарков, «цифровизация представляет из себя процесс внедрения цифровых технологий в целях повышения эффективности традиционных процедур»¹.

В контексте настоящего исследования правовой механизм использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях следует рассматривать как систему взаимосвязанных правовых средств, процедур и гарантий, обеспечивающих включение цифровых технологий в административно-юрисдикционную деятельность. Структура такого механизма включает нормативный, организационный, процедурный, технологический и гарантийный элементы. Нормативный элемент выражается в закреплении правовых оснований применения цифровых технологий;

¹ Жарков К.К. Публично-правовое регулирование цифровой трансформации транспортной отрасли в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. С. 53.

организационный — в определении субъектов, уполномоченных использовать соответствующие цифровые инструменты; процедурный — в установлении порядка совершения юридически значимых действий в цифровой форме; технологический — в использовании информационных систем, электронных документов, средств фиксации и передачи данных; гарантийный — в обеспечении прав участников производства, включая доступ к материалам дела, проверку электронных доказательств и защиту персональных данных.

В настоящее время нормативная база уже исходит из возможности использования тех или иных цифровых технологий: электронные протоколы, электронные жалобы, возможность подачи документов через государственные порталы и сервисы и т.д. Указанные технологии применительно к производству по делам об административных правонарушениях будут более подробно рассмотрены в следующих параграфах настоящего исследования, здесь же следует отметить, что такие технологии уже не являются «экспериментами», они стали устойчивыми элементами в рамках регулирования правоотношений.

Цифровизация непосредственно направлена на решение прикладных задач производства. В этой связи необходимо отметить слова Т.П. Пестовой¹, которая писала, что в процессе цифровизации решаются такие задачи, как повышение оперативности производства. Эта оперативность выражается как в скорости передачи данных, так и в снижении издержек, связанных с перемещением граждан и бумажных материалов.

Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях имеют неодинаковое правовое значение в судебном и внесудебном порядке привлечения лица к административной ответственности. В судебном порядке такие технологии преимущественно обеспечивают прозрачность, доступность процессуальных гарантий, тогда как во внесудебном порядке данные технологии в основном направлены на автоматизацию

¹ Пестова Т.П. Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях: реальность и перспективы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т. 2. № 4 (109). С. 28.

определенных процессуальных действий и повышение оперативности информационного взаимодействия.

Стоит отметить, что научная литература последних лет демонстрирует устойчивый интерес к проблематике цифровизации производства по делам об административных правонарушениях. Рассмотрение роли цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях предполагает выделение нескольких ключевых измерений: институциональной, коммуникационной, гарантийной, интеграционной и модернизирующей ролей.

Институциональная роль заключается в том, что результаты цифровизации – это не хаотичный набор технических инструментов, а новая система полноценных правовых институтов в административно-деликтном праве со своим собственным набором правовых норм. Более того, некоторые такие институты имеют свои собственные законы. Все это свидетельствует об их самостоятельности и устойчивости.

Цифровые технологии функционируют как юридически значимые механизмы, то есть они определяют порядок совершения действий, фиксируют их результаты, подтверждают юридические факты и т.д.

Так, А.Н. Долженко пишет, что в результате интеграции и дифференциации норм различных отраслей права, а также норм из специальных законов происходит становление межотраслевого правового института «электронный судебный документооборот»¹.

Коммуникационная роль цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях проявляется в обеспечении эффективного взаимодействия между участниками процесса, что способствует повышению его открытости и предсказуемости. Внедрение электронных сервисов и дистанционных форм участия расширяет доступ к правосудию, формирует новые стандарты коммуникации и снижает риск процессуальных нарушений, связанных с ненадлежащим уведомлением сторон. Как отмечают исследователи, «максимальный эффект обеспечивается при использовании

¹ Долженко А.Н. Электронный судебный документооборот: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 144.

систем электронной подачи документов и онлайн-взаимодействия сторон и судей... Это делает правосудие не только более оперативным, но и более доступным для граждан и бизнеса»¹. Следовательно, цифровые технологии выступают средством реализации конституционного права на доступ к правосудию даже при пространственной удалённости участников.

Однако цифровые технологии выполняют не только сервисную, но и юридически значимую функцию: они обеспечивают доказуемость совершения процессуальных действий. Коммуникационная роль цифровых технологий непосредственно трансформируется в гарантийную, так как электронная коммуникация оставляет за собой проверяемый «электронный след».

Иными словами, цифровые технологии фиксируют все действия сторон и органов власти, тем самым обеспечивая прозрачность и возможность последующей проверки. Электронные системы создают доказательства факта подачи заявления, даты уведомления и иных действий.

Интеграционная роль цифровизации в производстве по делам об административных правонарушениях проявляется в создании единого информационного пространства, которое обеспечивает связь между судами, правоохранительными органами и административными структурами. То есть речь идет не о локальных технологиях, а о выстраивании согласованной инфраструктуры (например, ГАС «Правосудие», облачные сервисы, межведомственные цифровые платформы), которая позволит автоматизировать и синхронизировать движение протоколов, решений и обеспечивать их исполнение на всех этапах производства.

Как отмечают отечественные исследователи, к примеру, И.В. Петров, в эпоху информационного общества организация судопроизводства России требует формирования единого информационного пространства всей судебной системы². Е.В. Бурдина также пишет, что автоматизированные

¹ Кашанин А.В., Козырева А.Б., Курносова Н.А., Малов Д.В. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад. Москва: НИУ «Высшая школа экономики», 2020. С. 4.

² Петров И.В., Кудрявцева Л.В. Актуальные вопросы цифровизации российского правосудия // Общество и право. 2024. Т. 12. № 1. С. 34.

информационные системы обеспечивают единое информационное пространство федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов¹.

Данный тезис подчёркивает ключевой смысл: цифровизация – это не локальное внедрение технологий, а создание единого, связного механизма взаимодействия различных ветвей и уровней системы.

В результате реализация веб-сервисов и интеграционных платформ позволяет устранить избыточность информации, снизить риск ошибок, связанных с многократным вводом данных, и повысить оперативность, прозрачность и законность административно-юрисдикционной деятельности. Создание единого цифрового поля способствует укреплению принципа законности и правового обеспечения граждан, обеспечивая согласованное межведомственное взаимодействие и сквозной документооборот – от факта правонарушения до вступления постановления в силу.

Модернизирующая роль цифровых технологий проявляется не в том, что происходят «косметические» улучшения совершения тех или иных действий. Речь идет про перестройку самой модели производства по делам об административных правонарушениях: изменяются способы фиксации юридических обстоятельств, способы коммуникации, требования к доказательствам, стандарты доказывания и т.д.

Если традиционно производство по делам об административных правонарушениях строилось на бумажных носителях, то сегодня приоритет постепенно смещается в сторону электронных документов, электронных доказательств и дистанционного участия.

В научной литературе подчеркивается, что цифровизация административно-деликтного права на первый план выводит вопрос о нормативном оформлении таких изменений. В противном случае цифровые инструменты превратятся лишь в техническую опцию, которая не порождает никакого юридического эффекта. Так, П.Н. Сафонов пишет, что обеспечение прав участников производства по делам об административных

¹ Электронное правосудие: монография / под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М.: РГУП, 2021. С. 5.

правонарушениях невозможно без нормативного закрепления цифровых инструментов¹. Таким образом, модернизационный эффект цифровизации заключается не только в техническом упрощении процедур, но и в необходимости реформирования процессуального законодательства. Д.Н. Шурухнова также связывает цифровую модернизацию не только с технологиями как таковыми, но с оформлением правовой рамки для применения таких технологий².

Е.В. Евсикова указывает, что усовершенствование административно-деликтного законодательства позволит оптимизировать и ускорить многие процедуры, сохранив при этом защиту прав и свобод³. Это подтверждает, что цифровые технологии не только совершенствуют отдельные элементы процесса, но и способствуют глубокой модернизации всей системы, выдвигая новые требования к нормативному регулированию.

Модернизирующая роль цифровых технологий также проявляется в их влиянии на доказательственную деятельность. Появление электронных доказательств требует пересмотра подходов к их допустимости, относимости и достоверности.

Д.С. Щекина пишет, что электронные доказательства требуют особого правового регулирования ввиду наличия специфических особенностей⁴. В данном случае цифровизация – это не только изменение формы, это изменение всего подхода к пониманию доказательств.

Вместе с тем модернизирующее воздействие цифровых технологий не ограничивается только доказательственной деятельностью. Оно проявляется также в изменении содержания процессуального статуса участников производства по делам об административных правонарушениях. Использование

¹ Сафоненков П.Н. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Российской таможенной академии. 2023. № 4 (65). С. 168.

² Шурухнова Д.Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №. 5. С. 311.

³ Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 122.

⁴ Щекина Д.С. Электронные доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях // E-Scio. 2023. № 3 (78). С. 599.

цифровых технологий приводит к появлению новых групп процессуальных прав и корреспондирующих им обязанностей уполномоченных органов и должностных лиц.

К таким группам следует отнести: информационные права и обязанности, связанные с получением сведений о применении цифровых технологий в отношении лица; права и обязанности доступа к материалам дела в цифровой форме; доказательственные права и обязанности, связанные с представлением, исследованием и проверкой электронных доказательств; права и обязанности, направленные на защиту персональных данных и иной охраняемой законом информации; а также контрольные права и обязанности, связанные с возможностью обжалования решений, основанных на результатах применения цифровых технологий.

В совокупности рассмотренные роли демонстрируют, что цифровые технологии на данный момент не являются вспомогательными инструментами: они становятся устойчивыми элементами и начинают определять само содержание производства по делам об административных правонарушениях. Однако описание ролей определяет лишь общие направления влияния цифровизации, а потому для более точного и глубокого анализа необходимо перейти к изучению функций цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях.

Под функциями цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях стоит понимать конкретные юридически значимые способы их использования. В этой связи функции отражают конкретный эффект, который обеспечивают технологии (Приложение № 4).

Так, И.В. Решетникова пишет, что передача данных рассматривается через категорию сетевого взаимодействия и протоколов¹. Кроме того, Н.В. Келдыш указывает, что обмен данными по каналам связи осуществляется путем перемещения данных между уровнями сетевой архитектуры, а сами

¹ Решетникова И.В. Сети и системы передачи информации: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: СКФ МТУСИ, 2022. С. 22.

протоколы обеспечивают совместимость и стандартность такого обмена¹. Соответственно, в научной литературе передача данных понимается не как «перемещение информации из одной точки в другую», а как процесс стандартизированного сетевого обмена, в котором юридически и технически значимы формат сообщения, порядок взаимодействия, адресация, сегментация данных и согласованность протокольных правил.

Передача информации в цифровом виде всегда предполагает наличие инфраструктуры доверия к сообщению: стандартов, протоколов, процедур маршрутизации и проверки. Именно поэтому в юридическом процессе недостаточно лишь разрешить отправку документа «в электронном виде»; необходимо нормативно определить канал передачи, формат, момент поступления и последствия технического сбоя.

Функция передачи данных цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях выражается прежде всего в формализации электронных каналов процессуальной коммуникации между участниками и юрисдикционными субъектами. Наиболее ярко данная функция проявляется при использовании электронных доказательств, которые становятся одним из ключевых элементов современного производства по делам об административных правонарушениях, однако их специфика требует особого правового подхода.

В ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ установлено, что документы могут содержать в себе сведения как в письменной, так и в электронной форме. К документам также относят и «иные носители информации». То есть действующий законодатель не выделяет электронные доказательства в отдельный вид доказательств, а вставляет их в конструкцию документов как доказательств. В научной доктрине можно обнаружить критику такого подхода. К примеру, С.Г. Сафронов и А.В. Минбалеев пишут, что «вряд ли стоит отождествлять иные документы и электронные доказательства. Несмотря на одинаковость

¹ Келдыш Н.В. Системная защита информации компьютерных сетей: Учебное пособие М.: Мир науки, 2022. С. 5.

содержания информации, имеющейся в указанных доказательствах, форма электронного доказательства является его главным отличительным признаком по сравнению с иными документами»¹.

Относительно функции обработки информации стоит сказать, что предварительная обработка служит основой достоверного анализа и включает такие методы повышения качества исходных данных, как очистка, нормализация, отбор признаков и преобразование. То есть обработка данных понимается не как техническое воздействие на информацию, а как последовательный процесс приведения данных в состояние, пригодное для практического использования. В его содержание обычно включают следующие этапы:

- подготовка и очистка данных – устранение ошибок, дублирующей информации и иных недостатков;
- преобразование данных – такая операция связана с их упорядочением, приведением к необходимому формату и структуре;
- последующий анализ данных, в рамках которого из совокупности сведений выявляются значимые связи, закономерности и иные результаты, необходимые для принятия решений.

Цифровизация любого юридического процесса означает не просто перевод бумажных материалов в электронный вид. В данном случае речь идет о многоступенчатой обработке информации: сканировании, распознавании, нормализации реквизитов, сортировке, поиске, автоматизации и т.д.

Функция обработки информации цифровых технологий, применяемых в производстве по делам об административных правонарушениях, проявляется в том, что цифровые данные, поступающие в производство, не остаются «сырым» массивом, а преобразуются в юридически релевантные сведения посредством технологических процедур: извлечения, сопоставления, сортировки, анализа и представления. В научной литературе прямо

¹ Сафронов С.Г., Минбалеев А.В. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14. № 4. С. 114.

фиксируется, что в административных процессах используются не только фото и видео, но и «программное обеспечение для анализа данных», причем такие технологии применяются «для сбора, хранения, обработки и представления доказательств»¹.

Юридически нагляднее всего функция обработки информации проявляется в механизме, предусмотренном ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ: если правонарушение зафиксировано специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, протокол не составляется, а постановление выносится без участия лица. Далее материалы фиксации и само постановление подлежат направлению адресату (в том числе в электронной форме) в порядке, установленном КоАП РФ (в частности, по правилам, регулирующим направление процессуальных документов).

Эта модель в принципе работоспособна только при наличии устойчивых процедур (алгоритмов) обработки цифровых данных. Система должна не только «записать» изображение или видео, а преобразовать исходный поток данных в юридически значимый результат.

Е.В. Климович пишет, что применение автоматических средств фиксации дорожных нарушений в зарубежной практике указывает на «положительное влияние на снижение количества наиболее опасных правонарушений»². Следовательно, автор непосредственно связывает превенцию и использование цифровых технологий.

А.Д. Ульянов, рассматривая значимость данной функции, отмечает, что информационно-аналитическая работа территориальных органов МВД России обеспечивает выявление и оценку состояния криминогенной обстановки, позволяет определить тенденции её развития и подготовить управленческие решения³. В данном случае может потребоваться использование технологии Big

¹ Куликова Я.А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 86.

² Климович Е.В. Особенности производства по делам об административных правонарушениях, возбужденным по материалам, полученным с применением автоматических устройств фиксации правонарушений // Научный портал МВД России. 2010. № 1. С. 13.

³ Ульянов А.Д. Совершенствование информационно-аналитической работы в территориальных органах МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 35.

Data. Как указывает И.Б. Воробьева, использование технологий Big Data позволяет выявлять скрытые закономерности, прогнозировать возможные противоправные действия и тем самым значительно повышает эффективность предупредительной деятельности правоохранительных органов¹.

При этом А.Д. Ульянов также подчеркивает, что результаты информационно-аналитической деятельности используются для планирования профилактических мероприятий и повышения эффективности служебной деятельности органов внутренних дел. В данном случае цифровые инструменты являются механизмом, посредством которого выявляются и оцениваются риски. В дальнейшем это выражается в конкретных организационных и профилактических мерах со стороны уполномоченных органов власти.

В этом же ключе М.А. Крупина указывает, что использование сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения позволяет унифицировать информацию и устранить дублирование данных. При этом, как отмечает исследователь, такая система обеспечивает более высокий уровень согласованности межведомственного взаимодействия и повышает эффективность административно-юрисдикционной деятельности².

В итоге цифровые технологии снижают общий информационный «шум» и позволяют более эффективно собирать и управлять данными, принимая на их основе обоснованные управленческие решения.

При рассмотрении такой функции цифровизации, как хранение информации, необходимо обратиться к определению М.Б. Вольфсона, который под хранилищем данных понимает «предметно-ориентированное, привязанное ко времени и неизменяемое собрание данных для поддержки принятия решений»³. Ключевыми характеристиками хранилища являются интегрированность, наличие исторических данных, неизменяемость, поддержка

¹ Воробьева И.Б. Применение больших данных (Big Data) при прогнозировании и расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3 (140). С. 195.

² Крупина М.А. Административно-правовые аспекты использования прикладных сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 141.

³ Вольфсон М.Б. Анализ данных: учебное пособие. СПбГУТ. СПб., 2015. С. 82.

высокой скорости получения данных, полнота и достоверность хранимых сведений.

Хранение данных не стоит воспринимать как «сохранение файлов». Речь идет про определенный управляемый жизненный цикл информации, который включает в себя следующее: структурирование информации, длительная поддержка доступности, архивирование, резервирование и возможность восстановления.

Функция хранения данных в производстве по делам об административных правонарушениях направлена на сохранность доказательств и воспроизводимость материалов дела. КоАП РФ прямо относит к документам как доказательствам материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, а также материалы «информационных баз и банков данных» (ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ), а также возлагает обязанность «принять необходимые меры по обеспечению сохранности документов до разрешения дела по существу» (ч. 3 ст. 26.7 КоАП РФ). В доктрине это логично увязывается с широким пониманием «иных документов»: расширительное толкование позволяет считать, что к ним «могут быть отнесены любые документы, представленные на электронных носителях»¹.

Хранение данных не сводится к физическому размещению файлов; оно включает управление версиями и формами представления. Ст. 24.9 КоАП РФ требует при изготовлении процессуального документа в электронном виде предусматривать изготовление экземпляра на бумажном носителе в случаях, определяемых законом и подзаконным регулированием, а также регламентирует перевод электронного документа в бумажную копию и ее удостоверение (ч. 1, 9 ст. 24.9 КоАП РФ). Следовательно, хранение данных в производстве по делу выполняет технологическую задачу сохранения «цепочки материалов» в состоянии, пригодном для проверки судом или вышестоящим органом, и одновременно юридическую задачу обеспечения доступности

¹ Карпушкин А.В. К вопросу о законодательном закреплении возможности использования доказательств в электронной форме в качестве перспективного направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №. 1 (40). С. 37.

материала дела для реализации права на защиту и обжалование, но достигается это именно через технические режимы хранения, резервирования и воспроизводимости.

Стоит упомянуть проблему архивирования электронных данных. В научной литературе верно отмечают, что без проработки вопроса архивного хранения невозможно полноценным образом перейти к электронному документообороту¹.

В научной литературе функция по обеспечению безопасности информации раскрывается прежде всего через сочетание криптографической защиты, аутентификации, контроля целостности и организационных мер. Так, Н.В. Келдыш пишет, что криптоалгоритмы делятся на хэширование, симметричное шифрование, асимметричное шифрование и электронную подпись, при этом хэширование применяется для подтверждения целостности данных, а симметричное шифрование подходит для предотвращения несанкционированного доступа к информации, в том числе при архивном шифровании файлов и дисков².

По своей сути можно выделить четыре основных блока, составляющих содержание функции обеспечения безопасности цифровых данных:

- конфиденциальность – обеспечивается путем шифрования и ограничением доступа к информации;
- целостность – обеспечивается хэшированием, электронной подписью и т.д.;
- аутентичность источника – обеспечивается подтверждением личности отправителя с помощью установленных средств электронной идентификации и электронной подписи;
- доступность и сохранность – обеспечиваются резервным копированием и сценариями восстановления.

¹ Юмашева Ю.Ю. Архивы электронных документов: проблемы и возможные решения // Власть. 2015. №. 3. С. 62.

² Келдыш Н.В. Системная защита информации компьютерных сетей: Учебное пособие. М.: Мир науки, 2022. С. 33.

Функция обеспечения безопасности информации цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях носит комплексный характер и включает два взаимосвязанных аспекта: во-первых, обеспечение подлинности и неизменности процессуальных данных (целостности и аутентичности), во-вторых, обеспечение конфиденциальности и правомерности доступа, поскольку материалы дел могут содержать персональные данные и сведения ограниченного доступа.

В КоАП РФ электронная форма процессуального документа связана с необходимостью идентификации лица, которое его направило, и подтверждением подлинности и неизменности содержимого.

Общие требования к защите информации, используемой в электронном документообороте, вытекают из Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который ориентирует защиту информации на предотвращение неправомерного доступа и модификации данных. Применительно же к обработке персональных данных действует обязанность оператора принимать необходимые правовые, организационные и технические меры их защиты в силу Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

В результате информационная безопасность в производстве по делам об административных правонарушениях должна обеспечивать не декларативную «защищённость» информационной системы, а возможность процессуальной проверки того, что электронный документ и иные цифровые материалы не изменялись и не подменялись. Для этого необходимо, чтобы на этапах формирования, хранения и передачи материалов дела сохранялись сведения, позволяющие установить, кто и когда совершал действия с документом, и подтвердить его целостность и неизменность, в том числе за счёт журналирования операций, сохранения метаданных и применения технических средств контроля целостности.

Для обеспечения информационной безопасности в рамках производства по делам об административных правонарушениях может быть использована

квантовая криптография. Так, в ранее упомянутой Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «квантовые технологии» отмечается, что главное преимущество данных технологий – это защищенность информации, гарантированная законами физики.

Таким образом, цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях характеризуются дифференцированным правовым значением в зависимости от формы привлечения к административной ответственности: в судебном порядке они ориентированы на обеспечение прозрачности и реализацию процессуальных гарантий, тогда как во внесудебном – на автоматизацию процедур и повышение оперативности информационного взаимодействия.

Значение цифровых технологий для производства по делам об административных правонарушениях демонстрируется также через совокупность ролей: институциональной, коммуникационной, гарантийной, интеграционной и модернизирующей.

Институциональная роль заключается в том, что результаты цифровизации – это не хаотичный набор технических инструментов, а новая система полноценных правовых институтов в административно-деликтном праве со своим собственным набором правовых норм.

Коммуникационная роль цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях проявляется в обеспечении эффективного взаимодействия между участниками.

Гарантийная формирует доверие к результатам процесса; интеграционная объединяет разрозненные ведомственные структуры в единое информационное пространство.

Интеграционная роль цифровизации в производстве по делам об административных правонарушениях проявляется в создании единого информационного пространства, которое обеспечивает связь между судами, правоохранительными органами и административными структурами.

Модернизирующая роль цифровых технологий проявляется в осуществлении перестройки самой модели производства по делам об административных правонарушениях.

Анализ указанных ролей позволяет сделать вывод, что цифровые технологии являются фундаментальным фактором трансформации всей системы производства по делам об административных правонарушениях. Однако конкретное содержание такой трансформации проявляется в функциях цифровых технологий.

Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях выполняют следующие функции: функции передачи данных, обработки информации, хранения данных и обеспечения безопасности информации.

В совокупности перечисленные функции показывают, что цифровизация влияет не только на скорость в производстве по делам об административных правонарушениях, но и на стандарты доказывания и процессуальные гарантии: чем выше роль передачи, обработки и хранения цифровых данных, тем более значимыми становятся требования к их защите и проверяемости для обеспечения законности и доверия к результатам административной юрисдикции.

Функция передачи данных заключается в электронных каналах процессуальной коммуникации между участниками и субъектами административной юрисдикции. Использование таких каналов ускоряет обмен документами и обеспечивает фиксируемость совершённых действий за счёт электронного следа.

Функция обработки информации выражается в преобразовании поступающих цифровых данных в юридически значимые сведения через извлечение, сопоставление, сортировку и представление.

Функция хранения данных при применении цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях обеспечивает сохранность и воспроизводимость материалов. Вследствие реализации данной

функции возможно проверить и предоставить соответствующие данные, в том числе обеспечить перевод цифровой информации на бумажный носитель.

Функция обеспечения безопасности информации направлена на гарантию неизменности и целостности информации в рамках производства по делам об административных правонарушениях. В частности, это может быть реализовано посредством применения квантовой криптографии.

Таким образом, совокупность обозначенных функций свидетельствует о том, что цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях выступают не только инструментом повышения эффективности и оперативности правоприменительной деятельности, но и самостоятельным фактором трансформации процессуальной формы. Их применение обуславливает необходимость формирования новых требований к достоверности, проверяемости и защищенности цифровых данных, а также адаптации традиционных процессуальных гарантий к условиям цифровой среды. В конечном итоге это приводит к качественному изменению модели административно-юрисдикционного процесса, в котором цифровые технологии становятся не вспомогательным, а системообразующим элементом, определяющим как содержание, так и механизмы реализации административной ответственности.

§ 2. Применение цифровых технологий на различных стадиях производства по делам об административных правонарушениях

Необходимо признать, что в настоящее время цифровизация проникает во все этапы производства по делам об административных правонарушениях.

Е.В. Ширеева пишет, что «стадия производства по делам об административных правонарушениях – это относительно самостоятельная

часть производства, состоящая из совокупности последовательно совершаемых процессуальных действий»¹.

Е.В. Ширеева выделяет следующие стадии: 1) возбуждение дела; 2) административное расследование; 3) подготовка к рассмотрению дела; 4) рассмотрение дела по существу; 5) рассмотрение жалобы или протеста на не вступившее в законную силу решение по существу дела; 6) рассмотрение жалобы или протеста на вступившее в законную силу решение по существу дела; 7) исполнение решения по делу.

То есть цифровая трансформация не ограничивается техническим внедрением электронных сервисов подачи документов, а предполагает качественное переосмысление архитектуры всего процесса, включая механизмы доказывания, организацию взаимодействия между участниками и системы контроля за законностью принимаемых решений. Как справедливо отмечается в современной юридической литературе, электронные доказательства и цифровые сервисы меняют не только форму процессуальной деятельности, но и ее содержание, требуя разработки новых дефиниций и гарантий, сопоставимых с традиционными институтами административного права².

Стадия возбуждения дела об административном правонарушении представляет собой начальный этап производства, регулируемый статьями 28.1-28.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Эта стадия включает выявление правонарушения, сбор первичных материалов, составление протокола и принятие решения о возбуждении дела. В условиях цифровизации данная стадия претерпела существенные изменения, связанные с внедрением автоматизированных систем фиксации нарушений и электронных механизмов регистрации протоколов.

¹ Ширеева Е.В. Проблемы правового регулирования и практики реализации стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 50.

² Курашова М.М. Цифровизация административно-процессуальной формы в Российской Федерации: анализ современного состояния // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 2 (68). С. 106.

Если же ранее выявление правонарушений традиционно осуществлялось уполномоченными должностными лицами органов исполнительной власти посредством непосредственного наблюдения, то в современных условиях значительная часть правонарушений, особенно в области дорожного движения, выявляется с использованием так называемых автоматизированных комплексов фиксации нарушений (далее – АКФН), работающих в соответствии с Постановлением Правительства России от 01.06.2024 № 754 «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации» (далее – Постановление Правительства РФ № 754)¹.

Постановление Правительства РФ № 754 влияет на цифровизацию тем, что происходит регламентация организационных условий применения АКФН, а значит, регламентируются условия получения сведений, которые затем используются как основание для возбуждения производства по делам об административных правонарушениях и вынесения по нему постановления. В таких случаях в ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ предусматривается особая процедура оформления: по таким делам выносится постановление без составления протокола об административном правонарушении.

Постановление Правительства РФ № 754 возлагает на владельца автомобильной дороги обязанность вести учет средств фиксации в специальной ведомости (журнале). Причем информация для учета строго определена в п. 3 данного акта. К примеру, к таковому относится указание типа средства фиксации, месторасположение, географические координаты и т.д. Данное положение крайне важно для стадии возбуждения, так как такие сведения позволяют идентифицировать источник полученных данных и подтвердить законность фиксации.

Однако в таком перечне сведений есть определенные недостатки. К примеру, необходимо указывать обоснования, однако нет стандарта такого

¹ Постановлением Правительства России от 01.06.2024 № 754 «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 24. Ст. 3303.

обоснования. В этой связи данное поле будет заполняться шаблонно и без веских оснований. Обоснование размещения должно содержать в себе определенный минимальный набор сведений: статистические данные, акт обследования дороги, виды фиксируемых правонарушений и т.д.

Постановление вводит учет с обязательным полем «обоснование для размещения», но не устанавливает стандарта такого обоснования (что именно считается достаточным: статистика ДТП, параметры потока, жалобы, предписания надзора, проектные решения и т.п.). Это порождает риск «бумажного» обоснования, не обеспечивающего проверяемости на стадии обжалования постановления по делу.

Постановление Правительства РФ № 754 закрепляет нормативно ограниченный перечень оснований и условий размещения АКФН и таким образом четко очерчивает юридические рамки допустимости получения материалов, которые затем используются для возбуждения производства по делам об административных правонарушениях. Так, в п. 4 исследуемого акта перечисляется, где разрешено размещение АКФН, к примеру, таковым является пешеходный переход, перекрёсток и т.д.

В то же время в данном пункте перечень не является исчерпывающим, так как содержится формулировка «в местах, определяемых при осуществлении контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения» – это является существенным недостатком, так как снижается предсказуемость и вырастает произвольное усмотрение контрольного органа.

Б.В. Рудаков на этот счет верно отмечает, что порядок применения специальных технических средств автоматической фиксации административных правонарушений правил дорожного движения вызывает достаточно острую дискуссию и требует особого правового регулирования¹. В этой связи нами предлагается исключить такую дискреционную возможность у контрольного (надзорного) органа.

¹ Рудаков Б.В. Современные специальные технические средства автоматической фиксации административных правонарушений правил дорожного движения и проблемы их применения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №. 1 (32). С. 28.

В п. 5 Постановления Правительства РФ № 754 уточняется требование к зоне контроля («чтобы их зона контроля обеспечивала возможность фиксации нарушений правил дорожного движения в местах»), тогда как в п. 6 исследуемого акта вводится запрет на пересечение контролируемых участков при фиксации одних и тех же видов нарушений. В п. 11 вводятся минимальные расстояния между АКФН, которые фиксируют превышение скорости – 1 км в населённых пунктах и 5 км вне населённых пунктов. Данные положения крайне важны, так как они гарантируют соблюдение принципа недопустимости привлечения лица к ответственности дважды за одно и то же правонарушение. (п. 5 ст. 4.1 КоАП РФ).

В целом вышеприведенные положения также обеспечивают проверяемость законности получения материалов фиксации. В этой связи снижается риск того, что была произведена произвольная фиксация.

Помимо прочего Постановление Правительства № 754 закрепляет механизм публичности применения средств фиксации, что немаловажно для стадии возбуждения: места размещения стационарных и передвижных средств должны быть обозначены в проекте организации дорожного движения, за 150–300 м от места установки стационарных или передвижных средств фиксации устанавливается специальный дорожный знак. Также предусматривается обязательное информирование неопределенного круга лиц о местах размещения АКФН путем публикации сведений на официальном сайте МВД России.

Цифровизация стадии возбуждения производства по делам об административных правонарушениях не ограничивается только автоматическими средствами фиксации правонарушений. Так, во многих случаях производство по делам об административных правонарушениях по-прежнему сопровождается составлением протокола об административном правонарушении, однако и данный элемент переводится в электронную форму. Положения ст. 24.9 КоАП РФ допускают изготовление протокола и других процессуальных документов как на бумажном носителе, так и в электронном

виде, в том числе в форме электронного документа, если у соответствующего органа власти или должностного лица есть такая техническая возможность.

При этом требования к содержанию процессуального документа в электронной форме остаются точно такими же, как и для документа в письменном виде. К примеру, если протокол был составлен в электронном виде, то он должен содержать в себе все те сведения, которые перечислены в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ: дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, и т.д.

Согласно правилам, которые изложены в ч. 2 ст. 24.9 КоАП РФ, изготовленные в электронном виде процессуальные документы, в том числе и протоколы, подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью.

Отдельного внимания заслуживает аспект составления протокола с использованием систем видео-конференц-связи и веб-конференции. Так, согласно ч. 1.1 ст. 28.2 КоАП РФ, если лицо либо его представитель по объективным причинам не могут присутствовать при составлении протокола об административном правонарушении, то присутствие данных лиц может быть обеспечено путем использования видео-конференц-связи либо путем веб-конференции при наличии соответствующей технической возможности. Данный вопрос инициирует либо само лицо, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении, либо должностное лицо, которое ведет соответствующее производство и которое по итогу принимает решение об использовании такой технологии.

В ст. 28.2 КоАП РФ законодатель разграничивает порядок применения видео-конференц-связи и веб-конференции. При видео-конференц-связи должностное лицо связывается со структурным подразделением органа, территориальным органом, в котором будет организована видеоконференцсвязь, лицо, которое осуществляет организацию обязано содействовать видеоконференцсвязи и установить личность всех участников.

Для идентификации лиц при использовании веб-конференции используются информационно-технологические средства.

Протокол при видео-конференц-связи составляется и подписывается в бумажном виде, после чего его копия направляется в орган или подразделение, где была организована видео-конференц-связь, для подписания лицом, которое участвовало дистанционно. Такое лицо также проставляет отметку о получении протокола, затем протокол снова возвращается лицу, которое составило протокол.

Необходимо отметить, что действующая редакция ст. 28.2 КоАП РФ не в полной мере обеспечивает проверяемость соблюдения процессуальных гарантий лиц, в отношении которых протокол составляется дистанционным образом. Дело в том, что в протоколе не отражается достаточно важная информация: способ подключения, идентификация лица, стабильность подключения, время начала и окончания соединения, наличие технических сбоев. Отсутствие данной информации в протоколе может привести к тому, что процедура будет соблюдаться формально и права участников не будут обеспечиваться в действительности.

В то же время законодатель предусматривает, что изготовленные процессуальные документы (в том числе и протоколы) в электронном виде дополнительно подлежат также составлению и на бумажном носителе в случаях, установленных «Кодексом, актами Правительства РФ, Верховного Суда РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ», а также при ходатайстве участника производства по делам об административных правонарушениях.

То есть электронная форма процессуальных документов по КоАП РФ все же не признается как самостоятельная форма, она лишь разрешается законодателем, однако в определенных случаях срабатывает механизм возврата к бумажной форме.

Критике следует также подвергнуть формулировку «при наличии технической возможности». В данном случае отсутствует ясность критериев:

идет ли речь про объективные критерии невозможности или же достаточно субъективных, то есть простого заявления лица «отсутствует техническая возможность» без каких-либо объяснений.

На данную проблему указывает также и А.Ю. Соколов. Автор отмечает следующее: «данное законодательное ограничение следует признать необоснованным и требующим устранения»¹. Стоит согласиться с тем, что пока отсутствует четкое понимание таких критериев, это будет приводить к злоупотреблению со стороны правоприменителя, в связи с чем и у участников производства по делам об административных правонарушениях отсутствует возможность защиты своих прав.

Согласно положениям ст. 28.7 КоАП РФ, административное расследование как стадия производства по делам об административных правонарушениях проводится не по каждому делу, а только при наличии специальных оснований, которые предусмотрены в статье КоАП РФ.

На данной стадии происходит сбор, получение, проверка и закрепление фактических данных. В современных условиях это неизбежно выводит расследование в зону активного применения цифровых технологий, так как значимая часть сведений о событии правонарушения существует в цифровой среде. В данном случае цифровизация проявляется в изменении способов получения и фиксации доказательственной информации.

В то же время на данной стадии цифровые технологии применяются как способ информационного обеспечения административного расследования. Дело в том, что существует реальная необходимость в оперативном обмене информацией между различными органами и организациями. В этой связи цифровизация организует электронное межведомственное взаимодействие, и правовой основой этому служат положения ст. 26.9 и 26.10 КоАП РФ, которые регламентируют поручения, запросы и истребование сведений в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

¹ Соколов А.Ю. Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. №. 1 (150). С. 120.

Стоит отметить положения ст. 14 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые предусматривают создание государственных информационных систем для реализации полномочий органов власти и обеспечения обмена информацией между ними. Более детально систему межведомственного электронного взаимодействия регламентирует Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697¹.

На стадии подготовки к рассмотрению дела цифровизация проявляется в том, что значимая часть подготовительных действий совершается через электронные каналы связи и в электронной форме: участники направляют ходатайства и иные документы в электронной форме, уполномоченное лицо организует извещение и вызов участников с применением электронных средств связи, оформляет и направляет отдельные процессуальные решения в электронном виде, а также заранее решает вопрос о дистанционном участии через видео-конференц-связь или веб-конференцию.

Любое участие в производстве по делам об административных правонарушениях, в том числе и дистанционное, становится возможным лишь при условии, когда информация о времени, месте и способе проведения рассмотрения дела доводится до соответствующего лица². В этой связи стоит также затронуть аспекты цифровизации процессуального извещения. Так, ранее упомянутым Федеральным законом от 07.04.2025 № 59-ФЗ в ст. 25.15 КоАП РФ закреплена возможность извещения участников производства путем отправки СМС-сообщений при наличии согласия лица. Такое изменение представляет собой значимый шаг в цифровизации административно-юрисдикционного процесса, направленный на повышение оперативности и доступности правосудия.

¹ Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 (ред. от 30.10.2025) «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4823.

² Малинский Ю.В. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 29.

В соответствии с ч. 1 ст. 25.15 КоАП РФ в редакции указанного закона извещение может осуществляться заказным письмом с уведомлением о вручении, повесткой с уведомлением о вручении, телеграммой, телефонограммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и вручение извещения адресату, в том числе путем отправки СМС-сообщения или направления извещения по электронной почте (при согласии лица на получение извещений по указанным им номеру мобильного телефона или адресу электронной почты). Это положение расширяет спектр средств связи, включая цифровые, для обеспечения своевременного уведомления участников, что особенно актуально в условиях территориальной удаленности или ограниченной мобильности, и способствует снижению административных издержек на традиционные формы извещения.

Однако применение СМС-извещения сопряжено с рядом проблем, связанных с надежностью доставки и фиксацией получения сообщения.

СМС не гарантирует подтверждение фактического ознакомления адресата с содержанием извещения, поскольку сообщение может быть не прочитано, утеряно или не доставлено из-за технических сбоев в сети оператора связи, что приводит к рискам нарушения принципа надлежащего извещения и возможным обжалованиям постановлений по формальным основаниям. Одним из проблемных аспектов является обеспечение фиксации доставки СМС, поскольку отсутствие подтверждения прочтения может привести к спорам о надлежащем извещении, особенно в случаях, когда участник процесса отрицает получение уведомления.

Так, в Постановлении Верховного Суда РФ от 08.11.2021 № 5-АД21-89-К2 было отмечено, что извещение посредством СМС допустимо только при наличии согласия лица на такой способ уведомления и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату. Поскольку из материалов дела следовало, что согласия на СМС-извещение лицо не давало, Суд признал, что

лицо не было надлежащим образом извещено, а это повлекло нарушение права на защиту и отмену судебных актов¹.

Исходя из анализа Постановления Верховного Суда РФ от 18.01.2021 № 4-АД20-22 следует, что даже само по себе наличие согласия на СМС еще не снимает проблему доказанности реального и надлежащего извещения, если процедура уведомления в целом не подтверждена надлежащими данными².

Также для применения данного вида извещения необходимо согласие самого лица, однако далеко не все участники процесса могут обладать мобильными устройствами. Более того, цифровая грамотность может также создавать трудности для повсеместного применения СМС-извещения.

Представляется, что будет правильно предусмотреть в ст. 25.15 КоАП РФ обязательное подтверждение получения СМС-извещения посредством отправки ответного СМС с кодом подтверждения. Данное обстоятельство и послужит доказательством того, что лицо было надлежащим образом извещено. В том же случае, если лицо в течение 24 часов не отправило подтверждение, то необходимо перейти на традиционную форму извещения (заказное письмо).

Стадия рассмотрения дела об административном правонарушении – это следующая стадия в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Свою правовую регламентацию она находит в главе 29 КоАП РФ. На данной стадии орган, рассматривающий дело об административном правонарушении, исследует доказательства, заслушивает объяснения лиц, участвующих в деле, и выносит постановление по делу. Цифровизация на данной стадии больше всего проявляется в создании дистанционных форм участия в производстве, и к таковым относят использование видео-конференц-связи (ВКС) и веб-конференций.

Внедрение системы видео-конференц-связи в административно-юрисдикционную деятельность является значимым этапом цифровизации,

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2021 № 5-АД21-89-К2 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-5-ad21-89-k2> (дата обращения: 01.05.2025).

² Постановления Верховного Суда РФ 18.01.2021 № 4-АД20-22 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012021-n-4-ad20-22> (дата обращения: 01.05.2025).

направленным на повышение доступности, оперативности и эффективности рассмотрения дел. Эта технология позволяет проводить дистанционные заседания, опросы свидетелей и иные процессуальные действия, минимизируя затраты на транспортировку участников и обеспечивая соблюдение принципов гласности и состязательности в условиях территориальной удаленности или внешних ограничений.

Анализ статистических данных за 2024 г. Судебного департамента при ВС РФ¹ (раздел 10) об использовании видеоконференц-связи при рассмотрении дел об административных правонарушениях и иных материалов в порядке производства по КоАП РФ (Приложение № 3) позволяет сделать выводы.

ВКС по делам об административных правонарушениях в основном используется на первой инстанции – 47 982 дела. Тогда как на пересмотрах показатели заметно меньше: в ходе первого пересмотра было 1 578 дел, тогда как в ходе второго – 419 дел. Данные положения позволяют сделать вывод, что ВКС в рамках дел об административных правонарушениях является инструментом «массового» рассмотрения и реже выступает как инструмент обжалования.

По большинству дел ВКС проводится примерно один раз за все дело: $48\,298 \text{ дней} / 47\,892 \text{ дела} = 1,008$. Однако в ходе пересмотра количество дней заседаний с использованием ВКС больше. Так, в рамках первого пересмотра среднее количество дней с использованием ВКС составляет $\approx 1,14$, тогда как в рамках второго $\approx 1,09$.

Анализ статистических данных также свидетельствует о том, что ВКС было использовано больше, чем «назначено», хоть разница и небольшая. То есть это говорит о том, что в определенных случаях ВКС проводится по факту.

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2025 г.² видеоконференцсвязь при рассмотрении

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2024 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 01.02.2026).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за первое полугодие 2025 г. // Веб-сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291> (дата обращения: 01.02.2026).

дел об административных правонарушениях применялась следующим образом: в судах первой инстанции с использованием ВКС рассмотрено 19 538 дел, при пересмотре судебных постановлений – 872 дела.

В то же время статистические данные являются неполными, и в качестве недостатков можно отметить следующее:

- отсутствует информация о количестве ходатайств о проведении ВКС и количестве отказов в их проведении;
- отсутствует детализация участников ВКС (правонарушитель, защитник, свидетель и т.д.);
- отсутствует информация о сбоях – сколько раз ВКС сорвалось из-за сбоев, сколько раз переносилось рассмотрение дела и т.д.;
- нет разбивки по категориям дел, по регионам.

Включение вышеприведенной информации в статистические данные позволило бы сформировать более полную и достоверную картину применения ВКС в производстве по делам об административных правонарушениях.

Статистические данные о рассмотрении дел об административных правонарушениях органом, должностным лицом путем использования систем видео-конференц-связи отсутствуют, однако в средствах массовой информации периодически публикуются отдельные сведения. Так, на веб-сайте «МВД Медиа» сообщается, что за 2021 год посредством ВКС были рассмотрены материалы в отношении более 4 000 человек¹.

В 2025 г. на веб-сайте Ространснадзора можно обнаружить новость, что территориальный орган по Красноярскому краю инициировал рассмотрение дела об административном правонарушении в отношении должностного лица юридического лица посредством использования ВКС².

В связи с отсутствием официальной статистики по делам об административных правонарушениях, рассмотренным органами и

¹ Потенциал для роста есть [Электронный ресурс] // URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/sluzhba/potentsial-dlya-rosta-est/> (дата обращения: 02.05.2025).

² Веб-сайт Ространснадзора [Электронный ресурс] // URL: <https://rostransnazor.gov.ru/rostransnazor/podrazdeleniya/mtusfo/news/19821> (дата обращения: 02.05.2025).

должностными лицами с использованием систем видеоконференцсвязи, представляется целесообразным вести отдельный статистический учет таких дел. Наличие соответствующих статистических данных позволит более объективно оценивать эффективность внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях, анализировать динамику использования дистанционных форм взаимодействия участников процесса, а также выявлять проблемы правоприменительной практики и совершенствовать нормативное регулирование в данной сфере.

Так, в настоящее время нормы о рассмотрении дела об административном правонарушении судьей посредством ВКС закреплены в ч. 1 ст. 29.14 КоАП РФ, которая устанавливает: в случае, если судьей признано обязательным присутствие в судебном заседании участника производства по делу об административном правонарушении, который по объективным причинам не имеет такой возможности, судья разрешает вопрос об участии указанного лица в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности.

Появление специальной нормы о ВКС в КоАП РФ представляет собой важный шаг, но ее формулировка порождает проблемы, связанные с неопределенностью критериев обязательного участия и технической доступности, что снижает эффективность применения технологии в административных производствах¹.

Так, С.И. Афанасьев верно отмечает, что законодатель не определил круг лиц, которые вправе участвовать в заседании дистанционно². Другим недостатком является то, что в ч. 1 ст. 29.14 КоАП РФ не определены сроки подачи и рассмотрения ходатайства об участии в судебном заседании посредством ВКС. В итоге такая неопределенность может привести к

¹ Шафоростова К.И. Проблема закрепления в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях норм об участии в судебном заседании посредством видеоконференц-связи // Концепт. 2019. № 11. С. 12.

² Афанасьева С.И. О необходимости гармонизации правового регулирования применения видео-конференц-связи и веб-конференции в различных формах судопроизводства // Ex iure. 2023. № 4. С. 17.

затягиванию процесса и неэффективному использованию цифровых инструментов.

В этой связи предлагается закрепить, что ходатайство об участии в заседании по ВКС подаётся заблаговременно, а судья разрешает его в течение 3 рабочих дней, если же речь идет про срочные производства, то в течение четырех часов. Полагается, что аналогичные сроки можно закрепить и для веб-конференции в ст. 29.16 КоАП РФ. То есть важно подать соответствующее ходатайство именно до момента рассмотрения дела – такой подход базируется на положениях п. 8.1.2. Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100¹.

Практика применения ВКС, в том числе опыт субъектов Российской Федерации, подтверждает востребованность и эффективность данной технологии, однако её дальнейшее развитие возможно только при устранении нормативной неопределённости. В этой связи представляется целесообразным уточнение положений ст. 29.14 КоАП РФ, включая регламентацию сроков подачи и рассмотрения ходатайства, а также установление специальных процедур для срочных производств. Предлагаемые изменения способствуют обеспечению баланса между оперативностью и соблюдением процессуальных прав участников, что соответствует целям цифровой трансформации правосудия и общим тенденциям развития юридической деятельности в условиях цифровизации.

В 2025 г. в КоАП РФ были внесены изменения, направленные на цифровизацию производства по делам об административных правонарушениях, в рамках которых получила нормативное закрепление возможность участия в рассмотрении дела с использованием систем видео-конференц-связи в том числе и во внесудебном порядке. В результате была введена ст. 29.15 КоАП РФ (Приложение № 6).

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159645/ (дата обращения: 27.04.2026).

В пояснительной записке к правительственному законопроекту¹ были указаны следующие мотивы данных изменений: соответствие современным тенденциям развития процессуального законодательства РФ, повышение оперативности производства по таким делам, обеспечение гарантий доступности правосудия, а также сокращение процессуальных издержек.

В этой связи положения ст. 29.15 КоАП РФ позволили перенести дистанционный формат в сферу, где сосредоточена огромная доля «массовых» дел.

Однако стоит отметить следующее. Суды используют ВКС уже много лет, а потому у них есть специальные залы для проведения ВКС, соответствующее оборудование, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ утвержден регламент организации применения данной технологии², в целом взаимодействие между судами по данным вопросам уже отлажено.

Анализ положений ст. 29.15 КоАП РФ свидетельствует о том, что сама процессуальная рамка остается точно такой же, как и по содержанию ст. 29.14 КоАП РФ, однако меняется материальная база исполнения ВКС, так как в данном случае проведение ВКС осуществляется не в рамках единой судебной инфраструктуры, а разнообразными органами, и технические возможности у всех могут быть разные, более того, нет единого регламента по организации применения данной технологии. Все это затрудняет применение ВКС на внесудебном уровне. В этой связи первое, что необходимо сделать – это разработать единый регламент, которым будут руководствоваться органы и должностные лица при проведении ВКС, а также обеспечить надлежащее материально-техническое оснащение соответствующих органов.

В ходе настоящего исследования отметить также и положения п. 5.1 ст. 28.2 КоАП РФ, где отмечается, что при рассмотрении дела посредством

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3RbF94> (дата обращения: 02.02.2026).

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374166/2b0ba7755ccd285c7ca8ad469e5134a2d470a877/ (дата обращения: 02.02.2026).

системы видео-конференц-связи составляется протокол на бумажном носителе, после чего его копия направляется в орган, который и организовал видеоконференцсвязь.

Вышеизложенные положения в определенной степени противоречат общей логике цифровизации процесса. Законодатель вводит дистанционную форму участия в производстве, однако ключевой процессуальный результат в виде протокола все так же оформляется в бумажном виде.

В этой связи И.И. Литвин верно подмечает, что составление бумажного протокола при проведении ВКС нивелирует положительный эффект дистанционных форм участия в производстве по делам об административных правонарушениях¹. Оперативность дистанционного процесса снижается, так как необходимо ждать, пока бумажный протокол будет получен. Более того, стоит акцентировать внимание на том, что речь идет именно о дублировании бумажного документа (направляется не сам протокол, а его копия). Вполне логично было бы составлять такой протокол в электронном виде и отражать его в электронной базе.

Продолжая рассматривать тенденцию расширения дистанционных форм взаимодействия в административно-юрисдикционной деятельности, следует отметить и другую важную технологию – веб-конференцию.

Веб-конференция как форма дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях представляет собой перспективный инструмент цифровизации, позволяющий обеспечивать связь между участниками процесса без необходимости физического присутствия в учреждении. При применении данной технологии происходит индивидуальное подключение лица с использованием личных технических устройств.

Однако в случае применения веб-конференции существует сильная зависимость качества дистанционного участия от технической возможности самого участника производства. Дело в том, что у такого лица может быть

¹ Литвин И.И. Закон об электронном документообороте и дистанционном участии в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. №. 2 (46). С. 65.

слабое техническое оборудование, которое влияет на качество изображения, а также нестабильное соединение с интернетом. В самой ст. 29.16 КоАП РФ не регламентируются аспекты низкого качества изображения и нестабильного соединения, а также полного прерывания информации, тогда как данные обстоятельства могут повлиять на возможность идентификации лица или проведения дистанционного производства. Также отсутствуют ответы на следующие вопросы: может ли лицо снова подключиться к веб-конференции, если связь была потеряна, и в течение какого времени судья или должностное лицо должны ожидать повторного подключения? При каких обстоятельствах у судьи или должностного лица возникает право перенести рассмотрение дела?

Представляется верным более детально урегулировать проведение веб-конференции, отразив ответы на вышеприведенные вопросы в специальном подзаконном акте. К примеру, можно закрепить, что при прерывании связи судья или должностное лицо могут объявить технический перерыв и предоставить лицу время для того, чтобы наладить связь. В том случае, если это невозможно, или в случае повторения сбоев рассмотрение дела подлежит отложению. При повторном возникновении технических сбоев необходимо предусмотреть возможность изменения дистанционной формы участия на видео-конференц-связь.

Таким образом, веб-конференция усиливает эффективность производства по делам об административных правонарушениях, но требует доработки законодательства для устранения рисков цифрового неравенства и обеспечения технической базы.

Ранее отмечалось, что официальная статистика по рассмотрению дел об административных правонарушениях с использованием систем видеоконференц-связи органами и должностными лицами в настоящее время не ведется. В связи с этим также представляется целесообразным вести статистический учет использования технологий веб-конференции при рассмотрении таких дел. Поскольку веб-конференция является относительно новой технологией дистанционного взаимодействия в производстве по делам

об административных правонарушениях, наличие соответствующих статистических данных позволит оценить эффективность ее внедрения, определить масштабы практического применения, а также выявить возможные проблемы правоприменительной практики и направления дальнейшего совершенствования нормативного регулирования.

Выявленные технические и процедурные проблемы демонстрируют, что действующее регулирование веб-конференций в КоАП РФ недостаточно для обеспечения полноценной реализации процессуальных прав участников. Отсутствие чётких сроков подачи и рассмотрения ходатайств, неопределённость в вопросе технической доступности, а также риски цифрового неравенства создают препятствия для эффективного использования данной технологии в административно-юрисдикционном процессе.

Анализ дистанционных форм участия также позволил выявить запрет на их проведение при закрытом рассмотрении дела. Для видео-конференц-связи данный запрет установлен в ч. 6 ст. 29.14 и ч. 6 ст. 29.15 КоАП РФ, тогда как для веб-конференции в ч. 3 ст. 29.16 КоАП РФ.

Такой запрет обусловлен стремлением законодателя обеспечить конфиденциальность сведений, рассматриваемых в закрытом заседании, и исключить риск их несанкционированного распространения. Дистанционные формы участия не дают гарантию того, что канал связи будет надежно защищен, именно поэтому такой запрет в законодательстве вполне оправдан.

Заслуживает внимания позиция И.И. Литвина, который высказывается за разработку и внедрение плана оснащения органов государственной власти для того, чтобы поэтапно устранить существующую «оговорку» о технической возможности¹.

В этой связи представляется целесообразным установить переходный период, в течение которого суды и органы власти, рассматривающие дела об административных правонарушениях, должны соответствовать необходимому

¹ Литвин И.И. Закон об электронном документообороте и дистанционном участии в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 2. С. 63.

минимальному стандарту для применения цифровых технологий. Такой стандарт должен включать в себя предоставление необходимого оборудования, обеспечение защищенных каналов связи, организация технической поддержки и т.д. Следовательно, как только суд или орган власти достиг необходимого минимального стандарта, то он не может ссылаться на отсутствие технической возможности для применения цифровых технологий. Техническая оговорка будет присутствовать только в случае технического сбоя или же аварий.

Стоит признать, что необходимо и дальше расширять применение дистанционных форм участия в производстве по делам об административных правонарушениях. Т.П. Пестова по этому поводу пишет, что дистанционные формы участия направлены на повышение прозрачности, оперативности и доступности процесса¹.

Дистанционные формы участия в производстве по делам об административных правонарушениях меняют саму модель коммуникации между участниками. На данный момент суд, органы и должностные лица имеют инструменты, позволяющие рассматривать дела при территориальной удаленности участников производства и при иных объективных причинах.

Эффективность использования ВКС и веб-конференций зависит не только от технических средств, но и от нормативного регулирования данных технологий. В этой связи были выявлены и проанализированы основные проблемные аспекты в данной сфере. К числу таковых относится следующее: отсутствие чётко закреплённых сроков подачи и рассмотрения ходатайств о рассмотрении дела посредством ВКС или веб-конференции; неопределенность круга участников, которые могут подключаться дистанционным образом; наличие рисков неоднородной практики в силу того, что разные органы имеют разную техническую оснащенность; проблема с соотношением профессиональных стандартов этики.

¹ Пестова Т.П. Дистанционное (удаленное) участие в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 3 (105). С. 94.

Вышеизложенные обстоятельства указывают на то, что, с одной стороны, цифровые технологии являются достаточно перспективными, а с другой стороны, они порождают новые зоны неопределенности и требуют внесения изменений в правовое регулирование. В этой связи дальнейшее развитие правового регулирования цифровых технологий должно базироваться на принципе нормативной определенности и институциональной унификации соответствующих положений.

В рамках стадии рассмотрения дела стоит также отметить и возможность подачи процессуальных документов в электронной форме, что было введено положениями Федерального закона от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

Так, положения ч. 2 ст. 24.8 КоАП РФ позволяют направлять заявления, ходатайства и иные процессуальные документы в электронном виде в суд посредством следующих инструментов:

- портал «Госуслуги»;
- ГАС «Правосудие»;
- межведомственное электронное взаимодействие.

При направлении процессуальных документов в орган или должностному лицу используются следующие инструменты:

- портал «Госуслуги»;
- личный кабинет юрлица, ИП на официальном сайте органа власти или Банка России;
- межведомственное электронное взаимодействие.

В том случае, если электронный документ подается через портал «Госуслуги» или ГАС «Правосудие», то он подписывается простой электронной подписью, если КоАП РФ не предусматривает для него обязательное использование усиленной квалифицированной электронной подписи. Если же такие документы подаются через систему электронного документооборота участников производства по делам об административных

правонарушениях, то они должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью.

То есть в ст. 24.8 КоАП РФ способы по отправке процессуальных документов в электронном виде строго определены, а потому недопустимо осуществлять их подмену. На данную проблему особо обращает внимание Е.В. Евсикова, подчеркивая запрет на «подмену» электронного документа скан-копией, отправленной письмом¹.

Однако следует отметить, что до настоящего времени на сайте <https://ej.sudrf.ru/appeal/> отсутствует возможность подачи любых заявлений, ходатайств, жалоб, протестов и иных документов в производствах по делам об административных правонарушениях. Как и ранее, имеется только техническая возможность подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении в случае фиксации этого административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Таким образом, суды, а тем более иные государственные органы оказались технически не готовы к нововведениям. Особое внимание в контексте цифровизации административно-юрисдикционной деятельности заслуживает хакерская атака на ГАС «Правосудие» в октябре 2024 г., которая привела к масштабному сбою и потере данных. Атака, совершенная проукраинской группировкой ВО Team 07 октября 2024 года, вызвала отключение сайтов судов общей юрисдикции, почтовых сервисов и архивов, в результате чего была уничтожена треть базы данных (89 млн дел). Сбой длился более месяца, парализовав электронный документооборот. Эти инциденты подчеркивают риски цифровизации и требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования.

¹ Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. №. 2. С. 130.

Стадии обжалования и пересмотра постановления (решения) по делу об административном правонарушении, как не вступившего, так и вступившего в законную силу, целесообразно рассматривать в рамках единого блока стадии пересмотра, поскольку их объединяет общая цель процессуального контроля, проверка законности и обоснованности принятого решения. Нормативно данные процедуры регламентируются положениями главы 30 КоАП РФ и предполагают обращение в вышестоящий орган либо в суд. Цифровизация данных стадий выразилась в развитии электронных механизмов подачи жалоб и протестов через государственные порталы и ведомственные сервисы.

До 01 июня 2025 г. в главе 30 КоАП РФ существовали «точечные» цифровые нормы, которые были привязаны исключительно к административным правонарушениям, зафиксированным АКФН, то есть к так называемым «камерным» административным штрафам. Именно такие штрафы можно было обжаловать в рамках ранее действовавшей ч. 3.1. ст. 30.2 КоАП РФ, и эта возможность в научной среде оценивалась крайне положительно¹.

Однако ранее упомянутый Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ отменил данную норму. Сделано это было для того, чтобы исключить разрозненные «цифровые нормы» и предусмотреть общую архитектуру подачи всех процессуальных документов по всем делам посредством электронной формы в рамках положений ст. 24.8 КоАП РФ.

Так, в настоящее время жалоба, протест, как и иные процессуальные документы, могут быть поданы в электронном виде на основании положений ст. 24.8 КоАП РФ. То есть новая ст. 24.8 КоАП РФ исключает привязку подачи электронной жалобы исключительно к «камерным» постановлениям и переводит этот процесс в более общий режим, что, разумеется, является положительным решением.

Предыдущая редакция ст. 30.2 КоАП РФ по своей сути порождала неравенство процедурных возможностей, так как способ фиксации

¹ Лифанов Д.М. Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме: вопросы теории и правоприменительной практики // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. №. 3. С. 25.

правонарушения влияет на возможность подачи электронной жалобы. Иными словами, присутствовала «цифровая дискриминация», что недопустимо в правовом государстве.

В то же время внесенные изменения имеют и свои недостатки. Дело в том, что исключение упоминания о подаче жалобы электронным способом из ст. 30.2 КоАП РФ является неверным действием, так как по своей сути сейчас необходимо «собирать» правовой режим подачи жалоб в электронном виде. В этой связи рекомендуется в ст. 30.2 КоАП РФ отразить упоминание, что жалоба может быть подана в электронном виде и данные аспекты более подробно регламентируются ст. 24.8 КоАП РФ.

Развитие электронных механизмов подачи жалоб создало технические возможности для расширения доступа граждан к обжалованию, однако их практическое применение остается неравномерным по регионам. Необходимо разработать единые стандарты электронного документооборота при рассмотрении жалоб, а также обеспечить надлежащую защиту информации, передаваемой через электронные каналы.

Стадия исполнения постановления об административном правонарушении регулируется главой 32 КоАП РФ. Анализ данной главы свидетельствует о том, что цифровизация проявляется «точечно». В качестве примера можно привести положения ст. 32.2 КоАП РФ, где исполнение наказания в виде административного штрафа опирается на Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах, а также на электронный документооборот между органом, вынесшим постановление, и Службой судебных приставов (далее – ФССП).

Положения ч. 5 ст. 32.2 КоАП РФ непосредственно связывают наступление правовых последствий не только с «бумажным подтверждением» (при отсутствии документа, свидетельствующего об уплате административного штрафа), но и с «цифровым». Также допускается изготовление «второго экземпляра» постановления в форме электронного документа и его отправка в ФССП.

Применение цифровых инструментов на стадии исполнения постановления существенно повысило эффективность взыскания административных штрафов и расширило информированность должников. Однако полная реализация потенциала цифровизации требует дальнейшей интеграции различных государственных информационных систем и разработки единых стандартов электронного обмена данными между органами¹.

Следующие положения цифровизации главы 32 КоАП РФ связаны с «реестровой» моделью исполнения некоторых наказаний, к числу которых относятся дисквалификация и запрет на посещение спортивных соревнований. Стоит отметить, что исполнение данных видов наказаний в целом невозможно без наличия реестра и данный реестр существует в цифровом виде.

Так, в ч. 2 ст. 32.11 КоАП РФ установлено, что лицо, заключающее договор с другим лицом, обязано запросить информацию о наличии наказания в виде дисквалификации такого лица у органа, который ведет соответствующий реестр.

В отношении наказания в виде запрета на посещение спортивных мероприятий (ст. 32.14 КоАП РФ) законодатель выбрал термин не «реестр», а «список лиц...», однако суть одна и та же.

В то же время стоит отметить, что цифровые аспекты процедуры исполнения «реестровых» наказаний урегулированы не в полной степени, что отмечается многими исследователями, например, Е.Е. Гурьевой и З.И. Лагуновой².

В ходе исполнения вышеприведенных наказаний существует один общий риск: любая ошибка, задержка в обновлении информации могут привести к негативным последствиям. Р.З. Рувинский не ограничивается правовыми

¹ Сафоненков П.Н. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Российской таможенной академии. 2023. №. 4 (65). С. 168.

² Гурьева Е.Е., Лагунова З.И. Неправомерное поведение болельщиков на спортивных мероприятиях // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник научных статей по материалам XX международной научно-практической конференции (Киров, 19–23 апреля 2021) Вып. 20. Т. 2 / Московский финансово-юридический университет МФЮА, Кировский филиал. Киров: МФЮА, 2021. С. 40.

последствиями и указывает также на репутационные риски, с чем полностью можно согласиться¹.

Соответственно, в настоящее время в законодательстве отсутствует урегулированная процедура включения данных в реестр, их обновление, оспаривание на случай наличия ошибок и сбоев. Не урегулированы также вопросы уведомления лица о его включении в реестр или исключения из него, а также способы такого уведомления. В этой связи цифровизация ставит человека в крайне уязвимое положение, а потому данные положения нуждаются в более детальной проработке.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровизация стадии возбуждения дела об административном правонарушении обладает двойственным характером: с одной стороны, она способствует повышению объективности, оперативности и формализации процесса за счёт автоматической фиксации правонарушений и использования электронных документов, с другой – актуализирует необходимость правового обеспечения достоверности получаемых данных, установления источника их происхождения и соблюдения процессуальных гарантий участников производства. В этой связи дальнейшее развитие цифровых технологий на данной стадии требует совершенствования нормативного регулирования, направленного на баланс эффективности правоприменения и защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к административной ответственности.

При рассмотрении стадии административного расследования было отмечено, что цифровизация расширяет доказательственные возможности. Помимо прочего на данной стадии цифровые технологии применяются как способ информационного обеспечения административного расследования.

Цифровизация на стадии подготовки к рассмотрению дела выражается в возможности подачи ходатайств электронным образом, а также в цифровых способах извещения участников производства. В исследовании была

¹ Рувинский Р.З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление: монография. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2022. С. 187.

подчеркнута проблема доказуемости надлежащего уведомления при использовании СМС-извещения, а потому был предложен механизм по устранению таких проблем.

Цифровизация на стадии рассмотрения дела по существу проявляется через ВКС и веб-конференции, а также электронный документооборот. Данные цифровые технологии существенно повышают оперативность и снижают издержки, связанные с производством, однако наличие оговорки о «технической возможности» явно ограничивает их применение. В этой связи в исследовании был предложен механизм по поэтапному преодолению данной оговорки через разработку минимального стандарта, при достижении которого суд или орган власти не может ссылаться на оговорку.

Цифровизация на стадии пересмотра решений, как не вступивших, так и вступивших в законную силу, проявляется в расширении возможностей подачи жалоб и иных документов посредством электронных способов. Это в целом выравнивает процессуальные возможности, однако эффективность зависит от доступности сервисов, единых стандартов электронного документооборота и устойчивости информационных систем.

На стадии исполнения постановления цифровые технологии наиболее заметно повышают эффективность, поскольку электронные сведения об уплате административного штрафа и межведомственный обмен данными становятся юридически значимыми фактами, запускающими последующие действия. Одновременно цифровая модель исполнения отдельных наказаний через реестры выявляет уязвимости, связанные с ошибками, несвоевременным обновлением данных и отсутствием детальных процедур исправления и уведомления лица, что требует более четкой регламентации жизненного цикла реестровой информации.

Таким образом, проведенный анализ цифровизации всех стадий производства по делам об административных правонарушениях позволяет сделать вывод о её комплексном и системном характере воздействия на административно-юрисдикционный процесс. Цифровые технологии

последовательно трансформируют каждую стадию, повышая оперативность, расширяя доказательственные возможности и обеспечивая новые формы процессуального взаимодействия, однако одновременно порождают ряд правовых и организационных проблем, связанных с обеспечением достоверности данных, соблюдением процессуальных гарантий и устойчивостью информационных систем. В этой связи дальнейшее развитие цифровизации требует не фрагментарного, а комплексного подхода к совершенствованию нормативного регулирования, направленного на формирование единых стандартов использования цифровых технологий, устранение выявленных пробелов и обеспечение баланса между эффективностью правоприменения и защитой прав участников производства.

§ 3. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях

Следует признать, что современное развитие информационного общества существенным образом трансформирует подходы к собиранию, исследованию и оценке доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Цифровизация процесса доказывания представляет собой многоаспектное явление, требующее переосмысления традиционных концепций доказательственного права и разработки новых методологических подходов к верификации электронной информации.

При этом необходимо разграничивать доказательство как носитель юридически значимой информации и доказывание как процессуальную деятельность по получению, исследованию и оценке такой информации. На взаимосвязь понятий доказательств и доказывания во внесудебном и судебном административном процессе обращает внимание Т.В. Федорова. Такое разграничение приобретает особое значение применительно к цифровым

данным: нормативное признание определенного цифрового объекта доказательством само по себе еще не разрешает вопросы порядка его получения, приобщения, исследования, проверки и оценки¹.

В настоящее время КоАП РФ предусматривает инфраструктуру, которая позволяет участникам производства направлять процессуальные документы в электронном виде. Следовательно, электронные доказательства также могут быть отправлены в суд или орган власти в рамках положений ст. 24.8 КоАП РФ.

В данном случае цифровизация затрагивает не только аспекты понимания доказательств, но и на саму возможность предоставления таких доказательств в соответствующей форме. Как было верно отмечено П.С. Пастуховым, в настоящем информационном обществе письменный документ становится анахронизмом².

Так, согласно ст. 26.2 КоАП РФ доказательствами признаются любые фактические данные, на основе которых органы, рассматривающие дела об административных правонарушениях, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения. Однако данное определение, сформулированное в 2001 г., не в полной мере отражает специфику электронных доказательств, возникших в результате цифровой трансформации.

Особенность электронных доказательств заключается в том, что они существуют исключительно в цифровом формате и не могут быть непосредственно восприняты органами чувств без использования специальных технических средств. Это обстоятельство предопределяет необходимость установления специализированных процедур их обработки, верификации и хранения.

К электронным доказательствам в практическом смысле относят следующее: электронные документы, фото- и видеозаписи, журналы событий

¹ Федорова Т.В. Понятие и сущность доказательств и доказывания во внесудебном и судебном административном процессе // Становление, развитие и интеграция внесудебного и судебного административного процесса в Российской Федерации: сборник научных статей. М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 184.

² Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 193.

(логи), записи о действиях в информационной системе, метаданные файлов, результаты фото- и видеофиксации правонарушений специальными автоматическими средствами и т.д. Однако определение любого термина не должно осуществляться через перечень явлений, так как это не раскрывает его сущность. Помимо прочего цифровая среда достаточно динамична, что отмечается многими исследователями. К примеру, А.И. Минаева¹ указывает, что каждый год возникают новые технологии, которые могут быть использованы как источник доказательств в любом юридическом процессе. В этой связи новые технологии не будут укладываться в заранее заданный закрытый перечень, поэтому корректнее связывать электронные доказательства с их основными признаками.

К числу основных признаков электронных доказательств можно отнести следующее:

- доказательства имеют цифровую форму – то есть они представлены в виде цифровых данных (компьютерного кода), а потому не могут быть восприняты без программного оборудования;
- доказательства содержат в себе сведения об обстоятельствах дела;
- доказательства имеют установленный источник происхождения – это позволяет определить способ их получения, а также провести проверку в отношении законности формирования таких данных;
- характерен риск изменения, повреждения, копирования, удаления без внешних признаков, а потому важно обеспечить неизменность их содержания;
- доказательства должны быть проверяемы.

В настоящее время в научной литературе можно найти множество определений электронным доказательствам.

К примеру, В.Б. Вехов выбрал достаточно широкий подход, предлагая под электронными доказательствами понимать любые сведения, представленные в электронной форме, на основе которых устанавливается

¹ Минаева А.И. Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2022. С. 68.

наличие или отсутствие тех или иных обстоятельств. Недостатком такого подхода является то, что не раскрывается вопрос удостоверения таких доказательств, а это, в свою очередь, и порождает многие вопросы относительно допустимости и достоверности¹.

Р.И. Оконенко при раскрытии термина «электронные доказательства» акцент ставит на «электронный носитель информации», отмечая также такие характерные особенности, как значительный объем памяти, простота передачи и копирования сведений, возможность удаленного доступа². Аналогичный подход прослеживается и у М.Б. Набатова в его диссертационном исследовании³.

Полагаем, что под электронными доказательствами следует понимать фактическую информацию, представленную в цифровой форме и воспринимаемую через специальное программное обеспечение, на основании которой судья, орган власти или должностное лицо устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства по делу при условии установления источника происхождения данных и сохранении неизменности их содержания с момента получения и до момента его изучения.

Необходимость закрепления вышеприведенного понятия в нормативно-правовом акте (далее - НПА) обусловлена потребностью устранить существующую терминологическую путаницу. Введение общего понятия электронных доказательств позволило бы точно определить их сущность, а также сохранить существующую систему процессуальных источников доказательств. Более того, введение такого понятия создало бы основу для

¹ Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. №. 4 (11). С. 47.

² Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120.

³ Набатов М.Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 84.

последующей разработки специальных общих правил получения, проверки, оценки, хранения, архивирования цифровых данных и т.д.

Электронные доказательства прямо не называются в тексте КоАП РФ, однако их состав и процессуальный режим можно вывести через системное толкование положений гл. 24-26 КоАП РФ.

В настоящее время КоАП РФ не признает цифровые доказательства как самостоятельные доказательства, однако стоит отметить, что такая позиция встречается в научной литературе. К примеру, ее сторонником является А.В. Малык¹.

В настоящее время в ст. 26.2 КоАП РФ закрепляется, что фактические данные имеют доказательственное значение лишь тогда, когда эти данные введены в процесс через строго определенные законом способы, перечисленные в ч. 2 данной статьи.

При этом специфика системы доказательств может определяться также способом выявления административного правонарушения. А.И. Стахов обращает внимание на особенности дел об административных правонарушениях, выявляемых в ходе государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, и обосновывает необходимость комплексного применения законодательства о контрольной (надзорной) деятельности и законодательства об административных правонарушениях². Данное положение приобретает дополнительное значение в условиях цифровизации контроля, поскольку результаты контрольных мероприятий все чаще формируются посредством информационных систем, средств фото- и видеофиксации, дистанционного мониторинга и иных цифровых инструментов.

Следовательно, электронные доказательства корректнее описывать не через перечисление форматов файлов, а через процессуальные источники их получения и происхождение цифровых данных. Данное положение крайне

¹ Малык А.В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 3 (54). С. 49.

² Стахов А.И. Система доказательств по делу об административном правонарушении, выявленном в ходе контрольного (надзорного) мероприятия // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 63.

важно, поскольку именно источник получения сведений влияет на определение их относимости, допустимости и достоверности, а также на порядок оценки таких доказательств.

Зачастую информация, представленная в цифровом виде, в производстве по делам об административных правонарушениях рассматривается как «иной документ». Здесь стоит отметить, что КоАП РФ расширяет понятие документа и сводит его не только к бумажной информации, а любым носителям информации (ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ).

В то же время не всегда верно рассматривать электронные доказательства как «документы». К примеру, результаты автоматической фиксации правонарушений в области правил дорожного движения целесообразно рассматривать как показания специальных технических средств, что в ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ выделено отдельным образом как способ получения доказательств.

П.С. Пастухова и В.В. Терехин, исследуя электронные доказательства в УПК РФ, отмечают, что таковыми могут быть не только документы, но и вещественные доказательства¹. Так, вещественные доказательства выступают «процессуальным носителем» для электронных доказательств в случаях, когда информация существует в цифровом виде, однако для ее ведения в процесс и обеспечения сохранности требуется приобщение и самого материального носителя, на котором содержится такое электронное доказательство.

В данном случае физический носитель фиксирует связь цифровых данных с конкретным объектом, позволяет их исследовать и проверить. То есть содержательно доказательством являются именно цифровые данные, однако «вход» обеспечивается через режим вещественных доказательств. В качестве примера можно привести использование мобильного телефона для исследования переписки, видеорегистратор, на котором находится соответствующая запись, и т.д.

¹ Пастухов П.С., Терехин В.В. К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Коми Республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2014. №. 18. С. 70.

Таким образом, КоАП РФ содержит в себе процессуальные формы, в которые цифровые данные обычно включаются, то есть КоАП РФ не рассматривает их как самостоятельные доказательства (Приложение № 4).

Н.А. Морозова верно подмечает, что одного только указания в ст. 26.7 КоАП РФ, что электронные доказательства являются документами, недостаточно, а потому нужны особые правила работы с такими доказательствами¹.

Положения ст. 26.11 КоАП РФ устанавливают, что никакое доказательство не может иметь заранее установленную силу, а потому каждое доказательство подлежит своей оценке. Данное положение в равной степени распространяется и на электронные доказательства. То есть суд, должностное лицо не могут просто констатировать наличие файла в электронном виде: необходимо установить источник его получения, его условия, определить целостность файла, провести проверку на возможную подделку путем анализа метаданных и иные технические характеристики и т.д.

Исследование практики применения цифровых технологий при доказывании в производстве по делам об административных правонарушениях демонстрирует, что органы исполнительной власти и суды активно используют видеозаписи, полученные с использованием автоматизированных комплексов фиксации нарушений правил дорожного движения, данные из государственных информационных систем, электронные журналы событий и метаданные, сведения из социальных сетей и мессенджеров. Вместе с тем единообразного подхода к определению допустимости, относимости и достоверности электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях не сформировано. Об этой проблеме также писала М.В. Анисифорова, отмечая, что в настоящее время «требуется четкая правовая

¹ Морозова Н.А. КоАП РФ – упущенные возможности цифровой эпохи // Административно-правовые формы реализации исполнительной власти в условиях цифровизации государственного управления: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (20 февр. 2020) и Междунар. науч.-практ. заоч. конф. (3 апр. 2020). Махачкала, 2020. С. 80.

регламентация порядка применения (сбора, исследования и оценки) таких доказательств»¹.

Все это приводит к разрозненности в судебной практике: в то время как одни суды признают электронные доказательства надлежащим образом оформленными при наличии цифровой подписи в соответствии с требованиями Федерального закона об электронной подписи, другие суды требуют дополнительных гарантий аутентичности и целостности информации. Указанная ситуация создает неопределенность для участников производства и затрудняет предсказуемость судебных решений².

Так, к примеру, Верховный Суд РФ в своем решении от 05.04.2024 г. по делу № 78-АД24-5-КЗ³ анализирует стандарт доказывания в случае автоматической фиксации правонарушений. Суд прямо фиксирует, что нижестоящие суды отошли от проверки доводов защиты и сослались лишь на «камерную» фиксацию правонарушения как на констатацию факта.

Верховный Суд РФ в очередной раз подчеркнул выводы Конституционного суда РФ⁴ о том, что исключение из общего правила об отсутствии необходимости доказывать свою невиновности в случае правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ, не означает исключение иных положений о презумпции невиновности, в частности, что все неустранимые сомнения толкуются в пользу лица, привлекаемого к ответственности.

В этой связи автоматическая фиксация доказательств не означает, что они признаются «самодостаточными». Как и любое другое доказательство, они

¹ Анисифорова М.В. Использование электронных средств доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях, связанных с наркотиками // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. №. 4 (43). С. 207.

² Сафоненков П.Н. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Российской таможенной академии. 2023. №. 4 (65). С. 169.

³ Постановление Верховного Суда РФ от 05.04.2024 № 78-АД24-5-КЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05042024-n-78-ad24-5-k3> (дата обращения: 01.01.2026).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2011 № 391-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 1.5, примечанием к статье 1.5 и статьей 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112951/ (дата обращения: 01.01.2026).

нуждаются в проверке. Следовательно, если в ходе производства представлены электронные доказательства, однако присутствуют сомнения (к примеру, как в изучаемом Верховным Судом РФ деле нет требуемых промежуточных снимков транспортного средства в определенное время), то суд должен устранить такие расхождения, а если этого не произошло, то суд отменяет постановление и прекращает производство по делу.

Автоматизированные комплексы фиксации нарушений правил дорожного движения генерируют видеозаписи и фотоснимки с автоматически проставляемыми временными метками и другими техническими параметрами, что обеспечивает высокую степень объективности такой информации. Однако это не означает, что электронные доказательства автоматически признаются допустимыми и достоверными. Они подлежат исследованию и оценке в соответствии с установленными законом процедурами¹.

Исследование и оценка электронных доказательств требуют применения специальных знаний и методов, которые не всегда доступны органам, рассматривающим дела об административных правонарушениях. Сложность анализа цифровой информации, особенно в случаях, когда необходимо установить подлинность электронного документа, целостность передачи данных или исключить возможность их подделки, часто требует привлечения судебных экспертов. Однако отсутствуют четкие критерии, которые позволяют отличить случаи, когда достаточно обычной проверки электронных доказательств, а когда необходимо привлечение эксперта. Некоторые авторы, к примеру Ю.В. Шелегов и В.Г. Шелегов, и вовсе предлагают установить «обязательность проведения экспертизы по каждому электронному доказательству», однако такое предложение видится нам достаточно спорным².

Как справедливо фиксирует А.В. Малык, в действующем КоАП РФ отсутствуют требования относительно «формы и формата предоставления

¹ Куликова Я.А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. №. 6. С. 85.

² Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. №. 2 (10). С. 63.

любых фактических данных в электронной форме, порядка исследования форм предоставления электронных документов и приобщения их к судебному делу»¹.

То есть стоит согласиться с тем, что КоАП РФ не содержит в себе детализированных правил относительно описания цифрового файла, которое предоставляется как доказательство в суд или орган власти, должностному лицу, однако по смыслу ст. 24.1 и 26.11 КоАП РФ у суда или органа власти должна быть возможность воспроизвести такой файл и проверить его содержимое, в противном случае просто не будет возможности установить фактические обстоятельства дела, которые отражены в таком доказательстве. Однако цифровой файл без наличия идентифицирующих признаков превращается в анонимный набор данных, так как файл легко может быть переименован, изменен, перекодирован и т.д. Иными словами, важно не только содержание файла, но и установление тождества файла на всем его пути от момента получения до момента исследования судом или органом власти.

М.П. Поляков и А.Ю. Смолин, рассматривая электронные доказательства, пишут, что речь идет не просто о цифровом носителе информации, так как меняется в целом восприятие доказательств: происходит переход от «слова и цифры» к «цифре и слову»². Иными словами, оценка доказательств судом не должна базироваться лишь на внешнем анализе картинки, видео, файла и т.д. Необходима четко проверяемая связка: оценка того, как было сформировано доказательство, как было передано, как хранилось, как было идентифицировано и т.д. То есть авторы выступают резко против презумпции технической правоты, с чем стоит полностью согласиться.

Стандарт допустимости электронного доказательства сводится к правилу, что при приобщении такого доказательства оно должно быть идентифицировано в таком объеме, который позволяет установить тождество объекта и проверить условия его получения и сохранности. Это должно

¹ Малык А.В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. №. 3 (54). С. 47.

² Поляков М.П., Смолин А.Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №. 2 (46). С. 145.

достигаться посредством фиксации цифровых идентификаторов в процессуальном документе, которым может выступать протокол, опись приложений и т.д.

Так, если речь идет о сведениях, полученных с помощью технических средств, то необходимо установить законность получения таких сведений, определить, использовалось ли конкретно данное техническое средство, был ли результат фиксации оформлен надлежащим образом.

Если речь идет о цифровых данных, содержащихся в электронных документах, файлах, на цифровых носителях и т.д., то необходимо установить законность способа получения сведений, надлежащим ли образом сведения были приобщены к материалам дела, можно ли индивидуализировать такие сведения, наличие идентифицирующих признаков (тип, формат, объем, длительность, наименование файла и т.д.), существует ли возможность многократного воспроизведения и ознакомления с ним.

Целесообразно также будет предусмотреть, чтобы данный протокол подписывался усиленной квалифицированной электронной подписью и гарантировалась неизменность соответствующих сведений после приобщения такого файла к материалам дела.

В настоящее время в судебной практике в ограниченном виде также поднимается вопрос проверяемости электронных доказательств, однако это в основном касается сведений, полученных с помощью технических средств, которые фиксируют правонарушения в области дорожного движения в автоматическом режиме. Так, в Постановлении ВС РФ от 07.10.2019 г. по делу № 36-АД19-3¹ отмечает, что в материалах дела отсутствует информация о времени и месте правонарушения, зафиксированного автоматическим способом фиксации. Отмечается и критика указания времени путем временного интервала (с 19:05 по 19:41), а также места путем протяжённости участка трассы – все это Верховный Суд РФ признает недопустимым. Таким образом,

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 07.10.2019 № 36-АД19-3 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07102019-n-36-ad19-3> (дата обращения: 01.01.2026).

электронные доказательства, как и любое другое доказательство должно быть проверяемым (Приложение № 5).

В другом деле в обосновании достоверности сведений, полученных автоматическим комплексом, был представлен маршрутный лист, однако его анализ не позволяет сделать вывод, что именно данное техническое средство эксплуатировалось в конкретный день совершения правонарушения. Ссылка на то, что технические данные, характеристики, условия и режим работы специального технического средства «Дозор-МП» находятся в открытом доступе в «интернете», не подменяют обязанность проверки фактических обстоятельств дела: суд должен установить конкретные условия работы комплекса на соответствующую дату¹.

В целом анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды при использовании электронных доказательств предъявляют требования к их верификации и проверяемости. Автоматическая фиксация правонарушения или же наличие цифрового файла не подменяют обязанность всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств и оценки доказательств по правилам КоАП РФ².

Специфика установления достоверности электронных доказательств требует дифференцированного подхода. Так, если речь идет про сведения, полученные с помощью специальных технических средств, то достоверность устанавливается посредством проверки следующих обстоятельств: было ли исправно техническое средство в момент фиксации правонарушения, применялось ли оно в надлежащих условиях, корректно ли были отражены сведения о месте, времени и другие характеристики правонарушения, согласуются ли данные сведения с другой информацией, имеющейся в материалах дела.

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 09.01.2024 № 53-АД23-15-К8 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ [Электронный ресурс] / URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012024-n-53-ad23-15-k8/> (дата обращения: 01.01.2026).

² Решение Арбитражного суда Воронежской области от 08.06.2017 № А14-5416/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/S8yh7yfJasrH/> (дата обращения: 01.01.2026); Постановление Верховного Суда РФ от 11.10.2024 № 78-АД24-30-К3 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11102024-n-78-ad24-30-k3/> (дата обращения: 01.01.2026).

Если речь идет о цифровых данных, содержащихся в электронных документах, файлах, на цифровых носителях и т.д., то для проверки достоверности необходимо установить, соответствует ли представленный файл исходному объекту, вносились ли изменения в файл; провести анализ метаданных, выявить условия извлечения, копирования, передачи и хранения информации, определить, если ли основания для привлечения эксперта или специалиста.

Стоит также отметить, что в последнее время в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве электронного доказательства часто используют данные из социальных сетей, мессенджеров, в том числе речь идет и про переписки пользователей.

Современная коммуникация все чаще осуществляется через электронные каналы, в связи с чем электронная переписка, публикации в социальных сетях и другие цифровые материалы становятся важным источником информации для установления обстоятельств дела. Статья 434 ГК РФ¹ допускает заключение договоров в электронной форме, включая переписку в мессенджерах. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 55)² разрешает применять скриншоты переписок и страниц в качестве доказательств при условии их надлежащего оформления, и это также подтверждается материалами судебной практики³.

Однако применение электронной переписки в качестве доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях вызывает определенные трудности, так как в законодательстве и в правоприменительной

¹ Гражданский кодекс РФ (Часть первая) от 30.10.1994 № 51 (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разрешает применять скриншоты переписок и страниц в качестве доказательств при условии их надлежащего оформления и это также подтверждается материалами судебной практики» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

³ Постановление Оренбургского областного суда от 08.02.2018 № 4А-45/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Nqv6FOq0rSZY/> (дата обращения: 01.01.2026); Постановление Привокзального районного суда г. Тулы от 15.10.2023 № 5-107/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Qpo2kSzHM1HQ/> (дата обращения: 01.01.2026); Постановление Верховного Суда РФ от 11.12.2018 № 24-АД18-6 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11122018-n-24-ad18-6/> (дата обращения: 01.01.2026).

практике отсутствует понимание того, какими характеристиками должна обладать переписка, чтобы суд ее принял как допустимое доказательство¹.

Считаем необходимым отметить, что переписка должна содержать в себе следующее: идентификатор аккаунта (логин, айди и т.д) или номер телефона, дата и время отправки сообщения².

В том случае, если переписка была представлена в результате взлома аккаунта, суд её исключает, так как такие сведения были получены с нарушением законодательства.

На практике для того, чтобы суд принял переписку как доказательство, обращаются к нотариусу для ее засвидетельствования по правилам ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате³. Процедура нотариального осмотра значительно увеличивает процессуальную силу предоставленного доказательства.

Особое значение имеет вопрос о сохранении и архивировании электронных доказательств. В отличие от традиционных материальных доказательств, электронные доказательства могут быть легко удалены, изменены или повреждены. Положения ч. 3 ст. 26.6 КоАП РФ накладывает на судью, должностное лицо, орган власти обязанность сохранять вещественные доказательства до разрешения дела по существу. Аналогичная норма есть и по отношению к документам в ч. 3 ст. 26.7 КоАП РФ.

Однако в отношении цифровых (электронных) данных отсутствует конкретика в выполнении требования по сохранению и архивированию. Все это создает риск утраты доказательств или их изменения в ходе хранения, что может привести к нарушению прав участников производства.

¹ Шобей Л.Г., Чернова П.А. Переписка в мессенджере как доказательство в гражданском судопроизводстве // Вопросы экономики и права. 2020. №. 148. С. 17.

² Куликова Я.А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. №. 6. С. 81.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 04.08.2026) // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

В качестве примера приведем Постановление Верховного Суда РФ от 18.01.2021 г. по делу № 222-АД20-1¹, в протоколе которого фигурирует видеозапись вместо понятых как процессуальная гарантия. Из материалов дела следует, что по «техническим причинам» такая видеозапись была удалена с компьютера, однако отметка о наличии видеофайла в сопроводительном письме все же осталась. По причине того, что видеозапись так и не была предоставлена, суд обоснованно пришел к выводу о наличии нарушений положений ст. 25.7 и 27.12 КоАП РФ.

То есть КоАП РФ опирается на возможность фиксации обстоятельств дела посредством цифровых технологий, однако не устанавливает минимальные стандарты сохранности таких доказательств, что в итоге создает риск нарушения прав и интересов участников процесса.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает общие требования к защите информации, однако его применение к электронным доказательствам в производстве по делам об административных правонарушениях требует дополнительной конкретизации.

Стоит признать, что отечественное законодательство значительно отстает от международных стандартов в части установления требований к хранению и архивированию электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Российская Федерация не установила четких требований к резервному копированию, криптографическому хешированию и логированию операций с электронными доказательствами. Это создает риск потери или несанкционированного изменения доказательств. Необходимо разработать специальный нормативно-правовой акт, который устанавливал бы единые требования к хранению электронных доказательств в органах, рассматривающих дела об административных правонарушениях, с

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 18.01.2021 № 222-АД20-1 [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012021-n-222-ad20-1/> (дата обращения: 01.01.2026).

учетом международной практики и адаптацией к особенностям российской системы права.

Необходимо также затронуть аспект прав и гарантий в случаях, когда в производстве по делу об административном правонарушении используются электронные доказательства. В этой связи уместно упомянуть тезис Е.В. Евсиковой о том, что цифровизация также размывает определенные процессуальные гарантии¹.

Так, положения ст. 25.1 КоАП РФ предоставляют лицу право на ознакомление с материалами дела. Применительно к электронным доказательствам это означает, что лицу должны быть предоставлены не просто распечатки, а действительный доступ к таким цифровым файлам (то есть непосредственно к «исходным данным»). В данном случае у лица будет возможность произвести проверку целостности цифрового файла, используемого в качестве доказательства, в том числе заявить ходатайство о проведении экспертизы по правилам ст. 26.4 КоАП РФ.

По своей сути цифровизация обуславливает возникновение новых объектов судебных экспертиз, причем каждая цифровая технология отличается своими особенностями при проведении таких экспертиз².

Как верно отмечает А.А. Саркисян, «на сегодняшний день компьютерно-техническая экспертиза уже окончательно сформировалась как род, и на данном этапе проходит постепенный процесс укрупнения до класса»³.

Таким образом, ознакомление с электронными доказательствами – это не визуальный осмотр распечатанного содержания, это именно доступ к такому формату, который позволяет произвести идентификацию и проверку. В противном случае принцип состязательности нарушается и происходит перекокс в сторону органа публичной власти, так как такой орган в своих доводах о

¹ Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. №. 2. С. 125.

² Буйнов Д.О. Теория и практика собирания и экспертного исследования цифровых следов по уголовным делам в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 111.

³ Саркисян А.А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 23.

виновности лица опирается на первичные данные, тогда как защита получает лишь проекцию таких данных, а потому отсутствует реальная возможность опровержения обстоятельств дела.

В этой связи на основе вышеизложенного нами предлагается дополнить ст. 25.1 КоАП РФ указанием на то, что ознакомление с материалами дела, включающего в себя электронные доказательства, предполагает предоставление доступа, позволяющего их воспроизвести и проверить. При этом представляется целесообразным учитывать опыт арбитражного процесса, в рамках которого уже реализована возможность ознакомления с материалами дела в электронном виде посредством системы «Мой арбитр», обеспечивающей полноценный доступ участников к документам и иным материалам дела. Использование аналогичных механизмов в производстве по делам об административных правонарушениях позволит повысить уровень реализации принципа состязательности и обеспечить равенство процессуальных возможностей сторон.

Можно сделать вывод о том, что для устранения терминологической неопределенности в производстве по делам об административных правонарушениях необходимо нормативное закрепление в ст. 26.2 КоАП РФ понятия «электронных доказательств», под которыми следует понимать фактическую информацию, которая представлена в цифровой форме и воспринимается через специальное программное обеспечение, на основании которой судья, орган власти или должностное лицо устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства по делу при условии установления источника происхождения данных и сохранении неизменности их содержания с момента получения и до момента его изучения.

Действующая конструкция КоАП РФ фактически «встраивает» цифровые данные в систему доказывания через предусмотренные источники, прежде всего через иные документы и показания специальных технических средств, а

при необходимости и через режим вещественных доказательств как процессуальный способ приобщения носителя. В целях единообразной квалификации цифровой информации целесообразно прямо отразить в ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ и в ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ, что цифровые данные могут использоваться в доказывании, если они надлежащим образом оформлены, и доказательственное значение они приобретают через соответствующий процессуальный источник.

Наличие электронного файла само по себе не подтверждает допустимость и достоверность сведений. В этой связи целесообразно дополнить ст. 26.7 КоАП РФ правилом о минимальных требованиях к приобщению электронных документов и файлов. Одновременно следует закрепить в ст. 28.2 КоАП РФ обязанность фиксировать в приложениях к протоколу определенные сведения об электронных доказательствах. Целесообразно также будет предусмотреть, чтобы данный протокол подписывался усиленной квалифицированной электронной подписью, чтобы гарантировать неизменность соответствующих сведений после приобщения такого файла к материалам дела.

Так, если речь идет о цифровых данных, содержащихся в электронных документах, файлах, на цифровых носителях и т.д., то необходимо установить законность способа получения сведений, надлежащим ли образом сведения были приобщены к материалам дела, можно ли индивидуализировать такие сведения, наличие идентифицирующих признаков (тип, формат, объем, длительность, наименование файла и т.д.), существует ли возможность многократного воспроизведения и ознакомления с ним.

Специфика установления достоверности электронных доказательств требует дифференцированного подхода. Так, если речь идет про сведения, полученные с помощью специальных технических средств, то достоверность устанавливается посредством проверки следующих обстоятельств: исправно ли было техническое средство в момент фиксации правонарушения, применялось ли оно в надлежащих условиях, корректно ли были отражены сведения о месте,

времени и другие характеристики правонарушения, согласуются ли данные сведения с другой информацией, имеющейся в материалах дела.

Если речь идет о цифровых данных, содержащихся в электронных документах, файлах, на цифровых носителях и т.д., то для проверки достоверности необходимо установить, соответствует ли представленный файл исходному объекту, вносились ли изменения в файл, провести анализ метаданных, выявить условия извлечения, копирования, передачи и хранения информации, определить, если ли основания для привлечения эксперта или специалиста.

Отсутствие четких критериев того, в каких случаях требуется привлечение специальных знаний, усиливает неопределенность в оценке электронных доказательств, особенно при проверке подлинности, целостности передачи и анализе метаданных. Для устранения этого целесообразно указать в ст. 26.4 КоАП РФ, когда проверка подлинности или целостности доказательств невозможна без специальных знаний в силу технической особенности такой информации.

Отдельную проблему составляет сохранение и архивирование электронных доказательств, так как общие положения о хранении доказательств в рамках производства по делам об административных правонарушениях не применимы. Следовательно, существует риск утраты или повреждения электронных доказательств. Для недопущения этого предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 26.6 КоАП РФ и ч. 3 ст. 26.7 КоАП РФ, указав на принятие мер, которые исключают удаление или модификацию электронных доказательств, в том числе путем резервного копирования, фиксации всех действий с такой информацией и т.д.

В исследовании также была отмечена необходимость дополнить ст. 25.1 КоАП РФ указанием на то, что ознакомление с материалами дела, содержащими электронные доказательства, предполагает предоставление доступа к ним в форме, позволяющей воспроизведение и проверку, включая

возможность заявлять ходатайства о проведении экспертизы по правилам ст. 26.4 КоАП РФ.

Глава 3. Перспективы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях

§ 1. Проблемные вопросы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях

Следует отметить, что, несмотря на значительные преимущества цифровизации производства по делам об административных правонарушениях, её внедрение сопровождается рядом проблем, среди которых существенную группу составляют нормативно-правовые проблемы.

Д.Н. Шурухнова верно отмечает, что сфера административной юрисдикции довольно консервативна¹. Т.П. Пестова также пишет, что «цифровая трансформация протекает крайне медленно»².

Данные процессы происходят на фоне более общей трансформации административно-деликтного законодательства. Характеризуя современное состояние исследуемой сферы, В.В. Денисенко отмечает, что институт административной ответственности в современной России переживает редкий по интенсивности и широте охвата процессов период трансформации³. Одним из важнейших направлений такой трансформации выступает именно цифровизация, которая затрагивает не только технические способы осуществления отдельных процессуальных действий, но и содержание процессуальной формы, доказательственную деятельность и механизм реализации прав участников производства.

¹ Шурухнова Д.Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях. Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 278.

² Пестова Т.П. Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях: реальность и перспективы // Вестник Волжского университета им. ВН Татищева. 2024. Т. 2. №. 4 (109). С. 32.

³ Денисенко В.В. Перспективы развития института административной ответственности: реальность и иллюзии // Административное право и процесс. 2025. № 11. С. 12.

Вместе с тем КоАП РФ уже предусматривает положения об автоматической фиксации нарушений, что свидетельствует о постепенной цифровизации сферы. Существует возможность подачи заявлений, жалоб, ходатайств и других документов в электронном виде через Единый портал Госуслуг или иные системы, что и было нами изучено в предыдущих параграфах. Указанные изменения частично нивелируют нормативное отставание, однако проблема комплексной регламентации применения цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях продолжает оставаться одной из наиболее острых.

Многие исследователи справедливо отмечают, что в настоящее время цифровизация законодательства происходит, но развивается весьма фрагментарно¹. И.С. Ильюшина пишет, что «существующие нормативные правовые акты зачастую уже сложно применимы ко всему многообразию в сфере информационных отношений. Все ускоряющийся процесс цифровизации требует применения более мобильных средств правового регулирования²».

Более того, отсутствует целостная модель электронного производства. Именно по этой причине возникают так называемые «стыковочные» проблемы, то есть появляются разные стандарты в рамках применения той или иной процедуры. Ранее нами уже приводился пример использования ВКС: у судов есть один общий регламент по проведению заседания посредством ВКС, тогда как у органов государственной власти – нет.

КоАП РФ закрепляет отдельные цифровые механизмы точно, что приводит к зависимости применения цифровых технологий от подзаконного регулирования и ведомственных решений. Как следствие, правовая регламентация становится более громоздкой и менее предсказуемой, так как ничто не мешает в оперативном порядке внести изменения в тот или иной

¹ Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. №. 2. С. 131; Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. С. 4.

² Ильюшина И.С. Правовое регулирование и защита персональных данных в виртуальной среде организаций: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. 195 с.

приказ или регламент ведомства. Данную проблему поднимает также и М.С. Прокопов в своем диссертационном исследовании¹.

Чрезмерная делегация детализации правового регулирования цифровых технологий на подзаконный уровень представляется неоправданной, поскольку может негативно сказаться на устойчивости и определенности правового регулирования.

В качестве примера можно привести положения ст. 24.9 КоАП РФ, где отмечается, что если документ был изготовлен в электронном виде, то он дублируется и в бумажном, если это предусмотрено не только нормами КоАП РФ, но и актами Правительства РФ, Верховного Суда РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ. С одной стороны, это делается специально для придания большей гибкости в законодательстве. С другой стороны, это порождает неоднородность, так как участник производства по делам об административных правонарушениях оказывается в ситуации многослойного регулирования, где для реализации и защиты своих прав в случае использования цифровых технологий ему необходимо изучать не только законы, но и подзаконные акты.

В исследовании также ранее отмечалось, что в определенных случаях наличие электронного документа не отменяет необходимость создания дубликата в бумажном виде, и это можно обозначить как проблему «гибридного» документооборота (ст. 24.9 КоАП РФ).

Такая модель закрепляет двойственность в рамках системы и порождает определенные вопросы, на которые нет однозначного ответа в законодательстве. К примеру, один из таких вопросов касается того, что следует считать первичным – электронный документ или бумажный, и что делать, если между ними есть расхождения и т.д.

Особое внимание стоит уделить проблеме соотношения применения цифровых технологий в производстве по делам об административных

¹ Прокопов М.С. Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 64.

правонарушениях с положениями Федерального закона от 27 июня 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Дело в том, что применение цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях неизбежно связано с обработкой различного рода информации, относящейся к персональным данным. Вместе с тем стоит учитывать, что закон связывает обработку персональных данных лишь с определёнными условиями, которые перечислены в ст. 6 ФЗ «О персональных данных», также есть ограничения по цели, необходимость соблюдения режима конфиденциальности и принятия правовых, организационных и технических мер по защите персональных данных.

С одной стороны, цифровизация в данной сфере предполагает постоянный межведомственный обмен информацией, интеграцию информационных систем, хранение значительного массива информации, а с другой стороны, существует действующее законодательство о персональных данных, которое накладывает существенные ограничения. Следовательно, дальнейшее развитие правового регулирования данных отношений требует более согласованного нормотворчества, которое будет учитывать пределы межведомственного обмена информацией, допустимый объем обработки персональных данных, условия доступа к ним, сроки и порядок хранения и т.д.

Наряду с этим, отдельную и не менее значимую группу составляют технические проблемы. В частности, речь идет про случаи, когда тот или иной информационный сервис не работает, не открывается электронный документ, прерывается ВКС и т.д. Всё это свидетельствует о том, что уже технология начинает влиять на реальный объем прав.

Однако в рамках правового государства это недопустимо, что делает проблему технических сбоев и ошибок особенно актуальной. В.В. Нырков и А.С. Тюлякова обращают внимание на то, что вынужденные технические

задержки в регистрации обращений могут повлиять на течение процессуальных сроков и, как итог, на возможность реализации права на защиту¹.

В этой связи цифровизацию административно-юрисдикционного процесса необходимо оценивать не только с точки зрения эффективности, но и с позиции сохранения административно-правовых гарантий личности. И.А. Трофимова, исследуя административно-правовую защиту заявителей, справедливо отмечает, что государственные и муниципальные услуги затрагивают интересы огромного количества людей. Аналогичный подход применим и к цифровизации административно-юрисдикционного процесса: перевод взаимодействия с органом публичной власти в электронную форму не должен приводить к снижению существующего уровня правовой защиты².

В качестве иллюстрации приведем следующий судебный пример. В одном деле посредством портала «Электронное правосудие» было подано ходатайство об отложении судебного слушания. В период подачи ходатайства интернет-портал по техническим причинам не функционировал, а потому запрос о принятии ходатайства не был получен и обработан. Поданное ходатайство поступило в суд уже после судебного разбирательства. Суд кассационной инстанции отметил, что отсутствуют обстоятельства дела, которые подтверждают факт того, что такое ходатайство действительно было подано электронно, а потому в удовлетворении кассационной жалобы было отказано³.

В связи с этим на подзаконном уровне стоит установить минимальные требования к компьютерному оборудованию, скорости интернета и программному обеспечению для суда и органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях.

¹ Нырк В.В., Тюлякова А.С. К вопросу о трансформации института процессуальной ответственности и мер защиты при применении цифровых технологий в сфере правосудия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 30.

² Трофимова И.А. Особенности административно-правовой защиты прав и законных интересов заявителей в сфере предоставления государственных услуг // Административное право и процесс. 2023. № 1. С. 52.

³ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2021 № 88а-12381/2021. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35644#FXUvZTV8IBNy4dFgl> (дата обращения: 14.09.2025).

Показательно то, что сам законодатель ставит возможность применения той или иной технологии в зависимости от «наличия технической возможности» (применение ВКС, применение веб-конференции, подача электронных документов). В этой связи цифровая форма не становится универсальным процессуальным инструментом, а де-факто является «опцией» в рамках инфраструктуры на случай, если она работает.

Конструкция в виде «наличия технической возможности» по сути переносит центр тяжести с юридической гарантии на материально-техническое состояние конкретного суда или органа, что приводит к неоднородности практики применения норм права: одинаковые процессуальные права в силу цифровизации реализуются по-разному. Следовательно, даже при наличии у участников производства соответствующего ходатайства всё будет зависеть от инфраструктурных возможностей суда или органа власти.

Слабое техническое обеспечение создает препятствия для реализации многих цифровых инструментов в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Наиболее наглядно это проявляется в деятельности мировых судей судебных участков.

Анализ готовности органов к внедрению цифровых технологий демонстрирует существенное расслоение по уровням системы. Федеральные органы и суды общей юрисдикции демонстрируют достаточный уровень готовности, в то время как муниципальные органы и мировые суды требуют дополнительного внимания и ресурсов.

А.А. Иванова отмечает, что введение возможности дистанционного проведения заседаний расширило доступность правосудия, однако создало новые риски для защиты прав участников¹. Нормативное регулирование видеоконференцсвязи появилось в КоАП РФ в 2018 г., однако техническая возможность провести заседание по делу об административном

¹ Иванова А.А. К вопросу о работе судебной системы в условиях ограничений, связанных с недопущением распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 июня 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 126.

правонарушении с использованием ВКС в разы ниже, чем в арбитражном процессе.

Также одной из технических проблем, препятствующих полноценной интеграции цифровых технологий в административную юрисдикцию, является обеспечение информационной безопасности цифровых данных, в том числе недопущение несанкционированного вмешательства. В этой связи возможность реализации своих прав ставится в зависимость от качества конкретной информационной системы.

Технические уязвимости, ошибки разграничения прав доступа, утечки информации и т.д. – все это может негативно повлиять не только на аспекты конфиденциальности, но также и на доступность и достоверность доказательств. Следовательно, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о разработке и внедрении единых стандартов обеспечения информационной безопасности и проведения технического аудита цифровых технологий, применяемых в производстве по делам об административных правонарушениях. В противном случае цифровые возможности остаются лишь формальными, фактически являясь уязвимыми со стороны внешнего воздействия, а также при наличии внутренних ошибок.

Стоит подчеркнуть, что данный блок проблем не сводится к наличию абстрактной «киберугрозы»: сама технологическая инфраструктура и наличие соответствующих посредников порождают риски вмешательства. М.И. Никулин и Л.А. Рерих, анализируя дистанционные форматы коммуникации в юридическом процессе, прямо указывают на то, что провайдер имеет возможность перехвата, уничтожения и изменения информации¹. М.А. Акимова и Н.В. Тюменева обращают внимание на то, что веб-конференция не является защищенным каналом связи в отличие от ВКС,

¹ Никулин М.И., Рерих Л.А. К вопросу о реализации процессуальных гарантий прав субъектов административных правонарушений в условиях предупреждения новой коронавирусной инфекции (covid-19) // Ученые записки крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. №. 3. С. 347.

следовательно, риск конфиденциальности и целостности передаваемых данных находится под угрозой¹.

Стоит также отметить, что технические возможности не должны подменять или же изменять сроки, установленные КоАП РФ, например, срок по составлению протокола или вручению того или иного процессуального документа. Следовательно, стоит весьма важная задача – построить информационную систему так, чтобы она строго соблюдала установленные сроки КоАП РФ. Данная проблема проявляется тогда, когда срок идет, однако электронный документооборот не доступен из-за сбоя, что было отмечено в предыдущих параграфах. Стоит признать, что де-факто срок ставится в зависимость от эффективности работы информационной системы.

Доказательственная группа проблем также заслуживает отдельного анализа. В данном случае речь идет про неопределенный статус электронных доказательств, так как на практике возникают определенные трудности, связанные с их оценкой. М.В. Горелов указывает, что специфика электронных доказательств должна быть конкретно отражена в законодательстве².

Более того, судебная практика электронных доказательств крайне неоднородна, так как в одних случаях суды исходят из презумпции надежности сертифицированного оборудования (в данном случае речь в основном идет про автоматическое оборудование фиксации дорожных правонарушений)³, тогда как другие суды отрицают такую презумпцию и требуют предоставления данных, свидетельствующих о целостности и достоверности таких доказательств⁴.

¹ Акимова М.А., Тюменева Н.В. Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. № 4. С. 435.

² Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 18.

³ Решение Советского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра от 07.10.2024 № 12-87/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9usVW9vOaUmw/> (дата обращения: 04.07.2024); Решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 12.12.2023 № 12-529/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/16VUNtXmFUZR/> (дата обращения: 04.07.2024).

⁴ Решение Промышленный районный суд г. Ставрополя от 14.03.2021 № 12-7/2021 [Электронный ресурс] // URL <https://sudact.ru/regular/doc/enLgych6vBr3/> (дата обращения: 04.07.2024); Решение Калужского областного суда от 09.07.2024 № 12-110/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0DUEn268iK/> (дата обращения: 04.07.2024).

Показательным является дело № 12-367/2016, рассмотренное Тушинским районным судом г. Москвы¹. В данном деле видеозапись, сделанная инспектором ГИБДД на личный мобильный телефон, рассматривалась как доказательство нарушения. Защита возражала против допустимости использования такой видеозаписи в качестве доказательства, ссылаясь на: отсутствие сведений о понятых и отметки об использовании видеосъемки в протоколе; отсутствие документов о происхождении диска с записью; отсутствие доказательств подлинности видеозаписи; отсутствие исследования технических характеристик телефона, на который велась запись.

Данный пример наглядно демонстрирует необходимость установления четких критериев оценки надежности электронных доказательств, особенно когда речь идет о видеоматериалах, полученных с использованием личных технических средств.

Отдельного внимания заслуживает вопрос применения общедоступных геоинформационных систем, таких как Google Earth Pro, «SAS.Планета», «Яндекс.Карты», Google Maps, в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях. Применительно к таким информационным технологиям проблематика относимости, допустимости и достоверности содержащихся в них сведений проявляется значительно острее, чем при использовании лицензионных программных продуктов.

В деле, рассмотренном Арбитражным судом Воронежской области (№ А14-8856/2019)², суд в качестве доказательства нахождения рекламной конструкции на территории автокомплекса использовал общедоступные сведения сети интернет – сайты «<https://yandex.ru/maps/>» и «<https://www.google.com/maps/>». Данное решение, хотя и практически целесообразно, не имеет достаточного нормативного обоснования в КоАП РФ.

¹ Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 12.03.2016 № 12-367/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/cases/docs/content/be9d0665-07b3-44c6-b6bc-60aebf70ab89> (дата обращения: 05.16.2024).

² Решение Арбитражного суда Воронежской области от 08.10.2019 А14-8856/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30675ea2-16c3-4394-b962-12d6d47e9d31> (дата обращения: 05.07.2024).

Использование геоинформационных сервисов уже вошло в практику судов и имеет потенциал стать важным инструментом повышения эффективности доказывания. Однако для этого необходимо нормативное закрепление статуса таких сервисов, разработка процессуальных гарантий и формирование единых стандартов допустимости получаемых с их помощью доказательств.

В рамках группы проблем, связанных с доказательствами, стоит также затронуть фиксирование правонарушений посредством использования беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). Внедрение БПЛА создает как новые возможности, так и ряд серьезных вызовов для правовой системы.

Ключевой проблемой применения БПЛА выступает отсутствие четко регламентированных параметров и критериев, по которым система определяет состав административного правонарушения. В настоящее время объективность фиксации противоправных деяний зависит от программирования разработчика, который устанавливает соответствующие критерии в функционал комплекса. Это создает риск произвольного определения состава нарушения и недостаточной прозрачности для лиц, привлекаемых к ответственности.

В.В. Головки и М.М. Исаев¹ предлагают детализацию критериев выявления нарушений в автоматическом режиме посредством внесения дополнений в ГОСТ Р 57144-2016². Такой подход позволил бы обеспечить единообразие и прозрачность при использовании БПЛА для фиксации правонарушений.

Судебная практика последних лет демонстрирует готовность судов признавать допустимость использования данных с БПЛА в качестве доказательств. Например, в Решении Сергиевского районного суда Самарской области по делу № 12-68/2024 видеозапись, выполненная с применением

¹ Головки В.В., Исаев М.М. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий при фиксации административных правонарушений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 30.

² ГОСТ Р 57144-2016. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200140208> (дата обращения: 18.02.2025).

беспилотных летательных аппаратов, выступила основным источником доказывания по делу об административном правонарушении¹.

Однако в практике возникают серьезные вопросы о юридической состоятельности таких доказательств. Так, в одном деле Общество с ограниченной ответственностью (являлось ответчиком) возражало против использования видеозаписи с БПЛА, ссылаясь на отсутствие: документов о постановке квадрокоптера на государственный учет; сертификата БПЛА; планов (расписаний, графиков) использования воздушного пространства; разрешений на использование воздушного пространства; сертификата эксплуатанта БПЛА; документов, подтверждающих право владения эксплуатанта на БПЛА; планов полета дрона².

Другая не менее важная группа проблем – это организационно-управленческие и кадровые проблемы. Даже при наличии в КоАП РФ соответствующих цифровых инструментов, их реализация зависит не только от того, как сконструирована норма права, но также от того, готовы ли сами правоприменители к ее применению.

Производство по делам об административных правонарушениях распределено между различными субъектами – судами и множеством органов исполнительной власти, что создает объективные трудности в создании единого цифрового контура. Эта проблема усиливается также ведомственной разобщенностью информационных систем, когда каждый орган имеет свою собственную информационную систему и обмен данными между ними ограничен. Следовательно, цифровой процесс в данном случае не является сквозным.

Подобная проблема характерна не только для федеральных государственных информационных систем. С.Е. Чаннов и Р.В. Амелин, исследуя муниципальные информационные системы, также обращают

¹ Решение Сергиевского районного суда от 24.06.2024 № 12-68/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J1nEwXaaulrT/> (дата обращения: 15.09.2024).

² Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирск от 13.04.2016 №2-3611/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/15423371> (дата обращения: 15.09.2024).

внимание на значительное разнообразие используемых информационных систем и различный уровень цифровых возможностей публичных образований. При этом авторы отмечают, что интеграция между отдельными информационными системами предусматривается крайне редко, вследствие чего при возникновении необходимости информационного взаимодействия оно становится невозможным либо существенно затрудняется¹.

В связи с данной проблемой Г.И. Калмыков и М.В. Анисифорова отмечают, что «каждый государственный орган является монополистом своей собственной государственной информационной системы, по некоторым данным их на сегодняшний день насчитывается более 800»². К примеру, у судов – это ГАС «Правосудие», у Госавтоинспекции есть ФИС ГИБДД-М как единая централизованная система, в которой предусмотрены подсистемы, включая блоки вроде «Административные правонарушения, у Федеральной таможенной службы есть ЕАИС таможенных органов, которая автоматизирует деятельность таможенных органов, у Федеральной налоговой службы есть система АИС «Налог-3» и т.д. Авторы приходят к выводу, что краеугольным условием выступает именно «финансовое и организационное обеспечение» создания единой безопасной и эффективной системы цифрового взаимодействия.

Решение данной проблемы возможно двумя способами. Первый способ заключается в том, чтобы объединить все цифровые платформы в одну, то есть все действия в рамках производства по делам об административных правонарушениях совершать в рамках одной цифровой платформы. Явный плюс выражается в стандартизации: единый журнал действий, единые правила, единый источник данных и т.д. Однако минусом является то, что реализовать данный способ крайне сложно по политическим и организационным причинам: нужно будет перестроить процессы работы многих ведомств, поднимется

¹ Чаннов С.Е., Амелин Р.В. Правовое обеспечение разработки и использования муниципальных информационных систем // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 1. С. 55–56.

² Калмыков Г.И., Анисифорова М.В. Особенности применения цифровых средств в производстве по делам об административных правонарушениях // Научный портал МВД России. 2023. № 1 (61). С. 28.

вопрос о разделении доступа к определенным данным, к такому объему данных и т.д.

Второй способ представляется нам более разумным и заключается в следующем: ведомственные системы сохраняются, однако поверх них создается единая цифровая платформа, обеспечивающая их взаимодействие. В рамках такой платформы можно будет создать единый реестр дел, обеспечивать хранение документов, передачу материалов дела и т.д. То есть не придется изменять ведомственные информационные системы, которые создавались годами и на которые были потрачены значительные денежные средства. Потребуется лишь унификация протоколов обмена данными в рамках общей цифровой платформы, состава обязательных метаданных, требования к ведению журналов действий и т.д. В противном случае цифровизация в производстве по делам об административных правонарушениях так и останется на уровне разрозненных сервисов, которые плохо согласовываются между собой.

Также потребуется установить субъект (орган власти), который определит соответствующие единые правила в рамках цифрового взаимодействия. Наряду с этим потребуется оператор, который будет отвечать за работоспособность информационной системы, ее доступность, обновление, сопровождение и восстановление в случае сбоев и т.д.

Отдельное внимание стоит уделить вопросу ответственности за данные и их качество, так как для производства по делам об административных правонарушениях достоверность данных играет важную роль. Более того, значимы не только документы, но и метаданные, журналы событий, идентификаторы файлов и т.д. В случае, когда ответственного лица не будет, это может привести к распространению ошибок, возникновению расхождений между различными цифровыми платформами и т.д. Как следствие, участник производства по делам об административных правонарушениях может испытать негативные последствия не из-за своего поведения, а по причине

дефектов обработки информации в цифровом пространстве, что явно недопустимо в правовом государстве.

Не менее значимой является кадровая составляющая проблемы: человек в любом случае был и будет оставаться субъектом соответствующих правоотношений, и ни одна технология не сможет его полностью заменить. Именно поэтому некоторые проблемы реализации технических решений связаны непосредственно с кадровой природой: должностные лица допускают ошибки в заполнении электронных форм, неверно интерпретируют и анализируют цифровые (электронные) доказательства, не соблюдают установленные правила и регламенты применения цифровых технологий и т.д.

В научной литературе обоснованно отмечается, что цифровизация производства по делам об административных правонарушениях требует не только технического оснащения и соответствующей правовой базы, но и наличия единых требований к подготовке судей и должностных лиц, рассматривающих дела с использованием цифровых технологий, с последующим внедрением обязательных программ переподготовки и повышения квалификации. Соответствующие идеи, в частности, высказываются О.А. Капустиным, который рассматривает модель цифровых компетенций как основу для программ дополнительного образования и переподготовки¹, а также П.П. Востриковым и А.А. Скобелевым, которые обосновывают необходимость разработки и внедрения обучающих модулей-программ – неких аналогов автоматизированных информационных систем. Такие стимуляторы, как отмечают исследователи, способны эффективно сформировать необходимые навыки и умения в работе с цифровыми платформами у судов².

В этой связи целесообразно внести изменения в Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей

¹ Капустин О.А. Цифровые компетенции как элемент профессиональных статусов судей и работников аппарата суда // Администратор суда. 2021. №. 2. С. 18.

² Востриков П.П., Скобелев А.А. Цифровизация судебной деятельности: особенности подготовки специалистов для судебной системы российской федерации в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2025. №. 6. С. 38.

федеральных судов, утвержденное постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2018 г.¹, и дополнить данный акт положениями о специальной подготовке судей по вопросам применения цифровых технологий в судопроизводстве. Одновременно представляется необходимым предусмотреть в ведомственных регламентах обязательные положения об обучении и повышении квалификации должностных лиц, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях, в части использования цифровых технологий.

Из изложенного следует обоснованный вывод о необходимости постоянного обучения и аттестации для лиц, которые осуществляют непосредственное взаимодействие с цифровыми технологиями в процессе производства по делам об административных правонарушениях. По причине того, что участие человека является незаменимым, ставка на компетенцию вполне обоснована и оправдана.

В целом можно сделать следующий ряд выводов.

В настоящее время существуют следующие группы проблем, связанных с внедрением цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях: нормативно-правовые проблемы, технические проблемы, доказательственные проблемы, организационно-управленческие и кадровые проблемы.

Нормативно-правовые проблемы цифровизации в КоАП РФ можно концептуально свести к следующему: фрагментарность цифровых норм, зависимость использования цифровых технологий от подзаконных актов, наличие обязательного бумажного дублирования, что не позволяет цифровым инструментам стать полноценными механизмами в рамках КоАП РФ.

Технические проблемы проявляются в наличии сбоев, ошибок в работе цифровых технологий, а также в наличии киберугроз. Ситуации, когда тот или иной информационный сервис не работает, не открывается электронный

¹ Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 18.04.2018) (ред. от 22.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406366/ (дата обращения: 27.04.2026).

документ, прерывается ВКС и т.д., свидетельствуют о том, что технология начинает влиять на реальный объем прав, тогда как это недопустимо в рамках правового государства. В этой связи рекомендуется на законодательном уровне устанавливать минимальные требования к компьютерному оборудованию, скорости интернета и программному обеспечению для органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях. Также представляется целесообразным рассмотреть вопрос о разработке и внедрении единых стандартов обеспечения информационной безопасности и проведения технического аудита цифровых технологий, применяемых в производстве по делам об административных правонарушениях. В противном случае цифровые возможности остаются лишь формальными, фактически являясь уязвимыми со стороны внешнего воздействия и при наличии внутренних ошибок.

Доказательственная группа проблем связана с отсутствием комплексного нормативного регулирования электронных доказательств. Судебная практика выявила серьёзные проблемы при определении допустимости и надежности электронных доказательств, что приводит к неоднородности судебных решений и нарушению принципа равенства перед законом. Отсутствие единых критериев оценки видеозаписей с автоматизированных комплексов фиксации, использования общедоступных геоинформационных систем и беспилотных летательных аппаратов создаёт правовую неопределённость.

Организационно-управленческие проблемы сводятся к отсутствию цифрового взаимодействия между судами и органами, осуществляющими производство по делам об административных правонарушениях: каждый орган имеет свою собственную информационную систему и обмен данными между ними ограничен, следовательно, цифровой процесс в данном случае не является сквозным. Решение проблемы видится в сохранении ведомственных систем с созданием поверх них единого сквозного цифрового контура, обеспечивающего их взаимодействие.

Кадровая составляющая проблемы является не менее значимой, и она сводится к отсутствию надлежащей компетенции у судей и должностных лиц

во взаимодействии с цифровыми инструментами. Отсутствие единой системы подготовки и переподготовки кадров создаёт риск неправильного применения цифровых технологий. Решение данной проблемы видится в создании соответствующих образовательных программ, симуляторов, проведении обязательной аттестации и т.д.

§ 2. Перспективные направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях

К числу наиболее перспективных направлений цифровизации производства по делам об административных правонарушениях следует отнести внедрение технологий искусственного интеллекта и средств алгоритмической автоматизации.

Алгоритмическая автоматизация применима в случаях, когда действие носит формализованный характер и выполняется по заранее заданной логике. Формализованный характер подразумевает работу алгоритма в рамках жестко установленных условий, которые можно выразить формулировкой «если, то»¹.

Применительно к производству по делам об административных правонарушениях такая технология может проявляться в автоматической проверке обязательных реквизитов, приложенных материалов, в контроле сроков, в том числе путем автоматического уведомления о приближении или истечении процессуальных сроков, в автоматическом формировании процессуальных документов на основе заранее заданных шаблонов, фиксации действий в электронном журнале, систематизации материалов дела и т.д.

Такой уровень автоматизации не подразумевает «обучения» или вероятностных выводов, а потому уместен в случаях, когда процедура

¹ Пальмов С.В., Кузнецов Н.И., Садыков В.И. Сравнительный анализ BPMS, основанных на правилах и нейросетевых моделях принятия решений // Индустриальная экономика. 2025. №. 7. С. 93.

достаточно стандартизирована и предполагает не разрешение дела по существу, а выполнение технического или формализованного процессуального действия.

Алгоритмическая автоматизация может применяться как с участием человека, так и без его участия. В первом случае человек проверяет результат автоматизации и принимает юридически значимое решение, тогда как во втором случае проверка в отношении каждого результата не проводится, а потому система самостоятельно выполняет несложные формальные действия. В то же время автоматизация вовсе не означает полный отказ от юридической оценки процессуальных действий, так как должностное лицо осуществляет общий контроль корректной работы соответствующих алгоритмов.

Ю.В. Трунцевский и В.В. Севальнев подчеркивают, что такие технологии крайне привлекательны, так как обладают способностью самостоятельно выполнять и автоматизировать определенные действия, при этом экономя время и затраты, а также могут использоваться в процессах с высокой степенью регулирования¹. Данное положение особенно актуально для производства по делам об административных правонарушениях, поскольку процессуальные действия в большинстве случаев носят повторяющийся характер.

Алгоритмическая автоматизация имеет особое значение в вопросах прозрачности и неизменности данных. Каждое автоматизированное действие должно подлежать фиксации в электронном журнале с указанием даты, времени его совершения, содержания выполненного действия, используемых данных, а также должностного лица, которое ответственно за применение такой технологии. Именно такой подход позволит повысить проверяемость доказательственной информации в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

¹ Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №. 1. С. 120.

В исследованиях последних лет подчёркивается, что такие технологии способны не только обеспечить прозрачность и защиту данных, но и минимизировать ошибки и влияние человеческого фактора¹.

Алгоритмическая автоматизация в производстве по делам об административных правонарушениях – это не автоматизация любого решения или вопроса по существу. В данном случае речь идет про автоматизацию исполнения и технического сопровождения отдельных процедур.

Алгоритмическая автоматизация является технологическим механизмом реализации заранее predetermined процедурных последствий, возникших в силу решения правоприменителя. Такой механизм обеспечивает прозрачность, проверяемость, единообразие исполнения, что полностью соответствует принципам и задачам законодательства об административных правонарушениях.

Так, к примеру, должностное лицо может внести в информационную систему сведения о лице, о событии правонарушения, тогда как средства алгоритмической автоматизации проверит полноту таких сведений, сформирует проект протокола, отразит соответствующие сведения в электронном журнале и подготовит уведомление для участника производства. Однако вновь стоит подчеркнуть, что вывод о наличии состава административного правонарушения принимает именно уполномоченный на то субъект.

В научной доктрине верно отмечается, что алгоритмическую автоматизацию не стоит бездумно включать во все случаи, а потому законодателю стоит четко определить сферы, где такое применение должно находиться под запретом. Стоит также уделить особое внимание вопросам технической безопасности². Так, к запретной сфере можно отнести любые решения, где необходима именно индивидуальная оценка, а не формальное действие. В качестве примера можно привести определение вида и размера

¹ Филипович А.А. Цифровая трансформация налогового администрирования: влияние на собираемость налогов, комплаенс и развитие экономики // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s4. С.7.

² Кузнецова С.С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта // Правоприменение. 2022. Т. 6. №. 1. С. 134.

наказания, разрешение ходатайств, жалоб, оценку доказательств, установление виновности лица, разрешение отводов и т.д.

Следовательно, стоит согласиться с мнением Н.А. Назарова, отмечающего, что автоматизация в сфере принятия юридически значимых решений в государственной сфере порождает также и определенные риски¹.

В настоящее время в КоАП РФ отсутствует общая норма, прямо допускающая использование алгоритмической автоматизации в производстве по делам об административных правонарушениях, что снижает эффективность соответствующего процесса в условиях цифровизации государственного управления. В то же время чрезмерная детализация применения алгоритмической автоматизации представляется излишней, так как значительная часть данных вопросов носит технический и организационный характер, а потому может быть урегулирована на подзаконном уровне.

В этой связи целесообразно в главе 24 КоАП РФ закрепить ст. 24.10 «Применение алгоритмической автоматизации в производстве по делам об административных правонарушениях». Закрепление данной статьи в главе 24 КоАП РФ обусловлено тем, что норма должна носить общий характер и подлежать применению на всех стадиях производства.

В предлагаемой норме следует закрепить само понятие алгоритмической автоматизации, пределы ее применения, запретные сферы применения, возможность автоматизированного формирования отдельных процессуальных документов, общие положения об ответственности разработчика и органа (должностного лица), использующего данную технологию.

Внедрение алгоритмической автоматизации в производство по делам об административных правонарушениях требует комплексной нормативной базы, включающей не только дополнения к КоАП РФ, но и принятие специальных нормативных актов для создания цифровой инфраструктуры.

¹ Назаров Н.А. Автоматизированное принятие юридически значимых решений в сфере государственного управления: правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. С. 4.

Так, предлагается разработать Постановление Правительства РФ, в котором необходимо отразить перечень допустимых автоматизированных действий, технические требования к автоматизированным технологиям, порядок автоматического формирования процессуальных документов, правила ведения электронного журнала, меры защиты обрабатываемой информации, правила о техническом аудите, порядок выявления и устранения ошибок и неисправностей. Отдельные технические аспекты могут быть конкретизированы на ведомственном уровне.

Таким образом, предлагается двухуровневая модель регулирования алгоритмической автоматизации. На уровне КоАП РФ должна быть закреплена разрешительная норма, определяющая общие положения применения, тогда как на подзаконном уровне необходимо урегулировать технические и организационные аспекты применения такой технологии.

Следует отметить, что алгоритмическая автоматизация уже получила достаточно широкое распространение в зарубежных государствах. Так, во Франции соответствующие технологии применяются при оформлении и обработке электронных протоколов о правонарушениях в рамках системы PVe (*procès-verbal électronique*). Функционирование данной системы обеспечивается Национальным агентством автоматизированной обработки правонарушений (ANTAI), деятельность которого регламентируется Декретом № 2011-348 от 29 марта 2011 г.¹.

После установления должностным лицом факта совершения правонарушения соответствующие сведения вносятся в электронную форму, после чего данные шифруются и передаются в Национальное агентство автоматизированной обработки правонарушений. Алгоритмическая автоматизация в рамках данной системы проявляется, в частности, в автоматизированном формировании уведомления о административном штрафе для правонарушителя, приеме и регистрации электронных жалоб, их

¹ Décret n° 2011-348 du 29 mars 2011 portant création de l'Agence nationale de traitement automatisé des infractions [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000023791865> (дата обращения: 12.05.2026).

распределении для последующего рассмотрения уполномоченным органом, а также в учете оплаты административных штрафов.

Стоит также отметить и перспективность технологий ИИ в производстве по делам об административных правонарушениях. В научной литературе можно встретить множество определений ИИ. Так, А.А. Щитова предлагает под этой технологией понимать «такие системы, степень автономности которых настолько высока, что они способны самостоятельно обучаться и переобучаться, а также принимать осознанные решения как на основе выводов из предыдущего опыта, так и при взаимодействии с окружающей средой»¹.

В таких случаях речь идет уже не просто о проверке полей для заполнения, реквизитов и т.д., а о комплексном анализе данных, предложении нескольких вариантов решения ситуации и т.д.

Не вызывает сомнений, что в ближайшей перспективе многие рутинные и относительно несложные действия и операции, совершаемые государственными и муниципальными служащими, могут быть переданы для выполнения искусственным интеллектом.

П.М. Морхат пишет, что «современный уровень развития технологий позволяет задействовать юниты искусственного интеллекта для достижения разнообразных целей в самых разных сферах общественной жизни, делегируя таким системам всё большие объёмы задач, не только традиционно выполняемых человеком, но и недостижимых (или крайне затруднительных) по своей сложности для решения человеком»².

Получение и анализ информации в государственном секторе также способны происходить с помощью технологий искусственного интеллекта. Игнорирование данных технологий и нежелание внедрять их в свою деятельность может привести к сокращению возможностей по эффективному, оперативному и экономически обоснованному осуществлению

¹ Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 38.

² Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. С. 47.

государственных функций. В обществе это будет восприниматься как архаичность и излишняя бюрократичность системы государственного управления, а также как неспособность органов власти решать современные задачи и потребности государства в прежнем режиме¹.

Идеи необходимости системного и всестороннего внедрения ИИ разделяет и В.Н. Лексин, подчеркивая, что ИИ становится не просто технологией, но и важнейшим элементом государственной политики: от разработки стратегий цифрового развития до реализации конкретных проектов в сфере государственного управления. При этом В.Н. Лексин акцентирует внимание на важности учета как международного опыта, так и отечественных особенностей при формировании государственной стратегии внедрения ИИ².

И.В. Понкин отмечает, что успех ИИ-инициатив зависит от наличия исчерпывающих нормативно-правовых механизмов. Автор анализирует существующие законодательные основы и подчёркивает необходимость их дальнейшего развития для поддержки цифровых трансформаций³.

На данный момент активно ведутся дискуссии об использовании ИИ на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях. Считается, что ИИ сможет снизить количество ошибок в принимаемых решениях, определить направление будущего развития системы защиты прав в России и обеспечит более эффективный анализ, требующий минимальных временных затрат. Однако идея внедрения ИИ в юрисдикционный процесс также вызывает обоснованные сомнения, так как неизбежно поднимаются вопросы достоверности и объективности алгоритмических выводов, воспроизводимости результатов и их проверка участниками производства.

¹ Кабанова Е.Е. Искусственный интеллект в государственном управлении: ключевые проблемы и перспективы применения // Russian Journal of Management. 2025. № 2. С. 10.

² Лексин В.Н. Искусственный интеллект как предмет и средство государственной политики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 2. С. 71.

³ Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 11 (99). С. 108.

Е.В. Евсикова прямо выражает опасения в связи с деиндивидуализацией в случае активного внедрения ИИ, так как получится, что решение будет принимать машина (искусственный интеллект), а не судья¹.

Следовательно, необходимо определить такие ситуации, где не допускается применение ИИ. К числу таковых можно отнести случаи усмотрения и оценочного суждения. ИИ может применяться для автоматизированного контроля процессуальных сроков и фиксации юридически значимых событий электронного дела, подтверждения факта поступления документов и изменения их процессуального статуса, контроля полноты обязательных реквизитов электронных форм и т.д.

При этом перспективы внедрения алгоритмической автоматизации и искусственного интеллекта в производство по делам об административных правонарушениях требуют разграничения уровней их допустимого применения. Представляется возможным выделить технический, аналитический, рекомендательный и недопустимый уровни использования таких технологий.

Технический уровень связан с фиксацией, поиском, сортировкой, хранением и обработкой информации, а также с контролем сроков, проверкой обязательных реквизитов, регистрацией процессуальных действий и формированием электронного журнала. На данном уровне цифровая технология не подменяет правовую оценку, а обеспечивает техническое сопровождение производства.

Аналитический уровень предполагает использование цифровых технологий для выявления признаков административного правонарушения, сопоставления сведений, проверки полноты материалов дела и формирования вспомогательных выводов. При этом такие выводы не имеют самостоятельного юридического значения и подлежат обязательной проверке уполномоченным должностным лицом.

¹ Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 127.

Рекомендательный уровень выражается в возможности формирования системой проекта процессуального документа или варианта процессуального решения. Однако такой результат должен рассматриваться исключительно как вспомогательная информация, поскольку итоговое решение по делу может быть принято только судьей, органом или должностным лицом, уполномоченным рассматривать дело об административном правонарушении.

Недопустимый уровень связан с самостоятельным принятием системой юридически значимого решения о виновности лица, назначении административного наказания, прекращении производства по делу либо ограничении процессуальных прав участников. Такое применение алгоритмической автоматизации и искусственного интеллекта противоречило бы природе административно-юрисдикционной деятельности, поскольку вопросы вины, доказанности, индивидуализации ответственности и соблюдения процессуальных гарантий требуют оценки уполномоченного субъекта.

Отдельного внимания заслуживает проблема правосубъектности искусственного интеллекта. В современной правовой доктрине отсутствует единый подход к возможности признания систем искусственного интеллекта самостоятельными субъектами права. Так, А.А. Богустов отрицает наличие у искусственного интеллекта самостоятельной правосубъектности¹. Определенный интерес представляет позиция С.Е. Чаннова, который рассматривает роботов и системы искусственного интеллекта через конструкцию субъекта (квазисубъекта) права. Использование категории «квазисубъект» позволяет обозначить особое положение системы искусственного интеллекта, обладающей определенной степенью автономности и способной совершать действия, влекущие юридически значимые последствия, не приравнивая при этом такую систему к полноценному субъекту права².

¹ Богустов А.А. К дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта // Право цифровой экономики. М.: Статут, 2022. С. 169.

² Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 94.

Представляется верным распределять ответственность за последствия применения алгоритмов ИИ между следующими субъектами:

- разработчик технологии ИИ – ответственен за дефекты, ошибки в коде, за нарушение обязательных требований по безопасности и качеству технического продукта;
- орган и должностное лицо – за принятие незаконного решения, за неправильное использование информационной системы, за халатное отношение, выраженное в отсутствие проверок результатов цифровой технологии;
- оператор инфраструктуры – за нарушения, связанные с режимом данных.

Именно вышеприведенная модель позволяет не допустить ложного понимания ответственности самой технологии за результат, а также не превращает ИИ в способ размывания ответственности между лицами, которые действительно виновны.

Рассматривая в связи с данным вопросом аспект презумпции невиновности, стоит отметить, что применительно к каждому субъекту необходимо самостоятельно установить наличие противоправных признаков поведения, причинную связь между нарушением и последствиями применения ИИ, форму вины в рамках конкретного вида юридической ответственности. То есть сам факт ошибочного применения результата ИИ не влечет автоматически вину кого-либо из перечисленных 3 субъектов. Распределение ответственности вовсе не означает отказ от презумпции невиновности, она все так же продолжает действовать.

С учетом вышеизложенного наиболее обоснованным представляется использование ИИ именно как инструмента предварительной технической проверки материалов дела и интеллектуальной поддержки, то есть не стоит воспринимать его как автоматического «решателя» дела по существу. К примеру, после заполнения соответствующей формы технология ИИ способна проанализировать имеющуюся информацию и высказать позицию о

наличии или отсутствии признаков состава правонарушения, сформировать проект процессуальных документов или же проверить существующий процессуальный документ на наличие в нем ошибок.

На стадии доказывания ИИ может выполнять функции сортировки, поиска и проверки согласованности данных. Также ИИ может производить автоматическую классификацию поступающих доказательств, связывать их с обстоятельствами, которые подлежат выяснению, фиксировать метаданные файлов, формировать перечень вопросов, которые необходимо выяснить и уточнить и т.д.

Однако стоит подчеркнуть, что само возбуждение производства по делам об административных правонарушениях, утверждение протокола и принятие других важных решений должно производиться после проверки соответствующей информации должностным лицом.

Безусловно, вопросы правового регулирования участия ИИ в правозащитной системе до конца не решены ни в России, ни в мире, но некоторые исследователи (например, В.А. Сухомлин¹, О.В. Качалова², К. Jakobs³, Т.М. Egyedi, М.Н. Sherif⁴) пишут о необходимости основываться на технических стандартах и рекомендациях. Можно предположить, что следующим шагом, на который пойдет законодатель, станет полноценная разработка стандартов обращения к цифровым технологиям и ИИ.

Как было справедливо отмечено А.С. Брычевым, «автоматизация процессов анализа данных и принятия решений с использованием ИИ позволит снизить административные издержки, ускорить реализацию государственных

¹ Сухомлин В.А. Система международной стандартизации в области ИТ, ее роль в развитии информационной индустрии и принципы функционирования // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2022. Т. 18. № 2. С. 413.

² Качалова О.В. Европейские стандарты применения информационных технологий в судопроизводстве в условиях современных вызовов и угроз // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 101.

³ Jakobs K. ICT standardisation - co-ordinating the diversity // 2008 First ITU-T Kaleidoscope Academic Conference – Innovations in NGN: Future Network and Services. Geneva, Switzerland: IEEE Computer Society, 2008. P. 119.

⁴ Egyedi T.M., Sherif M. H. Standards' dynamics through an innovation lens: Next generation ethernet networks // 2008 First ITU-T Kaleidoscope Academic Conference – Innovations in NGN: Future Network and Services. Geneva, Switzerland: IEEE Computer Society, 2008. P. 129.

программ»¹. Однако результат работы ИИ носит именно вспомогательный характер, а потому он подлежит обязательной проверке должностным лицом, так как окончательная квалификация и принятие процессуального решения остаются проявлением юридической оценки, требующей учета обстоятельств конкретного дела.

Е.В. Евсикова и К.В. Ковалишина предполагают, что такое нововведение существенно упростит деятельность органов и должностных лиц, исключит человеческий фактор и повысит беспристрастность их работы, предотвратит формирование так называемой «региональной практики», снизит сроки обработки материалов и нагрузку на органы и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях².

Примечателен для нас также и опыт Китая в использовании технологий ИИ в судебной системе, свидетельствующий о том, что ИИ рассматривается именно как технология интеллектуальной поддержки, но не заменяет деятельность человека полностью. Так, в п. 5 мнения Верховного народного суда Китая о регулировании и укреплении применения искусственного интеллекта в судебной сфере («Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Field»)³ указано, что технологии ИИ ни при каких обстоятельствах не могут принимать судебные решения и заменять судью. Все результаты, которые были получены в ходе применения технологий ИИ, должны быть использованы только как справочный материал. Закрепляется гарантия того, что все судебные решения принимаются именно судьей и вся ответственность лежит именно на том лице, которое и принимает соответствующее решение. То есть в Китае модель применения ИИ строится вокруг идеи интеллектуального помощника, который оказывает судье содействие в решении рутинных задач.

¹ Брычев А.С. Государственное управление и искусственный интеллект: новые возможности для малого и среднего бизнеса // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. №. 5S. С. 15.

² Ковалишина К.В., Евсикова Е.В. Проблемы осуществления производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации // Образование и право. 2023. №. 1. С. 356.

³ The Supreme People's Court «The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields», 2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html> (дата обращения: 19.04.2026).

В отечественном праве уже предпринимаются определенные шаги для формирования правового каркаса по использованию технологий искусственного интеллекта. Так, 17 марта 2026 г. на веб-сайте <https://regulation.gov.ru> опубликован законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – законопроект)¹.

В п. 2 ст. 9 исследуемого законопроекта устанавливается обязанность для лица, использующего технологии ИИ с целью принятия автономных решений, затрагивающих права, обязанности, свободы и законные интересы гражданина, уведомлять об этом соответствующего гражданина. Данная норма представляется несовершенной, а потому предлагается исключить термин «лицо», чтобы не создавалось ложное впечатление, что речь идет исключительно о частноправовых субъектах. Дело в том, что органы публичной власти также могут использовать технологии ИИ при принятии автоматизированных решений, в том числе в производстве по делам об административных правонарушениях, что способно влиять на права и свободы граждан.

Примечательно также то, что в анализируемой норме обязанность по уведомлению возникает лишь тогда, когда решения ИИ принимаются автоматически. Однако если рассматривать данное положение применительно к производству по делам об административных правонарушениях, то здесь данные технологии зачастую применяются как вспомогательные инструменты, которые лишь осуществляют содействие в анализе доказательств, сборе информации, подготовке процессуальных документов и т.д.

Вместе с тем даже в таком случае технологии ИИ способны оказывать существенное влияние на права и интересы граждан, и по этой причине граждане должны быть осведомлены, что в отношении них применяются

¹ Законопроект Министерства цифровизации РФ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения: 28.04.2026).

технологии ИИ. Следовательно, анализируемая норма нуждается в соответствующих корректировках.

В рамках настоящего исследования представляет интерес и опыт зарубежных государств в рассматриваемой сфере. К примеру, в п. 1 арт. 50 Регламента ЕС 2024/1689 (AI Act) установлено, что технологии ИИ должны быть разработаны таким образом, чтобы физические лица были проинформированы о том, что они взаимодействуют с системой ИИ за исключением случаев, когда это «очевидно»¹.

В п. 1 арт. 86 данного Регламента устанавливается право лица при наличии определенных условий получить информацию о «роли системы ИИ в процессе принятия решений и основных элементах принятого решения».

Во Франции правовая регламентация технологий ИИ в публичном секторе находит свое отражение в Кодексе взаимоотношений между общественностью и администрацией («Code des relations entre le public et l'administration») (далее – Кодекс взаимоотношений Франции)².

Так, из арт. L311-1 Кодекса взаимоотношений Франции следует, что орган публичной власти, принимающий индивидуальное решение на основе алгоритмической обработки данных, должен уведомить об этом заинтересованное лицо. Такому лицу должны быть также сообщены правила обработки и основные характеристики ее осуществления.

В арт. R311-3-1-2 Кодекса взаимоотношений Франции перечисляются четыре блока информации, которые должен предоставить публичный орган власти при поступлении соответствующего запроса от лица:

- степень и метод влияния алгоритмической обработки на процесс принятия решений;
- обрабатываемые данные и их источники;
- параметры обработки;

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN-PL/TXT/?from=PL&uri=CELEX%3A32024R1689> (дата обращения: 28.04.2026).

² Code des relations entre le public et l'administration [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000031366350/2026-04-11 (дата обращения: 28.04.2026).

– операции, выполняемые в процессе обработки данных.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что лицо, в отношении которого применяются технологии искусственного интеллекта, имеет право знать не только о самом факте использования таких технологий в отношении него, но и об определенном объеме сведений, характеризующих соответствующее применение. Вместе с тем вопрос определения объема таких сведений носит дискуссионный характер, поскольку при его решении необходимо обеспечить баланс частных и публичных интересов.

Использование технологий ИИ должно строиться на принципах прозрачности и проверяемости сведений. В исследуемом законопроекте можно найти нормы опосредованного характера, которые указывают на данные принципы, например, в пп. «в» п. 1 ст. 10 на разработчика ИИ возлагается обязанность «документировать архитектуру, логику функционирования и ограничения применяемых моделей искусственного интеллекта в объеме, необходимом для ее проверки на соответствие нормативному правовому регулированию». Также в п. 4 ст. 9 законопроекта гражданину предоставлено право на досудебное обжалование решений и действий (бездействия) органов публичной власти, которые были приняты или совершены с использованием ИИ.

Стоит признать, что если лицо не обладает информацией о характере используемых в отношении него технологий ИИ, то его право на защиту оказывается под угрозой, и применительно к производству по делам об административных правонарушениях это будет вступать в противоречие с положениями ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ.

Именно по этой причине некоторые исследователи высказываются в пользу полного раскрытия алгоритмов, которые применяются технологиями ИИ в публичном секторе. В качестве примера можно привести позицию американского исследователя, который пишет, что «автоматизированное управление в публичном секторе усиливает потребность в раскрытии ключевых

сведений о том, каким именно образом оно функционирует, а также как принимаются такие решения»¹.

В аналитическом документе организации Public Law Project отмечается, что орган власти должен заблаговременно и четко информировать о наличии ИИ или автоматизации на любом этапе принятия решений. Особо подчеркивается, что раскрытие информации об ИИ должно осуществляться заранее и по инициативе самого государства².

Э.В. Талапина пишет, что прозрачность регулирования отношений, связанных с применением технологий ИИ, начинается лишь с момента, когда лицо осведомлено о применении таких технологий³.

П.П. Кабытов и Н.А. Назаров, анализируя прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений, рассматривают также возможность раскрытия программного кода и (или) модели искусственного интеллекта, так как это создает возможность общественного контроля для выявления неисправностей. Однако авторы справедливо отмечают как законодательные, так и политические ограничения, которые делают невозможным полное публичное раскрытие программного кода технологий ИИ, используемых в публичном секторе⁴.

Дело в том, что программный алгоритм, используемый технологиями искусственного интеллекта, относится к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности (программам для ЭВМ). Помимо этого, такой алгоритм может охраняться и как информация, составляющая коммерческую тайну организации – владельца сервиса искусственного интеллекта.

В этой связи примечателен пример из практики испанского Верховного Суда, который обязал центральную государственную администрацию (действующую под руководством Правительства Испании) передать фонду

¹ Bloch-Wehba H. Access to Algorithms // Fordham Law Review. 2020. Т. 88. С. 1271.

² Public Law Project response to the AI White Paper consultation [Электронный ресурс] // URL: <https://publiclawproject.org.uk/content/uploads/2023/06/Public-Law-Project-AI-white-paper-consultation-response.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

³ Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №. 3. С 9.

⁴ Кабытов П.П., Назаров Н.А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №. 3. С. 46.

Cívio исходный код приложения BOSCO. На основе технологий ИИ определяет, соответствует ли заявитель установленным условиям для признания его в качестве «потребителя в уязвимом положении» для предоставления ему социальной льготы по оплате электроэнергии¹.

Суд в своем решении опирался на право граждан на доступ к общественной информации, подчеркивая, что такое право имеет особое значение с учетом рисков, связанных с использованием новых технологий при осуществлении государством своих полномочий. В подобных случаях возникает требование прозрачности применяемых информационных технологий, и в отдельных ситуациях это может обуславливать раскрытие исходного кода («lo que puede requerir, en ocasiones, el acceso a su código fuente») для того, чтобы произвести проверку на соответствие алгоритмов требованиям права.

Во Франции весьма примечателен судебный прецедент с автоматизированной платформой Parcoursup². Данная платформа применяется в рамках процедуры при поступлении абитуриентов в высшие учебные заведения, а точнее обеспечивает обработку заявок от абитуриентов. Так, Национальный союз студентов Франции обратился с требованием к Университету Вест-Индии предоставить информацию о применяемых алгоритмах, а также соответствующие исходные коды данной технологии. То есть заявители требовали не только получения общей информации о работе алгоритмов, но и желали ознакомиться с технической информацией о работе данной платформы. Изначально суд первой инстанции вынес решение в пользу истца и указал предоставить запрошенные документы в течение одного месяца под угрозой штрафа в размере 100 евро за каждый день просрочки, однако позже Государственный совет Франции (Conseil d'État) отменил данное

¹ Tribunal Supremo (Sala de lo Contencioso-Administrativo, Sección Tercera). Sentencia núm. 1119/2025, de 11 de septiembre de 2025, STS 3826/2025 – ECLI:ES:TS:2025:3826 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.poderjudicial.es/search/openDocument/27d0d44d33b0dd21a0a8778d75e36f0d> (дата обращения: 28.04.2026).

² Conseil d'État. Décision n° 427916 du 12 juin 2019, ECLI:FR:CECHR:2019:427916.20190612 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/2019-06-12/427916> (дата обращения: 28.04.2026).

решение. В качестве обоснования было отмечено, что в отношении Parcoursup действует специальный правовой режим доступа к информации, и такой особый режим отступает от общего порядка доступа к административным документам. Таким образом, французский суд не признал право на общий доступ к программному коду информационной технологии, которая используется в публичной сфере.

Внутри стран наблюдается неоднородная практика. К примеру, ранее в Италии суды высказывались за прозрачность применяемых в государственном секторе алгоритмов и указывали на необходимость иметь полное представление о компьютерной программе, отмечая, что реализация данного права может быть осуществлена только путем раскрытия соответствующего исходного кода («di avere piena contezza anche del programma informatico che può aversi solo con l'acquisizione del relativo linguaggio sorgente»)¹.

В другом судебном деле суд Италии отмечает необходимость гарантии прозрачности компьютерного алгоритма, так как это необходимо для проверки соответствия результатов роботизированной процедуры требованиям законодательства («procedimento robotizzato») и возможности обжалования таких решений².

Иными словами, при анализе автоматизированного решения суд должен осуществлять оценку каждой стадии его функционирования – от этапа разработки программного кода до непосредственного применения соответствующей технологии.

В то же время относительно недавняя судебная практика свидетельствует о наличии отрицательного подхода к вопросу раскрытия исходного кода автоматизированных информационных систем, используемых в публичном секторе.

¹ TAR Lazio (Sezione Terza Bis). Sentenza 22 marzo 2017, № 3769 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.studiolegalestefanelli.it/Media/Sentenze/tar-lazio-2017-3769.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

² Consiglio di Stato (Sezione Sesta). Sentenza 8 aprile 2019, № 2270, [Электронный ресурс] // URL: <https://www.medialaws.eu/wp-content/uploads/2019/11/Consiglio-di-Stato-sez.-VI-8-aprile-2019-n.-2270.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

К примеру, в деле по поводу платформы e-procurement истцу было отказано в предоставлении исходного кода по той причине, что сама платформа была квалифицирована не как система, автоматически принимающая решения, а как система вспомогательного характера. Само же решение в конечном итоге принимал судья¹. То есть суд провел демаркацию между алгоритмическим административным решением («decisione amministrativa algoritmica») и алгоритмом простой поддержки («lgoritmo di mero supporto»). Суд указал, что режим повышенной прозрачности должен применяться лишь в первом случае («decisione amministrativa algoritmica»), добавив также то, что программный код информационной технологии подпадает под защиту прав интеллектуальной собственности.

В то же время есть прецеденты, когда заявители добивались не полного раскрытия кода, а раскрытия архитектуры и логики функционирования технологий ИИ, например, как это было в США в деле State v. Loomis².

Так, в США во многих штатах, в том числе и в штате Висконсин, где и произошел судебный спор, используется такая технология ИИ, как «Исправительное управление правонарушителем, профилированное для альтернативных санкций» (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions – COMPAS) от компании Equivant. Данная технология на основе встроенного в нее вопросника анализирует криминальную историю обвиняемого, в частности, сведения о соблюдении им условий испытательного срока, данные о личности обвиняемого, информацию, связанную с его трудовой деятельностью, а также иные обстоятельства. По результатам обработки указанных данных программа формирует заключение о вероятности рецидива, которое, в свою очередь, способно оказывать влияние на решение суда о виде и размере наказания.

¹ Consiglio di Stato (Sezione Quarta). Sentenza 4 giugno 2025, № 4857 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.studiolegalemescia.com/wp-content/uploads/2025/06/Consiglio-di-Stato-Sezione-Quarta-Sentenza-4-giugno-2025-n.-4857.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

² State v. Loomis: Wisconsin Supreme Court Requires Warning Before Use of Algorithmic Risk Assessments in Sentencing [Электронный ресурс] // URL: <https://harvardlawreview.org/2017/03/state-v-loomis/> (дата обращения: 28.04.2026).

Вместе с тем было установлено, что подобные технологии могут формировать дискриминационные выводы, поскольку используемые алгоритмы нередко воспроизводят существующие социальные и статистические диспропорции, в том числе связанные с расовыми различиями в правоприменительной практике.

В этой связи в Верховный суд Висконсина поступил иск с требованием раскрыть логику алгоритма принятия решения. Верховный суд отметил, что конфиденциальный характер технологии COMPAS мешает оспаривать произведенную оценку, однако подчеркнул, что данная технология не принимает решения: именно судья анализирует всю информацию по делу и может всегда отклониться от заключения, выданного ИИ, или же согласиться с ним, а потому заявитель может добиваться защиты своих прав путем оспаривания именно решения суда.

Анализ научной доктрины, а также зарубежной правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о том, что требование полного публичного раскрытия программного кода используемой технологии искусственного интеллекта представляется необоснованным. Это обусловлено тем, что подобный подход может повлечь нарушение прав интеллектуальной собственности, режима коммерческой тайны, а также создать угрозы информационной безопасности, поскольку лица, получившие доступ к исходному коду, потенциально способны выявить уязвимости системы в целях ее обхода или иного злоупотребления.

Вместе с тем нельзя ограничиваться лишь доведением до лица информации о факте применения в отношении него технологий искусственного интеллекта, поскольку подобный подход будет носить формальный характер и фактически не обеспечит реализацию принципа прозрачности. В этой связи представляется целесообразным документировать каждый случай применения технологий искусственного интеллекта в государственном секторе с отражением соответствующей информации.

То есть рекомендуется закрепить требование, согласно которому каждый раз, когда должностное лицо принимает решение на основе технологий ИИ, оно должно составить соответствующий протокол и отобразить в нем информацию, характеризующую архитектуру, логику технологии, механизм формирования результата.

Так, протокол должен обязательно включать в себя следующую информацию:

- цель применения технологий ИИ;
- дата и время применения ИИ;
- основания использования ИИ;
- должностное лицо, применившее такую технологию или ответственное за ее применение;
- модель ИИ;
- какие данные были обработаны;
- какой результат был получен в силу обработки ИИ;
- как этот результат был проверен должностным лицом, то есть что им было сделано, чтобы убедиться в корректности вывода технологии ИИ;
- обоснованный вывод должностного лица о согласии или несогласии с результатом ИИ.

Необходимость фиксации каждого случая применения технологий ИИ в рамках производства по делам об административных правонарушениях обусловлена положениями ст. 24.1 КоАП РФ, где задачей производства названо всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела.

Иными словами, применение должностным лицом технологий искусственного интеллекта в ходе производства по делу об административном правонарушении без надлежащего процессуального оформления полученных результатов приводит к тому, что фактически значимая информация влияет на принимаемое решение, оставаясь при этом за рамками процессуальной формы. Вследствие этого она утрачивает возможность последующей проверки и

объективной оценки, что вступает в противоречие с требованием ст. 26.11 КоАП РФ о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела.

Помимо прочего, положения ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ предоставляют лицу, в отношении которого ведется производство, право ознакомиться с материалами дела. Следовательно, такое лицо должно иметь возможность ознакомиться со сведениями об использовании в отношении него в рамках производства по делам об административных правонарушениях технологий ИИ, чтобы иметь возможность полноценным образом реализовать свое право на защиту.

Так, если органы публичной власти используют технологии ИИ в своих решениях, то лицо должно иметь право на юрисдикционные способы защиты своих прав. В этой связи стоит обратить внимание на положения п. 4 ст. 9 исследуемого законопроекта, которые предоставляют гражданину право на досудебное обжалование решений, действий органов публичной власти, которые были приняты или совершены с использованием технологий ИИ.

Во-первых, непонятно, почему только «граждане» обладают правом на досудебную защиту, ведь по правилам ч. 1 ст. 218 КАС РФ такое право в равной степени есть и у юридических лиц.

Во-вторых, само стремление законодателя защитить права посредством установления специальной гарантии является верным решением, однако почему защита прав в данном случае не включает в себя обращение в суд? Дело в том, что на практике технологии ИИ могут быть применены также судьями, а потому здесь нелогично указывать только на внесудебных способах защиты прав.

Так, в ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ устанавливается, что постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное судьей, может быть обжаловано в вышестоящий суд. Иными словами, действующее отечественное регулирование исходит из сочетания досудебных и судебных способов защиты

нарушенных прав, и конкретный способ защиты определяется тем, какой именно субъект допустил нарушение прав

Таким образом, положения ч. 4 ст. 9 исследуемого законопроекта нуждаются в корректировке, и один из вариантов исправления существующего недостатка заключается в том, чтобы исключить слово «досудебный» в данной норме.

Не менее важным является определение самого содержания права на обжалование, а точнее установление тех оснований, в силу которых лицо вправе оспаривать решения или действия органа публичной власти в связи с использованием ИИ.

Так, одним из оснований должна выступать незаконность применения ИИ. Ранее уже было предложено, что для применения ИИ в протоколе необходимо указывать основание, цель, должностное лицо и т.д. Следовательно, применение ИИ без оснований или с некорректным основанием, без цели, без правомочия должностного лица применять такую технологию приведет к признанию применения технологий ИИ незаконным.

Другим основанием может послужить нарушение порядка применения технологий ИИ. То есть речь идет про нарушение правил по составлению протокола о применении технологий ИИ, нарушение требований об уведомлении лица.

Третьим основанием может служить недостоверность или принципиальная не проверяемость выводов, сделанных ИИ. К числу таких рисков относятся: сбои и ошибки в программном коде, некорректная интерпретация исходных данных, а также отсутствие прозрачного алгоритма работы данной технологии. Вследствие этого логика принятия решений ИИ остается неочевидной, что делает невозможным верификацию полученного результата. Так, если лицо не согласо с результатами, полученными с использованием ИИ, то оно может заявить ходатайство о проведении соответствующей экспертизы в рамках правил ст. 26.4 КоАП РФ. Следовательно, программный код будет предоставлен не заявителю, а эксперту

для получения ответов на поставленные перед ним вопросы: корректность работы ИИ, корректность обработки данных, наличие ошибок и т.д. Такое положение видится нам наиболее оптимальным, так как сохраняется коммерческая тайна, и в то же время есть возможность защиты прав лица, в отношении которого ведется производство по делам об административных правонарушениях.

Последнее основание – это отсутствие надлежащей проверки результатов ИИ или же их неправильная оценка должностным лицом. Должностное лицо всегда должно проводить проверку результатов ИИ, а не относиться к таким выводам как к аксиоме. Помимо прочего, к числу оснований для обжалования следует отнести и риск неверной интерпретации результата ИИ должностным лицом. Недопустимо, чтобы должностное лицо подменяло собственную оценку выводами, сделанными технологиями ИИ, так как это явно будет противоречить правилам оценки доказательств по смыслу ст. 26.11 КоАП РФ, где закрепляется «оценка доказательств по своему внутреннему убеждению».

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В ходе исследования перспективных направлений цифровизации производства по делам об административных правонарушениях были проанализированы технологии алгоритмической автоматизации и искусственного интеллекта.

Применительно к производству по делам об административных правонарушениях алгоритмическую автоматизацию стоит рассматривать как технологический механизм реализации заранее predetermined процедурных последствий, возникших в силу решения правоприменителя. Такой механизм призван обеспечивать прозрачность, проверяемость, единообразие исполнения, что полностью соответствует принципам и задачам законодательства об административных правонарушениях.

Предлагается двухуровневая модель регулирования алгоритмической автоматизации. На уровне КоАП РФ должна быть закреплена разрешительная норма, определяющая общие положения применения алгоритмической автоматизации, включая само понятие алгоритмической автоматизации,

пределы ее применения, запретные сферы использования, возможность автоматизированного формирования отдельных процессуальных документов, а также общие положения об ответственности разработчика и органа (должностного лица), использующего соответствующую технологию.

В свою очередь, на подзаконном уровне необходимо урегулировать технические и организационные аспекты применения такой технологии, в том числе перечень допустимых автоматизированных действий, технические требования к автоматизированным технологиям, порядок автоматизированного формирования процессуальных документов, правила ведения электронного журнала и иные сопутствующие вопросы.

При изучении перспектив внедрения технологий ИИ было отмечено, что на данный момент активно ведутся дискуссии об использовании ИИ на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях. Считается, что ИИ сможет снизить количество ошибок в принимаемых решениях, определить направление будущего развития системы защиты прав в России и обеспечит более эффективный анализ, требующий минимальных временных затрат. Однако идея внедрения ИИ в юрисдикционный процесс также вызывает обоснованное сомнение, так как неизбежно поднимаются вопросы достоверности и объективности алгоритмических выводов, воспроизводимости результатов и их проверка участниками производства. Отдельно также стоит проблема ответственности и правосубъектности ИИ. Представляется, что ответственность должна распределяться между следующими субъектами: разработчиком ИИ, органом и должностным лицом, а также оператором инфраструктуры.

Наиболее обоснованным представляется использование ИИ именно как инструмента интеллектуальной поддержки, как это реализуется на данный момент в Китае.

В ходе исследования был также проанализирован законопроект об ИИ, подготовленный Минцифры России как возможная правовая основа

применения технологий ИИ в производстве по делам об административных правонарушениях.

Рекомендуется закрепить требование, согласно которому каждый раз, когда должностное лицо принимает решение на основе технологий ИИ, оно должно составить соответствующий протокол и отобразить в нем информацию, характеризующую архитектуру, логику технологии, механизм формирования результата. Протокол также должен включать следующую информацию: цель применения технологий ИИ; дата и время применения ИИ; основания использования ИИ; должностное лицо, применившее такую технологию или ответственное за ее применение; модель ИИ; какие данные были обработаны; какой результат был получен в силу обработки ИИ; как этот результат был проверен должностным лицом, то есть что им было сделано, чтобы убедиться в корректности вывода технологии ИИ; обоснованный вывод должностного лица о согласии или несогласии с результатом ИИ.

Особое внимание стоит уделить вопросам обжалования решения должностного лица, где были применены технологии ИИ. Было выявлено 4 основания для обжалования такого решения: незаконность применения ИИ, нарушение порядка применения технологий ИИ, недостоверные или непроверяемые выводы технологии ИИ, отсутствие надлежащей проверки результатов ИИ или же их неправильная оценка должностным лицом.

Заключение

Проведённое комплексное исследование правового регулирования использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях позволяет сделать следующие выводы.

Для целей административно-юрисдикционного регулирования важно учитывать, что цифровые технологии трансформируют характер административных процедур, требуют переосмысления принципов доказательств, сроков, доступности и коммуникации между участниками процесса. Отсутствие единообразного нормативного определения цифровых технологий порождает существенные затруднения при их практическом применении. При этом прослеживается тенденция к институционализации цифровых инструментов: от признания их правовой значимости к их поэтапной интеграции в процессуальные формы и механизмы.

Под цифровыми технологиями, используемыми в административно-юрисдикционном процессе, стоит понимать совокупность программных решений и саму техническую инфраструктуру, которая обеспечивает в производстве по делам об административных правонарушениях создание, сбор, передачу, хранение, обработку и использование информации в цифровом виде, а также реализацию юридически значимых процедур фиксации, процессуального взаимодействия и исполнения решений.

Под «сквозными» цифровыми технологиями в контексте государственного управления целесообразно понимать горизонтальные (кросс-отраслевые) цифровые решения, которые могут быть внедрены в любые сферы и выступают именно как технологическая основа трансформации большого комплекса процессов в административно-юрисдикционном процессе.

Законодательная основа использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе формировалась постепенно и в настоящее время находится в стадии активного развития.

Изначально цифровизация преимущественно выражалась в использовании автоматических средств для фиксации правонарушений. Впоследствии информация в цифровом виде стала признаваться в качестве доказательства. Наряду с этим стал применяться электронный документооборот, возникли дистанционные формы участия в производстве, электронные способы извещения и т.д. В то же время значительная часть правового регулирования данных технологий зависит от подзаконных актов и самой технической готовности органов власти. Следовательно, образуется разрыв между процессуальными возможностями и практической обеспеченностью такими возможностями.

Дальнейшее развитие законодательной основы использования цифровых технологий в административно-юрисдикционном процессе должно быть связано не только с расширением перечня применяемых технологий, но и с формированием процессуальных гарантий их использования.

Цифровизация различных видов юридического процесса развивается неравномерно, однако уже позволяет выявить те процессуальные решения, которые могут быть заимствованы для совершенствования производства по делам об административных правонарушениях. Наиболее значимым представляется опыт гражданского и арбитражного судопроизводства, в рамках которого электронная подача документов получила более устойчивое нормативное оформление и фактически рассматривается как полноценная форма реализации права на обращение наряду с бумажной, тогда как в КоАП РФ возможность подачи электронных документов связывается с наличием технической возможности у конкретного суда, органа или должностного лица. В этой связи предлагается внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 24.8 КоАП РФ и закрепить электронную подачу документов не как факультативный способ, а как самостоятельный.

Было отмечено, что в административно-юрисдикционном процессе используется более гибкий вид электронной подписи, тогда как уголовный процесс исходит из необходимости подписания электронных документов

усиленной квалифицированной электронной подписью. Полное заимствование такого подхода для КоАП РФ вряд ли оправданно, однако сама идея установления повышенных требований к подписанию наиболее значимых процессуальных документов заслуживает определенного внимания. В этой связи представляется целесообразным предусмотреть в ст. 24.8 КоАП РФ, что вне зависимости от способа подачи электронного документа в виде жалобы на постановления, протесты прокурора, а также обращения, связанные с пересмотром вступивших в законную силу актов, должна присутствовать усиленная квалифицированная электронная подпись.

В условиях цифровизации общими для различных видов юридического процесса становятся проблемы, связанные с определением юридически значимого момента подачи электронного документа, фиксацией факта его поступления в информационную систему, а также установлением последствий технического отказа в приеме обращения. Указанные трудности проявляются не только в административно-юрисдикционном процессе, но и в уголовном, гражданском, арбитражном и конституционном процессе, поскольку во всех случаях реализация права на обращение оказывается поставленной в зависимость от функционирования цифровой инфраструктуры. Это означает, что дальнейшее развитие электронного документооборота требует не только расширения технических возможностей, но и нормативного закрепления специальных процессуальных гарантий. В связи с этим в статье 24.8 КоАП РФ целесообразно предусмотреть положения о фиксации момента подачи электронного документа, об обязательном автоматическом подтверждении его приема либо технического отказа с указанием причин, а также о праве лица устранить технические недостатки электронного обращения в установленный срок с сохранением первоначальной даты подачи.

Значение цифровых технологий для производства по делам об административных правонарушениях демонстрируется через совокупность ролей: институциональной, коммуникационной, гарантийной, интеграционной и модернизирующей.

Анализ указанных ролей позволяет сделать вывод, что цифровые технологии являются фундаментальным фактором трансформации всей системы производства по делам об административных правонарушениях. Однако конкретное содержание такой трансформации проявляется в функциях цифровых технологий.

Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях выполняют следующие функции: передача данных, обработка информации, хранение данных и обеспечение безопасности информации.

В совокупности перечисленные функции показывают, что цифровизация влияет не только на скорость в производстве по делам об административных правонарушениях, но и на стандарты доказывания и процессуальные гарантии: чем выше роль передачи, обработки и хранения цифровых данных, тем более значимыми становятся требования к их защите и проверяемости для обеспечения законности и доверия к результатам административной юрисдикции.

Применение цифровых технологий на стадиях производства развивается неравномерно. На стадиях административного расследования и подготовки к рассмотрению дела цифровизация обусловлена двумя факторами: значительной частью доказательственной информации, существующей в электронной среде, что требует регламентированных процедур её извлечения, закрепления, хранения и проверки, а также потребностью в надежных механизмах цифрового извещения. На стадии рассмотрения дела по существу развитие ВКС, веб-конференций и электронного документооборота повышает доступность, но ограничивается неодинаковой технической оснащённостью органов, отсутствием унифицированных регламентов и сохранением отдельных бумажных элементов. На стадиях пересмотра расширение электронных способов подачи жалоб выравнивает процессуальные возможности, однако эффективность зависит от устойчивости цифровых сервисов и единых стандартов электронного взаимодействия. На стадии исполнения цифровые

механизмы повышают эффективность взыскания и обеспечивают реестровые модели исполнения наказаний, но выявляют уязвимости, связанные с ошибками и обновлением реестровых данных, что требует более детальной правовой регламентации и процедур уведомления.

Под электронными доказательствами целесообразно понимать фактическую информацию, представленную в форме электронных данных и вводимую в материалы дела по правилам КоАП РФ при обязательном установлении источника и обеспечении неизменности содержания. Чтобы устранить терминологическую неопределенность и обеспечить единообразие практики, данное определение и его ключевые признаки обоснованно закрепить непосредственно в ст. 26.2 КоАП РФ.

Действующая модель КоАП РФ уже фактически «встраивает» цифровые данные в систему доказывания через предусмотренные процессуальные источники (прежде всего иные документы и показания специальных технических средств), а в отдельных случаях через приобщение носителя как вещественного доказательства. Для исключения разночтений целесообразно прямо указать в ч. 2 ст. 26.2 и ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ, что документом признается информация на любом носителе, включая электронный, а доказательственное значение электронные данные приобретают только через соответствующий процессуальный источник.

Само по себе наличие электронного файла не предопределяет вывод о допустимости и достоверности содержащихся в нем сведений: обязательным элементом доказывания должна быть проверка происхождения, условий получения и сохранности цифровых данных, а также оценка рисков изменения или подделки по правилам ст. 26.11 КоАП РФ во взаимосвязи с задачами производства (ст. 24.1 КоАП РФ). По этой причине требуется минимальная регламентация приобщения электронных доказательств: в ст. 28.2 КоАП РФ необходимо отразить, что в протоколе о приобщении электронных доказательств должны быть указаны все идентифицирующие признаки (тип, формат, объем, длительность, наименование файла и т.д.).

В ст. 25.1 КоАП РФ необходимо отразить, что ознакомление с материалами дела, содержащими электронные доказательства, предполагает предоставление доступа к ним в форме, позволяющей воспроизведение и проверку, включая возможность заявлять ходатайства о проведении экспертизы по правилам ст. 26.4 КоАП РФ.

В исследовании были отмечены следующие группы проблем, связанных с внедрением цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях: нормативно-правовые проблемы, технические проблемы, доказательственные проблемы, организационно-управленческие и кадровые проблемы.

Нормативно-правовые проблемы цифровизации в КоАП РФ можно концептуально свести к следующему: фрагментарность цифровых норм, зависимость использования цифровых технологий от подзаконных актов, наличие обязательного бумажного дублирования, что не позволяет цифровым инструментам стать полноценными механизмами в рамках КоАП РФ.

Технические проблемы проявляются в наличии сбоев, ошибок в работе цифровых технологий, а также в наличии киберугроз. Случаи, когда тот или иной информационный сервис не работает, не открывается электронный документ, прерывается ВКС и т.д., свидетельствуют о том, что технология начинает влиять на реальный объем прав, тогда как это недопустимо в рамках правового государства. В этой связи рекомендуется на законодательном уровне устанавливать минимальные требования к компьютерному оборудованию, скорости интернета и программному обеспечению для органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях. Также представляется целесообразным рассмотреть вопрос о разработке и внедрении единых стандартов обеспечения информационной безопасности и проведения технического аудита цифровых технологий, применяемых в производстве по делам об административных правонарушениях.

Доказательственная группа проблем связана с отсутствием правового статуса электронных доказательств. Более того, судебная практика неоднозначна в вопросе оценки таких доказательств.

Организационно-управленческие проблемы сводятся к отсутствию надлежащего цифрового взаимодействия между судами и органами: каждый орган власти имеет свою собственную информационную систему, а потому оперативность обмена данными оставляет желать лучшего. Для решения данной проблемы предлагается сохранить ведомственные системы, однако поверх них создать единую общую информационную систему, которая обеспечит взаимодействие органов и судов в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Кадровая составляющая проблемы является не менее значимой, и она сводится к отсутствию надлежащей компетенции у судей и должностных лиц во взаимодействии с цифровыми инструментами. Отсутствие единой системы подготовки и переподготовки кадров создаёт риск неправильного применения цифровых технологий. Решение данной проблемы видится в создании соответствующих образовательных программ, симуляторов, проведении обязательной аттестации и т.д.

В ходе исследования были выявлены два перспективных направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях: внедрение алгоритмической автоматизации и технологий искусственного интеллекта.

Алгоритмическая автоматизация представляет собой технологический механизм реализации заранее predetermined процедурных последствий, возникающих в силу решения правоприменителя.

Предлагается двухуровневая модель регулирования алгоритмической автоматизации. На уровне КоАП РФ должна быть закреплена разрешительная норма, определяющая общие положения ее применения, включая само понятие алгоритмической автоматизации, пределы ее применения, запретные сферы использования, возможность автоматизированного формирования отдельных

процессуальных документов, а также общие положения об ответственности разработчика и органа (должностного лица), использующего соответствующую технологию. На подзаконном уровне необходимо урегулировать технические и организационные аспекты применения такой технологии, в том числе перечень допустимых автоматизированных действий, технические требования к автоматизированным технологиям, порядок автоматизированного формирования процессуальных документов, правила ведения электронного журнала и иные сопутствующие вопросы.

При изучении перспектив внедрения технологий ИИ было отмечено, что на данный момент активно ведутся дискуссии об использовании ИИ на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях. Считается, что ИИ сможет снизить количество ошибок в принимаемых решениях, определить направление будущего развития системы защиты прав в России и обеспечит более эффективный анализ, требующий минимальных временных затрат. Однако идея внедрения ИИ в юрисдикционный процесс также вызывает обоснованные сомнения, так как неизбежно поднимаются вопросы достоверности и объективности алгоритмических выводов, воспроизводимости результатов и их проверки участниками производства. Отдельно также стоит проблема ответственности и правосубъектности ИИ. Представляется, что ответственность должна распределяться между следующими субъектами: разработчиком ИИ, органом и должностным лицом, а также оператором инфраструктуры.

Библиографический список**I. Нормативно-правовые акты и иные официальные документы****1.1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы РФ**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.10.1994 № 51 (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Уголовно-процессуальный Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательство РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.06.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-I (ред. от 04.08.2026) // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

9. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4873.

10. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

13. Федеральный закон от 24.07.2007 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4007.

14. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

15. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

16. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

17. Федеральный закон от 21.04.2011 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 17. – Ст. 2310.

18. Федеральный закон от 27.06.2011 № 162-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3873.

19. Федеральный закон от 28.07.2012 № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4322.

20. Федеральный закон от 26.04.2016 № 114-ФЗ «О внесении изменения в статью 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 18. – Ст. 2490.

21. Федеральный закон от 29.12.2020 № 471-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1. – Ст. 10.

22. Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 15. – Ст. 1785.

23. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

24. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

25. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

26. Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 38. – Ст. 4823.

27. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 44. – Ст. 6274.

28. Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977 «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (часть V). – Ст. 7284.

29. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

30. Постановление Правительства РФ от 25.01.2013 № 33 «Об использовании простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг» (вместе с «Правилами использования простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг») // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 5. – Ст. 377.

31. Постановление Правительства РФ от 03.05.2019 № 551 «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных

«сквозных» цифровых технологий» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 19. – Ст. 2307.

32. Постановлением Правительства России от 01.06.2024 № 754 «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 24. – Ст. 3303.

33. Постановление Правительства РФ от 30.06.2025 № 980 «Об утверждении Положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде и требованиях к их формату, типового положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде посредством регионального портала государственных и муниципальных услуг, а также о рекомендациях к формату таких документов» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 27. – Ст. 3752.

34. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374166/2b0ba7755ccd285c7ca8ad469e5134a2d470a877 (дата обращения: 02.02.2026).

35. Приказ Минкомсвязи России от 23.04.2020 № 195 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366350/ (дата обращения: 23.04.2025).

36. Приказ Федеральной службы судебных приставов от 31.05.2022 № 350 «Об установлении требований к формату постановления судебного пристава-исполнителя или иного должностного лица службы судебных приставов, постановления Федеральной службы судебных приставов,

вынесенных в форме электронного документа» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206080013> (дата обращения: 23.04.2025).

37. Приказ МВД России от 02.05.2023 № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306300035> (дата обращения: 03.02.2025).

38. Приказ Росстата от 31.07.2024 № 332 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки и инноваций» [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.03.2026).

39. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6) (ред. от 29.05.2025) // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2011. – № 1.

40. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159645/ (дата обращения: 27.04.2026).

41. Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 18.04.2018) (ред. от 22.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406366/ (дата обращения: 27.04.2026).

42. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору,

получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме. – М: Стандартиформ, 2014. – 40 с.

43. ГОСТ Р 57144-2016. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200140208> (дата обращения: 18.02.2025).

44. ГОСТ Р 57700.37–2021. Цифровые двойники изделий. Общие положения [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180928/> (дата обращения: 14.02.2025).

45. ГОСТ Р 60.0.0.4-2023 Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения [Электронный ресурс]. URL: https://allgosts.ru/25/040/gost_r_60.0.0.4-2023 (дата обращения: 24.03.2025).

46. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347974/ (дата обращения: 14.07.2025).

47. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/ (дата обращения: 14.07.2025).

48. Инструкция по делопроизводству в Конституционном Суде Российской Федерации (утв. приказом Председателя Конституционного суда РФ от 14.03.2024 № 09) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472147/ (дата обращения: 14.07.2025).

49. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей

юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.07.2025).

50. Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года, утв. Постановлением Президиума Совета судей РФ от 02.12.2019 № 785 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/ (дата обращения: 01.03.2026).

51. Концепция информатизации Верховного Суда РФ, утв. Приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379159/ (дата обращения: 01.03.2026).

52. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640> (дата обращения: 18.09.2024).

53. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 01.03.2026).

54. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 31.10.2024 № ММ-П4-36688 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/758177-8> (дата обращения: 03.03.2026)

55. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за 2024 г. // Веб-сайт Судебного

департамента при ВС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 02.02.2026).

56. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за первое полугодие 2025 г. // Веб-сайт Судебного департамента при ВС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291> (дата обращения: 01.02.2026)

57. Законопроект Министерства цифровизации РФ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения: 28.04.2026).

1.2. Международные и зарубежные нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Research report «Children of the 2020s: first survey of families at age 9 months» [Электронный ресурс] // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/65b11dbb160765000d18f7fb/Cot20s_age_9_months_research_report.pdf#:~:text=Digital%20technology%3A%20Digital%20technologies%20are,as%20social%20media%20and%20mobile (дата обращения: 01.01.2026).

2. Обзор Всемирного банка от 2016 г. «Цифровые дивиденды» [Электронный ресурс] // URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf> (дата обращения: 01.01.2026).

3. Constitution of Chile [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=242302&idVersion=2021-10-25> (дата обращения: 14.04.2025).

4. Water environment conservation act [Электронный ресурс] // URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=46344&type=sogan&key=16 (дата обращения: 23.04.2025).

5. Code of Federal Regulations [Электронный ресурс] // URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/cfr/2025/title8> (дата обращения: 01.01.2026).

6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN-PL/TXT/?from=PL&uri=CELEX%3A32024R1689> (дата обращения: 28.04.2026).

7. Code des relations entre le public et l'administration [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000031366350/2026-04-11 (дата обращения: 28.04.2026).

8. Décret n° 2011-348 du 29 mars 2011 portant création de l'Agence nationale de traitement automatisé des infractions [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000023791865> (дата обращения: 12.05.2026 г.)

9. Public Law Project response to the AI White Paper consultation [Электронный ресурс] // URL: <https://publiclawproject.org.uk/content/uploads/2023/06/Public-Law-Project-AI-white-paper-consultation-response.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

10. Tribunal Supremo (Sala de lo Contencioso-Administrativo, Sección Tercera). Sentencia núm. 1119/2025, de 11 de septiembre de 2025, STS 3826/2025 - ECLI:ES:TS:2025:3826 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.poderjudicial.es/search/openDocument/27d0d44d33b0dd21a0a8778d75e36f0d> (дата обращения: 28.04.2026).

11. Conseil d'État. Décision n° 427916 du 12 juin 2019, ECLI:FR:CECHR:2019:427916.20190612 [Электронный ресурс] // URL:

<https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/2019-06-12/427916> (дата обращения: 28.04.2026).

12. TAR Lazio (Sezione Terza Bis). Sentenza 22 marzo 2017, № 3769 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.studiolegalestefanelli.it/Media/Sentenze/tar-lazio-2017-3769.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

13. Consiglio di Stato (Sezione Sesta). Sentenza 8 aprile 2019, № 2270 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.medialaws.eu/wp-content/uploads/2019/11/Consiglio-di-Stato-sez.-VI-8-aprile-2019-n.-2270.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

14. Consiglio di Stato (Sezione Quarta). Sentenza 4 giugno 2025, № 4857 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.studiolegalemescia.com/wp-content/uploads/2025/06/Consiglio-di-Stato-Sezione-Quarta-Sentenza-4-giugno-2025-n.-4857.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

15. State v. Loomis: Wisconsin Supreme Court Requires Warning Before Use of Algorithmic Risk Assessments in Sentencing [Электронный ресурс] // URL: <https://harvardlawreview.org/2017/03/state-v-loomis/> (дата обращения: 28.04.2026).

II. Материалы правоприменительной практики

1. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2011 № 391-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 1.5, примечанием к статье 1.5 и статьей 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112951/ (дата обращения: 01.01.2026).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2019 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 2.6.1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А.И. Думилина и А.Б. Шарова» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 4. – Ст. 360.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1140-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 76 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=542586#VKguZTVoBrHBVoLV1> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 3. – 2013.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 4.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разрешает применять скриншоты переписок и страниц в качестве доказательств при условии их надлежащего оформления и это также подтверждается материалами судебной практики» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 7.

7. Постановление Верховного Суда РФ от 11.12.2018 № 24-АД18-6 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11122018-n-24-ad18-6/> (дата обращения: 01.01.2026).

8. Постановление Верховного Суда РФ от 07.10.2019 № 36-АД19-3 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07102019-n-36-ad19-3> (дата обращения: 01.01.2026).

9. Постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2021 № 5-АД21-89-К2 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-5-ad21-89-k2> (дата обращения: 01.05.2025).
10. Постановление Верховного Суда РФ от 18.01.2021 № 222-АД20-1 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012021-n-222-ad20-1> (дата обращения: 01.01.2026).
11. Постановления Верховного Суда РФ 18.01.2021 № 4-АД20-22 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012021-n-4-ad20-22/> (дата обращения: 01.05.2025).
12. Постановление Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 53-АД23-3-К8 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01062023-n-53-ad23-3-k8/> (дата обращения: 20.09.2024).
13. Постановление Верховного Суда РФ от 09.01.2024 № 53-АД23-15-К8 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012024-n-53-ad23-15-k8> (дата обращения: 01.01.2026).
14. Постановление Верховного Суда РФ от 05.04.2024 № 78-АД24-5-К3 / [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05042024-n-78-ad24-5-k3> (дата обращения: 01.01.2026).
15. Постановление Верховного Суда РФ от 11.10.2024 № 78-АД24-30-К3 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11102024-n-78-ad24-30-k3> (дата обращения: 01.01.2026).
16. Постановление Верховного Суда РФ от 02.04.2025 № 48-АД25-1-К7 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02042025-n-48-ad25-1-k7/> (дата обращения: 04.03.2025).
17. Постановление Верховного Суда РФ от 24.09.2025 № 14-АД25-18-К1 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.v2b.ru/documents/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24-09-2025-14-ad25-18-k1> (дата обращения: 04.03.2025).
18. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2021 № 88а-12381/2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35644#FXUvZTV8IBNy4dFg1> (дата обращения: 01.03.2026).

19. Постановление Оренбургского областного суда от 08.02.2018 № 4А-45/2018 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/regular/doc/Nqv6FOq0rSZY//](https://sudact.ru/regular/doc/Nqv6FOq0rSZY//) (дата обращения: 01.01.2026).

20. Решение Калужского областного суда Калужская область от 09.07.2024 № 12-110/2024 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/regular/doc/0DUEnе268iK/](https://sudact.ru/regular/doc/0DUEnе268iK/) (дата обращения: 04.07.2024).

21. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 08.06.2017 № А14-5416/2017 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/S8yh7yfJasrH/](https://sudact.ru/arbitral/doc/S8yh7yfJasrH/) (дата обращения: 01.01.2026).

22. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 08.10.2019 № А14-8856/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30675ea2-16c3-4394-b962-12d6d47e9d31> (дата обращения: 05.07.2024).

23. Решение Арбитражного суда Московской области от 18.08.2023 № А41-17944/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/580366020> (дата обращения: 20.09.2024).

24. Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 12.03.2016 № 12-367/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://mosgorsud.ru/rs/tushinskij/cases/docs/content/be9d0665-07b3-44c6-b6bc-60aebf70ab89> (дата обращения: 05.16.2024).

25. Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирск от 13.04.2016 №2-3611/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/15423371> (дата обращения: 15.09.2024).

26. Решение Савёловского районного суда города Москвы от 03.10.2019 № 02а 0577/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc> (дата обращения: 16.03.2024).

27. Решение Промышленный районный суд г. Ставрополя от 14.03.2021 № 12-7/2021 [Электронный ресурс] // URL: sudact.ru/regular/doc/enLgych6vBr3/ (дата обращения: 04.07.2024).

28. Постановление Привокзального районного суда г. Тулы от 15.10.2023 № 5-107/2023 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/regular/doc/Qpo2kSzHM1HQ/](http://sudact.ru/regular/doc/Qpo2kSzHM1HQ/) (дата обращения: 01.01.2026).

29. Решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 12.12.2023 № 12-529/2023 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/regular/doc/16VUNtXmFUZR/](http://sudact.ru/regular/doc/16VUNtXmFUZR/) (дата обращения: 04.07.2024).

30. Решение Сергиевского районного суда Самарской области от 24.06.2024 № 12-68/2024 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/regular/doc/J1nEwXaaulrT/](http://sudact.ru/regular/doc/J1nEwXaaulrT/) (дата обращения: 15.09.2024).

31. Решение Советского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа -Югра от 07.10.2024 № 12-87/2024 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/regular/doc/9usVW9vOaUmw/](http://sudact.ru/regular/doc/9usVW9vOaUmw/) (дата обращения: 04.07.2024).

32. The Supreme People's Court «The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields», 2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html> (дата обращения: 19.04.2026).

III. Научная и специальная литература

3.1. Монографии

1. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий [Текст]: Монография / Р.В. Амелин, С.Е. Чаннов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 280 с.

2. Бурдина Е.В. Электронное правосудие [Текст]: Монография / отв. ред. Е.В. Бурдиной. – М.: РГУП, 2021. – 344 с.

3. Гречкина О.В. Административная юрисдикция в сфере таможенного регулирования: проблемы теории и практики [Текст]: Монография / О.В. Гречкина. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 296 с.

4. Константинов П.Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса [Текст]: Монография / П.Д. Константинов. – М.: Статут, 2020. – 272 с.

5. Мартынов А.В. Перспективные направления правового регулирования использования современных информационных технологий в контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти: библиотека лучших российских и зарубежных практик [Текст]: Монография / А.В. Мартынов, М.В. Бундин, М.Д. Прилуков, Е.Н. Смирнова, Е.В. Ширеева; под науч. ред. А.В. Мартынова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2020. – 227 с.

6. Мартынов А.В. Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики»: результаты исследования [Текст]: Монография / А.В. Мартынов, М.В. Бундин, Е.В. Ширеева [и др.]. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 251 с.

7. Минбалеев А.В. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий [Текст]: Монография / А.В. Минбалеев, А.В. Мартынов, Г.Г. Камалова [и др.]; под общ. ред. А.В. Минбалеева. – М.: Проспект, 2023. – 264 с.

8. Минбалеев А.В. Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий [Текст]: Монография / А.В. Минбалеев [и др.]; под общ. ред. А.В. Минбалеева. – Саратов: Амирит, 2022. – 338 с.

9. Панова И.В. Юридический процесс [Текст]: Монография. – М.: Юр. Норма, ИНФРА-М, 2017. – 76 с.

10. Полякова Т.А. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований [Текст]: Монография / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев

(отв. ред.); под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М.: Институт государства и права РАН, 2020. – 340 с.

11. Рувинский Р.З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление [Текст]: Монография. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2022. – 264 с.

12. Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства [Текст]: Монография / Л.К. Терещенко. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 227 с.

13. Урасова А.А. Цифровая трансформация регионального пространства в контексте изменения стратегических приоритетов [Текст]: Монография / А.А. Урасова, Л.В. Глезман, С.С. Федосеева [и др.]. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 220 с.

14. Черников В.В. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): теория и практика [Текст]: Монография / Д.С. Фесько; под науч. ред. В.В. Черникова. – М.: Проспект, 2023. – 224 с.

15. Шергин А.П. Административная юрисдикция [Текст]: Монография / А.П. Шергин. – М.: Юрид. лит., 1979. – 144 с.

3.2. Учебники, учебные пособия, комментарии законодательства и справочная литература

1. Абашкин В.Л. Цифровая экономика: 2024 [Текст]: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 124 с.

2. Бахрах Д.Н. Административное право России [Текст]: учебник для вузов / Бахрах Д.Н. – М.: Норма, 2000. – 640 с.

3. Божьев В.П. Уголовный процесс [Текст]: учебник / В.П. Божьев. – М.: Юрайт, 2022. – 541 с.

4. Братановский С.Н. Административное право России [Текст]: учебник / С.Н. Братановский, Ю.В. Капитанец, М.Г. Вулах. – 3-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2025. – 287 с.
5. Вольфсон М.Б. Анализ данных [Текст]: учебное пособие / М.Б. Вольфсон. – СПбГУТ, 2015. – 82 с.
6. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование [Текст] / И.А. Галаган. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. – 198 с.
7. Добробаба М.Б. Цифровизация государственного управления: опыт зарубежных стран и возможности его использования в России: аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_8-AD_Cifrovizaciya-gosudarstvennogo-upravleniya.pdf (дата обращения: 13.03.2026).
8. Зеленцов А.Б. Административная юстиция [Текст]: учебно-методическое пособие / А.Б. Зеленцов. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – 113 с.
9. Каплунов А.И. Административно-процессуальное право [Текст]: учебник / Ю.В. Бажукова, А.И. Каплунов, В.А. Кудин [и др.]; под редакцией А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург, 2015. – 376 с.
10. Кашанин А.В. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир [Текст]: аналитический доклад / А.В. Кашанин, А.Б. Козырева, Н.А. Курносова, Д.В. Малов. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2020. – 81 с.
11. Келдыш Н. В. Системная защита информации компьютерных сетей [Текст]: учебное пособие / Н.В. Келдыш. – М.: Мир науки, 2022. – 100 с.
12. Конин Н.М. Административное право России [Текст]: учебник для вузов / Н.М. Конин, Л.Г. Памухина, Н.А. Лукьянова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 448 с.
13. Кононов П.И. Административная ответственность [Текст]: учебное пособие / П.И. Кононов. – М.: Проспект, 2024. – 208 с.

14. Лупинская Л.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации [Текст]: учебник / Л.А. Лупинская. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 1008 с.
15. Мартынов А.В. Административный процесс России [Текст]: учебно-методическое пособие / А.В. Мартынов, М.Д. Прилуков, Е.В. Ширеева. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 194 с.
16. Мирошниченко М.А. Цифровая трансформация: российские приоритеты формирования цифровой экономики [Текст] / М.А. Мирошниченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 224 с.
17. Решетникова И.В. Сети и системы передачи информации [Текст]: Учебное пособие / Решетникова М.А. – Ростов-на-Дону: СКФ МТУСИ, 2022. – 52 с.
18. Россинский Б.В. Административное право [Текст]: учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2009. – 927 с.
19. Сенько А. Работа с Big Data в облаках. Обработка и хранение данных с примерами из Microsoft Azure [Текст] / А. Сенько. – СПб.: Питер, 2019. – 448 с.
20. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право [Текст] / В.Д. Сорокин. – М.: Юридическая литература, 1972. – 240 с.
21. Стариков Ю.Н. Административная юстиция: проблемы теории. [Текст] / Ю.Н. Стариков. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. – 197 с.
22. Стариков Ю.Н. Общее административное право [Текст]: учебник 2 ч.: / под ред. Ю.Н. Старикова. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 822 с.
23. Чурикова А.Ю. Информационное право [Текст]: учебник / под ред. С. Е. Чаннова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 448 с.

24. Ястребов О.А. Судебное административное право [Текст]: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов. – М.: Статут, 2017. – 768 с.

25. Mayer-Schönberger V. Big Data: A Revolution that Will Transform How We Live, Work, and Think [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books/about/Big_Data.html?id=uy4lh-WEhhIC (дата обращения: 01.01.2026).

3.3. Научные статьи

1. Акимова М.А. Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации [Текст] / М.А. Акимова, Н.В. Тюменева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2024. – № 4. – С. 428-439.

2. Анисифорова М.В. Использование электронных средств доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях, связанных с наркотиками [Текст] / М.В. Анисифорова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 4 (43). – С. 205-212.

3. Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 141-148.

4. Афанасьева С.И. О необходимости гармонизации правового регулирования применения видео-конференц-связи и веб-конференции в различных формах судопроизводства [Текст] / С.И. Афанасьева // Ex jure. – 2023. – № 4. – С. 17-32.

5. Богустов А.А. К дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта [Текст] / А.А. Богустов. – М.: Статут, 2022. – С. 154-171.

6. Брычев А.С. Государственное управление и искусственный интеллект: новые возможности для малого и среднего бизнеса [Текст] / А.С. Брычев // Вестник евразийской науки. – 2024. – № 5S. – С. 12-22.

7. Валеев Д.Х. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики [Текст] / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – №. 45. – С. 467-489.
8. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики [Текст] / В.Б. Вехов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 46-50.
9. Власова Е.Л. Цифровизация российского судопроизводства: реалии и перспективы совершенствования [Текст] / Е.Л. Власова // Human Progress. – 2025. – №. 6. – С. 22-33.
10. Воробьёва И.Б. Применение больших данных (Big Data) при прогнозировании и расследовании преступлений [Текст] / И.Б. Воробьёва // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 3 (140). – С. 195-202.
11. Востриков П.П. Цифровизация судебной деятельности: особенности подготовки специалистов для судебной системы российской федерации в современных условиях [Текст] / П.П. Востриков, А.А. Скобелев // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 37-39.
12. Головки В.В. Административно-юрисдикционная деятельность: вопросы понятия и содержания [Текст] / В.В. Головки // Правоприменение. – 2018. – № 1. – С. 104-113.
13. Головки В.В. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий при фиксации административных правонарушений в области дорожного движения [Текст] / В. В. Головки, М. М. Исаев // Безопасность дорожного движения. – 2023. – № 2. – С. 27-33.
14. Гурьева Е.Е. Неправомерное поведение болельщиков на спортивных мероприятиях [Текст] / Е.Е. Гурьева, З.И. Лагунова. – Киров: МФЮА, 2021. – С. 39-47.
15. Денисенко В.В. Перспективы развития института административной ответственности: реальность и иллюзии // Административное право и процесс. – 2025. – № 11. – С. 12-18.

16. Денисенко В.В., Майоров В.И. О понятийном аппарате цифровизации государственного управления // Проблемы права. – 2025. – №4 (100). – С. 58-63.
17. Дугенец А.С. Актуальные проблемы противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий [Текст] / А.С. Дугенец, Н.Г. Канунникова // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – № 4. – С. 23-29.
18. Дудаев А.Б. Электронный протокол об административных правонарушениях в деятельности органов внутренних дел на транспорте [Текст] / А.Б. Дудаев, В.В. Ткаченко, Э.А. Безуглый // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С. 107-112.
19. Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития [Текст] / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – № 2. – С. 122-135.
20. Ефимова Л.Г. Правовая природа смарт-контракта [Текст] / Л.Г. Ефимова, О.Б. Сизимова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21-28.
21. Жариков А.Р. Перспективы развития и правовое регулирование индустриального интернета вещей в России [Текст] / А.Р. Жариков // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2018. – № 2 (68). – С. 105-113.
22. Зеленцов А.Б., Ястребов О. А. Современные модели административно-процессуального регулирования: опыт сравнительно-правового исследования [Текст] А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребова //Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – №. 3. – С. 96-131.
23. Зубарев С.М. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля [Текст] / С.М. Зубарев, С.В. Сабаева // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 12-17.

24. Зубарев С.М. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления [Текст] / С.М. Зубарев, А.В. Сладкова // Административное право и процесс. – 2019. – № 9. – С. 53-59.

25. Зюзин В.А., Порываев С.А. Формирование в России системы судебных и внесудебных административных споров. [Текст] / В.А. Зюзин, С.А. Порываев // Российское правосудие. – 2024. – № 6. – С. 23-34.

26. Иванова А.А. К вопросу о работе судебной системы в условиях ограничений, связанных с недопущением распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [Текст] / А.А. Иванова // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 125-128.

27. Иванов П.Д. Технологии BigData и различные методы представления больших данных [Текст] / П.Д. Иванов, А.Г. Лопуховский // Инженерный журнал: наука и инновации. – 2014. – №. 9 (33). – С. 1-10.

28. Иост Д.А. Big Data как инструмент обеспечения эффективных управленческих решений организации в области планирования и прогнозирования [Текст] / Д.А. Иост, И.В. Ким, С.А. Шевченко, Е.В. Кузьмина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 5-1 (111). – С. 190-195.

29. Исаев Э.Е. Юридический процесс как предмет исследования современной теории отечественного права [Текст] / Э.Е. Исаев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 2 (52). – С. 8-15.

30. Кабанова Е.Е. Искусственный интеллект в государственном управлении: ключевые проблемы и перспективы применения [Текст] / Е.Е. Кабанова // Russian Journal of Management. – 2025. – № 2. – С. 99-110.

31. Кабытов П.П. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений [Текст] / П.П. Кабытов, Н.А. Назаров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – №. 3. – С. 28-55.

32. Калмыков Г.И. Особенности применения цифровых средств в производстве по делам об административных правонарушениях [Текст] / Г.И. Калмыков, М.В. Анисифорова // Научный портал МВД России. – 2023. – № 1 (61). – С. 25-30.

33. Капустин О.А. Цифровые компетенции как элемент профессиональных статусов судей и работников аппарата суда [Текст] / О.А. Капустин // Администратор суда. – 2021. – № 2. – С. 17-20.

34. Каплунов А.И. О предмете административной юрисдикции и понятии административно-юрисдикционной деятельности [Текст] / А.И. Каплунов, А.О. Дрозд // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 24-34.

35. Карпушкин А.В. К вопросу о законодательном закреплении возможности использования доказательств в электронной форме в качестве перспективного направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях [Текст] / А.В. Карпушкин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 1 (40). – С. 39-40.

36. Качалова О.В. Европейские стандарты применения информационных технологий в судопроизводстве в условиях современных вызовов и угроз [Текст] / О.В. Качалова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1 (67). – С. 101-114.

37. Климович Е.В. Особенности производства по делам об административных правонарушениях, возбужденным по материалам, полученным с применением автоматических устройств фиксации правонарушений [Текст] / Е.В. Климович // Научный портал МВД России. – 2010. – № 1. – С. 13-18.

38. Ковалишина К.В. Проблемы осуществления производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации [Текст] / К.В. Ковалишина, Е.В. Евсикова // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 351-356.

39. Коновалов М.В. Big Data. Особенности и роль в современном бизнесе [Текст] / М.В. Коновалов // Технические науки: проблемы и перспективы:

материалы VI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 июля 2018 года. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. – С. 8-10.

40. Крупина М.А. Административно-правовые аспекты использования прикладных сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации [Текст] / М.А. Крупина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 2. – С. 138-146.

41. Кузнецова С.С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта [Текст] / С.С. Кузнецова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6. – № 1. – С. 134-149.

42. Куликова Я.А. Проблемные вопросы внедрения цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях [Текст] / Я.А. Куликова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». – 2025. – № 1. – С. 83-88.

43. Куликова Я.А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях [Текст] / Я.А. Куликова // Административное и муниципальное право. – 2024. – № 6. – С. 81-98.

44. Куракин А.В. Проблемы модификации административно-деликтного права: фактор цифровых технологий [Текст] / А.В. Куракин, Д.В. Карпухин, З. А. Саидов // Административное и муниципальное право. – 2019. – № 3. – С. 20-27.

45. Курашова М.М. Цифровизация административно-процессуальной формы в Российской Федерации: анализ современного состояния [Текст] / М.М. Курашова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 2 (68). – С. 106-111.

46. Ландерсон Н.В. О некоторых проблемах применения специальных технических средств фото- и видеофиксации в области безопасности дорожного движения [Текст] / Н.В. Ландерсон // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2023. – № 3 (53). – С. 10-15.

47. Лексин В.Н. Искусственный интеллект как предмет и средство государственной политики [Текст] / В.Н. Лексин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2024. – № 2. – С. 71-93.

48. Лисина Н.С. Кто там: проблема идентификации гражданина при реализации права на обращение [Текст] / Н.С. Лисина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 206-213.

49. Литвин И.И. Закон об электронном документообороте и дистанционном участии в производстве по делам об административных правонарушениях [Текст] / И.И. Литвин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № 2 (46). – С. 62-66.

50. Лифанов Д.М. Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме: вопросы теории и правоприменительной практики [Текст] / Д.М. Лифанов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – № 3. – С. 23-34.

51. Луканов А.С. Современные информационные технологии как инструмент правовой системы государства [Текст] / А.С. Луканов // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – № 3. – С. 9-12.

52. Лунев А.Е. Вопросы административного процесса [Текст] / А.Е. Лунев // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 43-51.

53. Майоров В.И. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения [Текст] / В.И. Майоров, А.Д. Дымберов, П.В. Молчанов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 69-77.

54. Маленков Ю.А. Возможности применения цифровых технологий в стратегическом планировании и прогнозировании устойчивого развития организаций [Текст] / Ю.А. Маленков // Молодой ученый. – 2021. – № 14 (356). – С. 84-89.

55. Малинский Ю.В. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства

[Текст] / Ю.В. Малинский // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 1. – С. 25-32.

56. Малык А.В. Формирование и природа электронных доказательств [Текст] / А.В. Малык // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2023. – № 3 (54). – С. 45-51.

57. Мартынов А.В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти [Текст] / А.В. Мартынов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 2. – С. 175-186.

58. Морозова Г.А. Цифровые технологии в административном судопроизводстве [Текст] / Г.А. Морозова, Э.Х. Губайдуллина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4-2. – С. 188-192.

59. Морозова Н.А. КоАП РФ – упущенные возможности цифровой эпохи [Текст] / Н.А. Морозова // Административно-правовые формы реализации исполнительной власти в условиях цифровизации государственного управления: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (20 февр. 2020) и Междунар. науч.-практ. заоч. конф. (3 апр. 2020). – Махачкала, 2020. – С. 76-82.

60. Мурзина Л.И. Средства автоматической фиксации административных правонарушений как источник доказательств в административном процессе [Текст] / Л.И. Мурзина, Д.А. Зелепугин // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4. – № 2 (14). – С. 73-79.

61. Наумов В.Б. Правовые проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России [Текст] / В.Б. Наумов, Т.А. Полякова // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 2 (43). – С. 14-21.

62. Никулин М.И. К вопросу о реализации процессуальных гарантий прав субъектов административных правонарушений в условиях предупреждения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [Текст] / М.И. Никулин, Л.А.

Рерих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 345-356.

63. Нырков В.В. К вопросу о трансформации института процессуальной ответственности и мер защиты при применении цифровых технологий в сфере правосудия [Текст] / В.В. Нырков, А.С. Тюлякова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 6 (143). – С. 22-31.

64. Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права [Текст] / Р.И. Оконенко // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3 (52). – С. 120-124.

65. Пестова Т.П. Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях: реальность и перспективы [Текст] / Т.П. Пестова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 2. – №. 4 (109). – С. 28-36.

66. Петров Г.И. О кодификации советского административного права [Текст] / Г.И. Петров // Советское государство и право. – 1962. – № 5. – С. 27-33.

67. Пальмов С.В. Сравнительный анализ BPMS, основанных на правилах и нейросетевых моделях принятия решений [Текст] / С.В. Пальмов, Н.И. Кузнецов, В.И. Садыков // Индустриальная экономика. – 2025. – № 7. – С. 92-96.

68. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств [Текст] / П.С. Пастухов // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 192-196.

69. Пастухов П.С. К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе [Текст] / П.С. Пастухов, В.В. Терехин // Вестник Коми Республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. – 2014. – № 18. – С. 69-75.

70. Пестова Т.П. Цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях: реальность и перспективы [Текст] / Т.П.

Пестова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – № 4 (109). – С. 28-36.

71. Пестова Т.П. Дистанционное (удаленное) участие в производстве по делам об административных правонарушениях [Текст] / Т.П. Пестова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – № 3 (105). – С. 91-102.

72. Петров И.В. Актуальные вопросы цифровизации российского правосудия [Текст] / И.В. Петров, Л.В. Кудрявцева // Общество и право. – 2024. – № 1. – С. 34-37.

73. Побежимова Н.И. Генезис международного административного права [Текст] / Н.И. Побежимова, О.Н. Шерстобоев // Государство и право. – 2019. – № 11. – С. 94-103.

74. Поляков М.П. Концептологический анализ феномена электронных доказательств [Текст] / М.П. Поляков, А.Ю. Смолин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 135-145.

75. Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта [Текст] / И.В. Понкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 11 (99). – С. 108-116.

76. Попов Е.В. Возможности и границы применения цифровых технологий в современном обществе [Текст] / Е.В. Попов, К.А. Семячков // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 1979-1992.

77. Прокопов М.С. О понятии «цифровые технологии надзора за безопасностью дорожного движения» [Текст] / М.С. Прокопов // Административное право и процесс. – 2022. – № 8. – С. 79-81.

78. Рогачева О.С. Прокурорский надзор как неотъемлемый элемент административно-процессуальной формы по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст] / О.С. Рогачева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – №. 4 (47). – С. 179-192.

79. Рубашенков А.М. Облачные вычисления [Текст] / А.М. Рубашенков, А.В. Бобров // Academy. – 2018. – № 2. – С. 33-36.

80. Рудаков Б.В. Современные специальные технические средства автоматической фиксации административных правонарушений правил дорожного движения и проблемы их применения [Текст] / Б.В. Рудаков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 1 (32). – С. 26-32.

81. Самсонова М.В. Удаленное участие в заседаниях суда по гражданским делам: первые итоги и перспективы [Текст] / М.В. Самсонова, И.И. Черных // Юридическое образование и наука. – 2020. – № 8. – С. 36-44.

82. Сафоненков П.Н. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях [Текст] / П.Н. Сафоненков // Вестник Российской таможенной академии. – 2023. – № 4 (65). – С. 168-180.

83. Сафронов С.Г. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России [Текст] / С.Г. Сафронов, А.В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 4. – С. 114-118.

84. Соколов А.Ю. Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях [Текст] / А.Ю. Соколов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1 (150). – С. 118-124.

85. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс [Текст] / В.Д. Сорокин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 4 (231). – С. 34-45.

86. Стахов А.И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации [Текст] / А.И. Стахов // Российское правосудие. – 2023. – № 3. – С. 142-154.

87. Стахов А.И. Система доказательств по делу об административном правонарушении, выявленном в ходе контрольного (надзорного) мероприятия [Текст] / А.И. Стахов // Административное право и процесс. – 2025. – № 4. – С. 63-67.

88. Степкин С.П. Проблемы правовой регламентации и особенности подачи обращений в форме электронного документа [Текст] / С.П. Степкин // Актуальные проблемы российского права. 2022. – № 7 (140). – С. 49-58.

89. Стребкова А.А. Административный процесс как юридическая категория: понятие и сущность [Текст] / А.А. Стребкова // Юрист-Правовед. 2007. – № 4. – С. 12-17.

90. Сухомлин В.А. Система международной стандартизации в области ИТ, ее роль в развитии информационной индустрии и принципы функционирования [Текст] / В.А. Сухомлин // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2022. – № 2. – С. 412-440.

91. Суша Д.А. Цифровой двойник как инструмент управления промышленными предприятиями [Текст] / Д.А. Суша // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 2-2 (88). – С. 183-189.

92. Сычев Е.А. Применение средств видеофиксации административных правонарушений в Краснодарском крае [Текст] / Е.А. Сычев, В.А. Андрухов // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 233-237.

93. Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта / Э.В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – №. 3. – С. 4-27.

94. Тихомиров Ю.А. Право и цифровая трансформация [Текст] / Ю.А. Тихомиров, Н.М. Кичигин, Ф.А. Цомартова, С.А. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4-23.

95. Трофимова И.А. Особенности административно-правовой защиты прав и законных интересов заявителей в сфере предоставления государственных услуг [Текст] / И.А. Трофимова // Административное право и процесс. – 2023. – № 1. – С. 52-59.

96. Трунцевский Ю.В. Смарт-контракт: от определения к определенности [Текст] / Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 118-147.

97. Ульянов А.Д. Совершенствование информационно-аналитической работы в территориальных органах МВД России [Текст] / А.Д. Ульянов // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 2 (54). – С. 30-40.

98. Уманская В.П. Цифровизация правотворчества в единой системе публичной власти [Текст] / В.П. Уманская // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. – 2022. – С. 229-238.

99. Федорова Т.В. Понятие и сущность доказательств и доказывания во внесудебном и судебном административном процессе [Текст] / Федорова Т.В. // Становление, развитие и интеграция внесудебного и судебного административного процесса в Российской Федерации: сборник научных статей. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. – С. 184-191.

100. Филиппович А.А. Цифровая трансформация налогового администрирования: влияние на собираемость налогов, комплаенс и развитие экономики [Текст] / А.А. Филиппович // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № 4. – С. 47-59.

101. Фомина О.Ю. Вовлеченность судьи в онлайн-коммуникацию при использовании системы веб-конференции [Текст] / О.Ю. Фомина // Вектор юридической науки. – 2023. – № 10. – С. 136-143.

102. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права [Текст] / С.Е. Чаннов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12 (145). – С. 94–109.

103. Чаннов С.Е., Амелин Р.В. Правовое обеспечение разработки и использования муниципальных информационных систем [Текст] / С.Е. Чаннов // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21. – № 1. – С. 51–62.

104. Чурикова А.Ю. Проблемы цифровизации российского уголовного процесса [Текст] / А.Ю. Чурикова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 6 (143). – С. 209-216.

105. Шатковская Т.В. Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации: проблемы и перспективы [Текст] / Т.В. Шатковская, Е.И. Гончаров // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – №. 2. – С. 131-135.

106. Шафоростова К.И. Проблема закрепления в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях норм об участии в судебном заседании посредством видеоконференц-связи [Текст] / К.И. Шафоростова // Концепт. – 2019. – № 11. – С. 12-14.

107. Шелегов Ю.В. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств [Текст] / Ю.В. Шелегов, В.Г. Шелегов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 2 (10). – С. 63-68.

108. Шергин А.П. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса [Текст] / А.П. Шергин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 8. – С. 140-147.

109. Шибает Д.В. Электронный документооборот в органах государственной власти Российской Федерации как одно из направлений обеспечения конституционного права граждан на информацию [Текст] / Д.В. Шибает // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 2. – С. 163-168.

110. Шобей Л.Г. Переписка в мессенджере как доказательство в гражданском судопроизводстве [Текст] / Л.Г. Шобей, П.А. Чернова // Вопросы экономики и права. – 2020. – № 148. – С. 17-20.

111. Шульц В.Л. Анализ проблем трансформации систем законодательного регулирования и правоприменения в условиях цифровизации и методов оценки эффективности принимаемых решений [Текст] / В. Л. Шульц // Национальная безопасность. – 2019. – № 4. – С. 19-74.

112. Шурухнова Д.Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации [Текст] / Д.Н. Шурухнова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 310-313.

113. Шурухнова Д.Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях [Текст] / Д.Н. Шурухнова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 278-280.
114. Щекина Д.С. Электронные доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях [Текст] / Д.С. Щекина // E-Scio. 2023. – № 3 (78). – С. 599-604.
115. Юмашева Ю.Ю. Архивы электронных документов: проблемы и возможные решения [Текст] / Ю.Ю. Юмашева // Власть. – 2015. – №. 3. – С. 61-66.
116. Blair G.S. et al. The role of digital technologies in responding to the grand challenges of the natural environment: the Windermere Accord [Электронный ресурс] // URL: [https://www.cell.com/patterns/fulltext/S2666-3899\(20\)30204-X](https://www.cell.com/patterns/fulltext/S2666-3899(20)30204-X) (дата обращения: 01.01.2026).
117. Bloch-Wehba H. Access to Algorithms [Текст] / H. Bloch-Wehba // Fordham Law Review. – 2020. – Т. 88. – С. 1265-1314.
118. Egyedi T.M. Standards' dynamics through an innovation lens: Next generation ethernet networks [Текст] / T. M. Egyedi, M. H. Sherif // 2008 First ITU-T Kaleidoscope Academic Conference – Innovations in NGN: Future Network and Services. Geneva, Switzerland: IEEE Computer Society. – 2008. – P. 127-134.
119. Jakobs K. ICT standardisation - co-ordinating the diversity [Текст] / K. Jakobs // 2008 First ITU-T Kaleidoscope Academic Conference - Innovations in NGN: Future Network and Services. Geneva, Switzerland: IEEE Computer Society. – 2008. – P. 119-126.
120. Yazar T. Dijital Teknoloji ve Fotoğraf Sanatı [Текст] / T. Yazar, İ. Yalçın // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2018. – № 60. – P. 612-621.
121. Yoo Y. Research Commentary – The New Organizing Logic of Digital Innovation: An Agenda for Information Systems Research [Текст] / Y. Yoo, O. Henfridsson, K. Lyytinen // Information Systems Research. – 2010. – № 4. – P. 724-735.

3.4. Диссертации и авторефераты

1. Атабеков А.Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.2 / Атабек Рустамович Атабеков. – М., 2024. – 486 с.
2. Авдеев Д.А. Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Данила Алексеевич Авдеев. – М., 2023. – 202 с.
3. Буйнов Д.О. Теория и практика собирания и экспертного исследования цифровых следов по уголовным делам в сфере экономической деятельности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Дмитрий Олегович Буйнов. – М., 2023. – 229 с.
4. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Максим Владимирович Горелов. – Екатеринбург, 2005. – 21 с.
5. Долженко А.Н. Электронный судебный документооборот [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Александр Николаевич Долженко. – М., 2025. – 245 с.
6. Жарков К.К. Публично-правовое регулирование цифровой трансформации транспортной отрасли в Российской Федерации [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Кирилл Константинович Жарков. – М., 2025. – 184 с.
7. Зубкова А.С. Комплексное правовое регулирование в современной России: понятие, состояние, перспективы [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Анастасия Сергеевна Зубкова. – М., 2025. – 170 с.
8. Ильюшина И.С. Правовое регулирование и защита персональных данных в виртуальной среде организаций [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Инна Сергеевна Ильюшина. – М., 2025. – 195 с.

9. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Александр Амиранович Карцхия. – М., 2019. – 394 с.

10. Минаева А.И. Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Анастасия Игоревна Минаева. – М., 2022. – 179 с.

11. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Петр Мечиславович Морхат. – М., 2018. – 420 с.

12. Набатов М.Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Михаил Борисович Набатов. – М., 2023. – 194 с.

13. Нагорный И.Е. Институт представительства в конституционном судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Игорь Ефимович Нагорный. – М., 2024. – 351 с.

14. Назаров Н.А. Автоматизированное принятие юридически значимых решений в сфере государственного управления [Текст]: правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Никита Алексеевич Назаров. – М., 2025. – 250 с.

15. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / Виктор Борисович Наумов. – М., 2020. – 52 с.

16. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Елена Владимировна Пономарева. – Екатеринбург, 2019. – 208 с.

17. Прокопов М.С. Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Максим Сергеевич Прокопов. – М., 2023. – 202 с.

18. Савицкий А.А. Экономические экспертизы в судопроизводстве России: теория и практика [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Алексей Анатольевич Савицкий. – М., 2021. – 543 с.

19. Саркисян А.А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Анна Ашотовна Саркисян. – М., 2023. – 168 с.

20. Сорокин А.А. Правовое регулирование налогообложения трансграничных операций в России и в странах ОЭСР [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / А.А. Сорокин. – М., 2022. – 241 с.

21. Ширеева Е.В. Проблемы правового регулирования и практики реализации стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Екатерина Валерьяновна Ширеева. – Н. Новгород, 2018. – 221 с.

22. Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Анастасия Андреевна Щитова. – М., 2022. – 225 с.

IV. Электронные ресурсы

1. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22978955> (дата обращения: 03.05.2025).

2. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорики» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335566 (дата обращения: 14.04.2025).

3. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335564/ (дата обращения: 14.04.2025).

4. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335565/ (дата обращения: 24.09.2024).

5. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335562/ (дата обращения: 14.04.2025).

6. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «квантовые технологии» [Электронный ресурс] // URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019kvanti.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).

7. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Показатели статистики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fedstat.ru/indicators> (дата обращения: 10.03.2026).

8. Подведены итоги проектов в сфере цифровой трансформации за 2025 год [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3RUJRP> (дата обращения: 01.01.2026).

9. Потенциал для роста есть [Электронный ресурс] // URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/sluzhba/potentsial-dlya-rosta-est/> (дата обращения: 02.05.2025).

10. Свыше 100 млн человек используют «Госуслуги» [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obshchestvo/24866355> (дата обращения: 01.01.2026).

11. Суд в Москве признал законной систему распознавания лиц [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/news/216384/> (дата обращения: 20.09.2024).

12. Цифровое государственное управление [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3RUHna> / (дата обращения: 01.01.2026).

13. Веб-сайт Ространснадзора. [Электронный ресурс] // URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/rostransnadzor/podrazdeleniya/mtusfo/news/19821> (дата обращения: 02.05.2025).

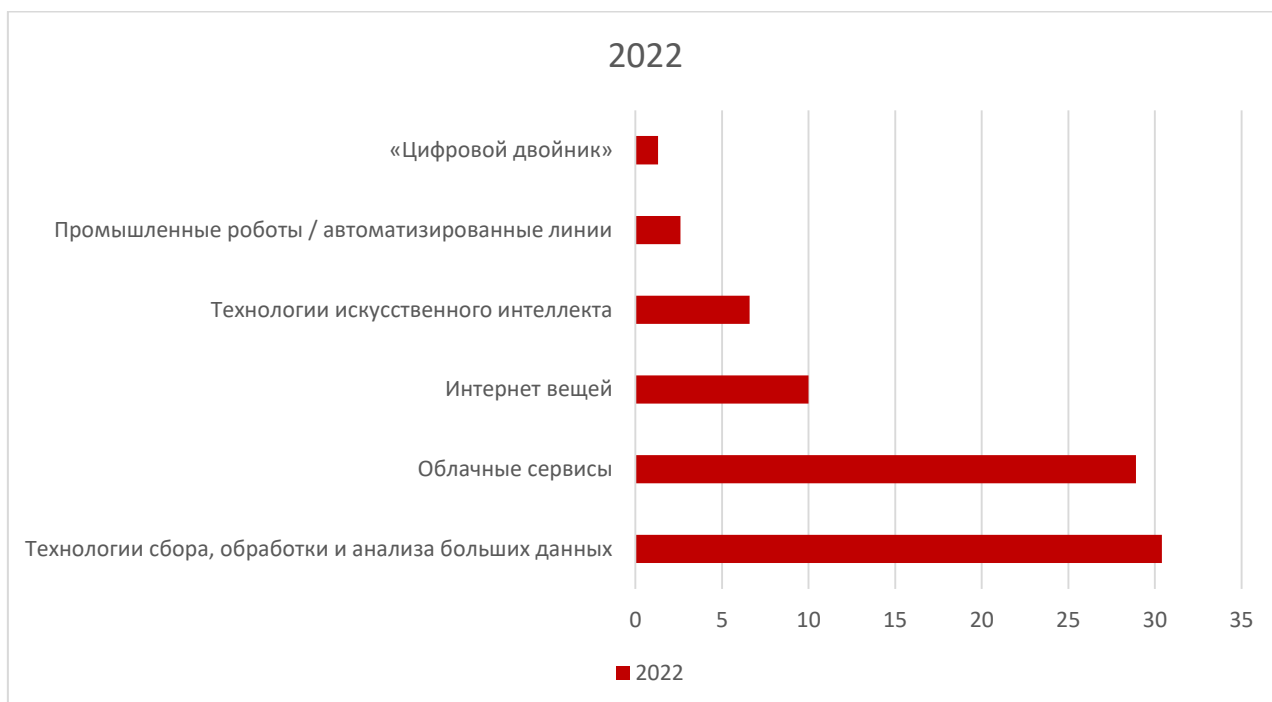
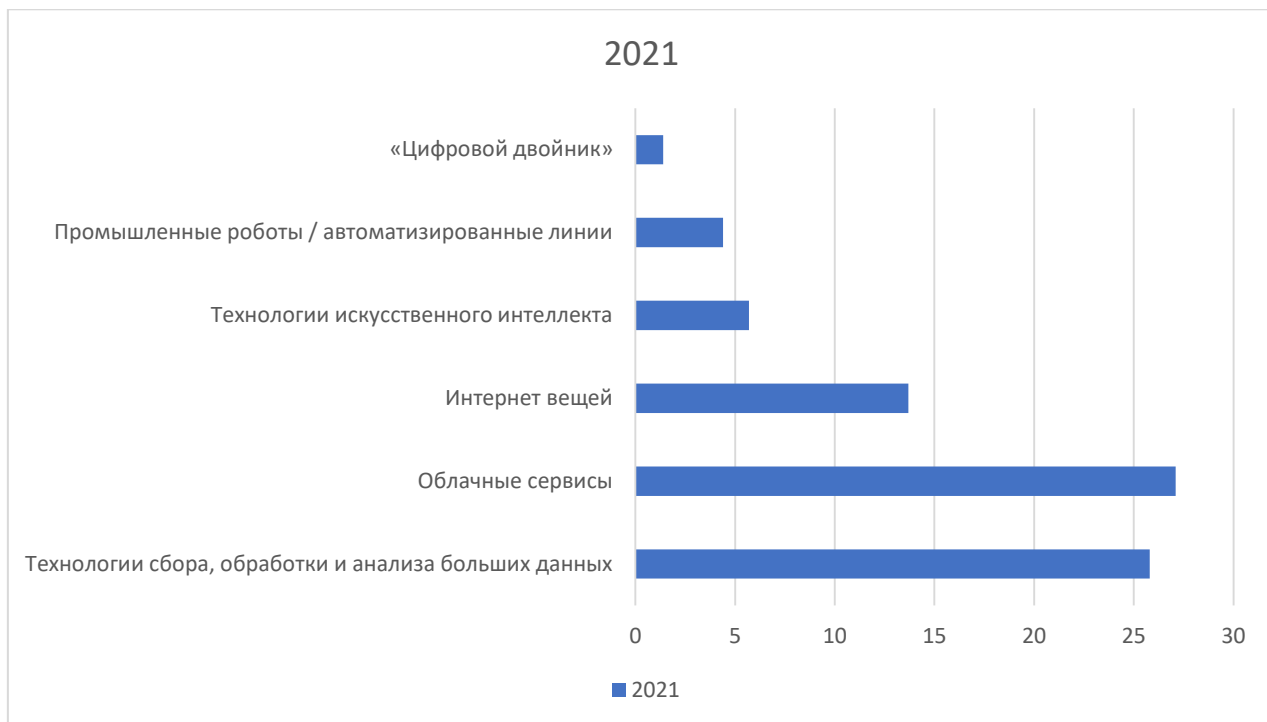
14. Environment Hong Kong 2022 [Электронный ресурс] // URL: https://www.epd.gov.hk/epd/misc/ehk22/en/pdf1/web/Environment_Hong_Kong_2022_EN.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

15. Consultation Report «North Falls Offshore Wind Farm» [Электронный ресурс] // URL: https://nsip-documents.planninginspectorate.gov.uk/published-documents/EN010119-000165-4.1_Consultation%20Report.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

16. Singapore launches Southeast Asia's first AR smart glasses and AI visual recognition technologies to empower the nation's civil defence with 5G [Электронный ресурс] // URL: <https://www.imda.gov.sg/resources/press-releases-factsheets-and-speeches/press-releases/2023/sg-launches-ar-smart-glasses-and-ai-visual> (дата обращения: 24.04.2026).

17. Building and Construction Authority [Электронный ресурс] // URL: <https://www1.bca.gov.sg/safety-and-standards/applications-and-licenses/application-for-top-csc/> (дата обращения: 23.04.2026).

Использование цифровых технологий в организациях
(в процентах от общего числа организаций)

Классификационные группы сквозных цифровых технологий

Классификационная группа	Доминирующая функция	Типовые технологии	Примеры применения в административно-юрисдикционном процессе
Аналитико-прогностические	Анализ данных, выявление закономерностей, прогнозирование	Big Data, ИИ/ML, цифровые двойники	аналитика правонарушений, выявление аномалий, поддержка принятия решений, моделирование последствий управленческих решений
Инфраструктурно-вычислительные	Хранение, обработка данных и доступ к сервисам	Облачные сервисы, ЦОД, ГИС, платформенные решения	электронное дело, межведомственный обмен, удалённый доступ участников процесса к материалам дела
Доверие и юридическая значимость	Подтверждение личности и целостности данных	Электронная подпись, биометрия, распределённый реестр/тайм-стемпинг	идентификация участников, фиксация времени и неизменности доказательств, аудит действий должностных лиц
Киберфизические и сенсорные	Сбор первичных данных из физической среды, автоматизация действий	Интернет вещей, сенсорики, робототехника, комплексы фото-видеофиксации	автоматическая фиксация нарушений, мониторинг состояния объектов (дороги, ЖКХ, экология), контроль исполнения предписаний
Визуально-интерактивные	Визуализация и дистанционное взаимодействие	VR/AR, 3D-моделирование	дистанционный осмотр, реконструкция событий, обучение и тренажёры для должностных лиц
Безопасность	Защита информации и устойчивость инфраструктуры	Криптографические средства, кибербезопас	защита персональных данных, предотвращение несанкционированного доступа и подмены

	ы	ность, управления доступом	доказательств
Исполнительные технологии	Физическое выполнение операций и контроль без непосредственного участия человека; автоматизация технических процедур	Промышленная робототехника, роботизированные комплексы, автономные беспилотные системы (дроны), автоматизированные контрольные посты	Роботизированный/автоматизированный контроль (например, весогабаритный контроль, досмотровые комплексы); использование БПЛА для мониторинга и фиксации нарушений; автоматизация технических операций при обеспечении правопорядка
Коммуникационные и организационные платформы	Обеспечение цифрового взаимодействия, координации и обмена данными между гражданами, организациями и государством	Цифровые платформы и экосистемы, ЕПГУ, ЕСИА, СМЭВ, ведомственные порталы/личные кабинеты, ЭДО	Подача заявлений и жалоб онлайн; электронные извещения и уведомления; доступ к материалам дела через личный кабинет; межведомственные запросы и обмен сведениями; дистанционное участие (ВКС/веб-конференция)

Статистические данные за 2024 г. Судебного департамента при ВС РФ (раздел 10) об использовании видеоконференц-связи при рассмотрении дел об административных правонарушениях и иных материалов в порядке производства по КоАП РФ

Категория дел и материалов	№ ст. р.	Число дел (материалов) рассмотренных с использованием ВКС (левая инстанция)	Число судебных заседаний (количество дней) с использованием	Число дел (материалов) рассмотренных с использованием	Число судебных заседаний (количество дней) с использованием	Число дел (материалов) рассмотренных с использованием	Число судебных заседаний (количество дней) с использованием	Число дел (материалов) рассмотренных с использованием ВКС (пересмотр вступивших в силу	Число судебных заседаний (количество дней) с использованием ВКС (пересмотр вступивших в силу
А		1	2	3	4	5	6	7	8
Дела об административных правонарушениях	1	47982	48298	1578	1792	419	457	0	0
Материалы в порядке исполнения постановлений об административных правонарушениях	2	34	34	0	9	0	0	0	0
Иные в порядке судопроизводства по делам об административных правонарушениях	3	62	63	0	9	0	0	0	0

ивных правонаруше ниях									
Итого назначено ВКС	4	47630	4794 4	1578	1792	419	457	0	0
Исполнено судебных поручений об организации ВКС	5	1750	1745	172	167	7	7	0	0

Распространенные процессуальные формы КоАП РФ, посредством которых
вводятся цифровые данные как доказательства

Процессуальный формы	Норма КоАП РФ	Как вводятся цифровые данные	Типичные цифровые объекты
Иные документы	ст. 26.7	Приобщение документа, носителя к материалам дела (в т.ч. распечатки, электронные файлы, загрузки).	скриншоты, переписки, фото или видео, аудио, загрузки из баз данных, логи, файлы, web-страницы и т.д.
Показания специальных технических средств	ст. 26.8	Отражение показаний в протоколе или постановлении; приобщение фото или видео материалов от ТС фиксации.	камерная фиксация (фото или видео), данные измерительных приборов, результаты автоматической фиксации.
Вещественные доказательства	ст. 26.6	Изъятие или осмотр носителя; фиксация наличия в протоколе.	телефон, жёсткий диск или другое запоминающее устройство, видеорегистратор и т.д.

Алгоритм проверки электронного доказательства в рамках производства
по делу об административном правонарушении

Поступление электронного объекта
Определение процессуальной формы для включения в качестве доказательства
Идентификация объекта (тип, формат, размер, метаданные, другие идентификаторы)
Проверка законности получения электронного доказательства (исследование полномочий, порядка получения и т.д.)
Обеспечение сохранности доказательства
Проверка относимости доказательства (соотнести с обстоятельствами дела, которые подлежат установлению)
Проверка допустимости доказательства (соблюдение формы)
Проверка достоверности доказательства (сопоставление с другими доказательствами дела, проведение экспертизы в случае необходимости)
Оценка всех доказательств по делу

Вносится Правительством Российской Федерации

Проект

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»

Статья 1

Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 1, ст. 1; 2025. № 15. Ст. 1785) следующие изменения:

1) часть 1 статьи 25.1 после слов «знакомиться со всеми материалами дела» дополнить следующим:

«в том числе с материалами дела, содержащими электронные доказательства, в форме, которая позволяет их воспроизвести, идентифицировать и проверить.».

2) главу 24 дополнить статьей 24.10 следующего содержания:

«Статья 24.10. Применение алгоритмической автоматизации в производстве по делам об административных правонарушениях

1. В производстве по делам об административных правонарушениях допускается применение алгоритмической автоматизации, под которой понимается технологический механизм реализации заранее predetermined процедурных последствий, наступающих в силу принятого правоприменителем решения.

2. Алгоритмическая автоматизация может применяться для регистрации процессуальных действий, учета процессуальных сроков, направления извещений, формирования проектов процессуальных документов,

межведомственного информационного взаимодействия, а также иных действий, не связанных с самостоятельным разрешением дела по существу.

3. Не допускается принятие процессуального решения исключительно посредством алгоритмической автоматизации без оценки обстоятельств дела.

4. Применение алгоритмической автоматизации должно обеспечивать проверяемость совершенных действий.

5. Правительство РФ устанавливает особенности применения данной технологии в ходе производства по делам об административных правонарушениях.».

3) главу 24 дополнить статьей 24.11 следующего содержания:

«Статья 24.11. Применение технологий искусственного интеллекта в производстве по делам об административных правонарушениях

1. В случае применения технологий искусственного интеллекта в производстве по делу об административном правонарушении результаты их использования подлежат фиксации в протоколе применения технологий искусственного интеллекта.

2. В протоколе применения технологий искусственного интеллекта указываются цель применения соответствующей технологии, дата и время ее применения, основания использования, должностное лицо, применившее такую технологию или ответственное за ее применение, используемая модель искусственного интеллекта, сведения о данных, подвергнутых обработке, полученный результат, способ проверки такого результата должностным лицом, а также мотивированный вывод должностного лица о согласии или несогласии с результатом применения технологии искусственного интеллекта.

3. Протокол, указанный в ч. 1 настоящей статьи, приобщается к материалам дела об административном правонарушении и подлежит оценке по правилам, установленным настоящим Кодексом.

4. Не допускается принятие итогового процессуального решения исключительно на основании результата, полученного с использованием

технологий искусственного интеллекта, без самостоятельной оценки обстоятельств дела.».

4) статью 26.2 дополнить частью 4 следующего содержания:

«Под электронными доказательствами следует понимать фактическую информацию, которая представлена в цифровой форме и воспринимается через специальное программное обеспечение, на основании которой судья, орган власти или должностное лицо устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства по делу при условии установления источника происхождения данных и сохранения неизменности их содержания с момента получения и до момента его изучения.».

5) часть 5.2 статьи 28.2 дополнить следующим:

«В случае составления протокола об административном правонарушении с использованием системы видео-конференц-связи в протоколе указываются программное решение, сведения о идентификации, время начала и окончания соединения, сведения о стабильности соединения, а также о наличии либо отсутствии технических сбоев при совершении соответствующего процессуального действия.».

6) часть 1 статьи 29.14 изложить в следующей редакции:

«В случае, если судьей признано обязательным присутствие при рассмотрении дела об административном правонарушении участника производства по делу об административном правонарушении, который по объективным причинам не имеет такой возможности, судья по ходатайству участника производства по делу об административном правонарушении, поданному заблаговременно до даты судебного заседания, либо по собственной инициативе, разрешает вопрос об участии указанного лица в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности, в течение трех рабочих дней со дня поступления ходатайства. Исключение составляют дела об

административных правонарушениях, рассматриваемые в день поступления протокола, а также дела в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, которые подлежат рассмотрению не позднее 48 часов с момента задержания, по таким делам ходатайство подается незамедлительно, а определение по нему выносится судьей в течение четырех часов.»;

7) часть 1 статьи 29.16 изложить в следующей редакции:

«Участники производства по делу об административном правонарушении могут участвовать в рассмотрении дела путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими ходатайства, поданного заблаговременно до даты рассмотрения дела, или по инициативе судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело, при наличии у участников производства по делу технической возможности, если для правильного рассмотрения и разрешения дела необходимо участие в его рассмотрении лица, которое по объективным причинам не имеет такой возможности, а также при наличии в суде, у органа, должностного лица технической возможности проведения веб-конференции. При поступлении ходатайства об участии в рассмотрении дела при помощи системы веб-конференции от участника производства по делу об административном правонарушении суд, орган или должностное лицо разрешает вопрос в течение трех рабочих дней со дня поступления ходатайства. Исключение составляют дела об административных правонарушениях, рассматриваемые в день поступления протокола, а также дела в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, которые подлежат рассмотрению не позднее 48 часов с момента задержания, по таким делам ходатайство подается незамедлительно, а определение по нему выносится в течение четырех часов.».

8) часть 1.1 статьи 30.2 дополнить следующим содержанием:

«Жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в электронной форме в порядке, предусмотренном статьей 24.8 настоящего Кодекса.».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу с (дата).

Президент
Российской Федерации

Термины и определения в сфере цифровых технологий, применимых в производстве по делам об административных правонарушениях

1. Алгоритмическая автоматизация в производстве по делам об административных правонарушениях — технологический механизм реализации заранее predetermined процедурных последствий, наступающих в силу принятого правоприменителем решения.

2. Алгоритмические средства — это программно-технические инструменты, которые осуществляют обработку и анализ данных по заранее заданной логике.

3. Большие данные (Big Data) – цифровая технология/ подход к анализу данных, с помощью которой можно провести анализ большого объема данных.

4. Интернет-вещи – цифровые технологии, которые представляют собой динамическую глобальную сетевую инфраструктуру с возможностями самоконфигурирования, где физические объекты («вещи»), подключаясь к интернету, могут обмениваться данными с другими устройствами или системами с помощью различных электронных устройств, в том числе интегрированных с ними сенсоров и датчиков, обеспечивающих сбор и обработку информации в реальном времени.

5. Информатизация — процесс внедрения и использования информационных технологий в различных сферах общественной жизни, направленный на преобразование общественных отношений и повышение эффективности информационного взаимодействия.

6. Информационно-коммуникационные технологии — совокупность информационных процессов и методов работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации. (п. 3.1.5 ГОСТ Р 52653-2006).

7. Информационно-телекоммуникационные технологии – это разновидность информационно-коммуникационных технологий, где информация передается посредством электронного взаимодействия и сетей связи.

8. Информационные технологии – совокупность процессов, методов, способов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и использования информации вне зависимости от конкретной коммуникационной инфраструктуры (п. 2 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

9. Искусственный интеллект – цифровая технология, которая обеспечивает имитацию отдельных когнитивных функций человека и получение результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека при решении поставленных задач.

10. Квантовые технологии – цифровые технологии, которые способны управлять сложными квантовыми системами на уровне отдельных частиц, например, атомов и фотонов.

11. Нейротехнологии – цифровая технология, связанная с получением, обработкой и использованием данных о функционировании нервной системы человека

12. Облачные вычисления (Cloud Computing) – цифровая технология, которая обеспечивает сетевой доступ по требованию к общему пулу конфигурируемых вычислительных ресурсов (сетям передачи данных, серверам, хранилищам, приложениям и сервисам), которые могут быть быстро предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами или обращениями к поставщику.

13. Робототехника – цифровая технология, которая заключается в проектировании, производстве и применении роботов и робототехнических устройств, то есть в значительной степени автономных программируемых исполнительных механизмов.

14. Сенсорика – цифровая технология, состоящая из методов измерения физических величин, а также методов обработки сенсорной информации.

15. Система распределенного реестра (blockchain) – цифровая технология, содержащая в себе новый подход к созданию распределенных баз данных, где единый центр управления отсутствует и каждый узел независимо от других узлов составляет и записывает изменения реестра.

16. Сквозные цифровые технологии в контексте государственного управления – это горизонтальные (кросс-отраслевые) цифровые решения, которые могут быть внедрены в любые сферы и выступают именно как технологическая основа трансформации большого комплекса процессов в административно-юрисдикционном процессе.

17. Технологии беспроводной связи – цифровые технологии, служащие для передачи информации между двумя и более точками на расстоянии без проводной связи. К данной технологии также относятся технологии спутниковой связи, сетевые технологии 5G и 6G и защищенной телекоммуникации.

18. Цифровая форма – способ представления информации в виде цифровых данных (кода), пригодных для машинного чтения.

19. Цифровизация – процесс преобразования общественных отношений, механизмов управления и взаимодействия посредством внедрения и использования цифровых технологий.

20. Цифровые двойники – цифровые технологии, в которых виртуальные модели физических объектов, процессов или систем, синхронизируют своё состояние с оригиналом в реальном времени и применяемые для мониторинга, анализа и управления.

21. Электронные доказательства – фактическая информация, которая представлена в цифровой форме и доступна для восприятия с использованием специального программного обеспечения, на основании которой судья, орган власти или должностное лицо устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к

административной ответственности, а также иные обстоятельства по делу при условии установления источника происхождения данных и сохранении неизменности их содержания с момента получения и до момента его изучения.

22. Цифровые технологии – совокупность программных решений и технической инфраструктуры, которая обеспечивает создание, сбор, передачу, хранение, обработку и использование данных в цифровом виде, а также юридически значимые процедуры управления, доступа, идентификации и фиксации действий участников.

23. Цифровые технологии, используемые в административно-юрисдикционном процессе – совокупность программных решений и технической инфраструктуры, которая обеспечивает создание, сбор, передачу, хранение, обработку и использование информации в цифровом виде, а также реализацию юридически значимых процедур фиксации, процессуального взаимодействия и исполнения решений.

24. Электронная форма – способ предоставления информации в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

25. AR (Augmented Reality)– цифровые технологии, которые дополняют реальный мир виртуальными деталями, обеспечивая в режиме реального времени интеграцию информации (в формате компьютерной графики, аудиоформате и т.д.) с объектами реального мира.

26. VR (Virtual Reality) – цифровые технологии, которые предоставляют возможность с помощью специализированных устройств погрузить человека в виртуальный мир, при этом обеспечивая субъекту эффект присутствия в таком мире.